

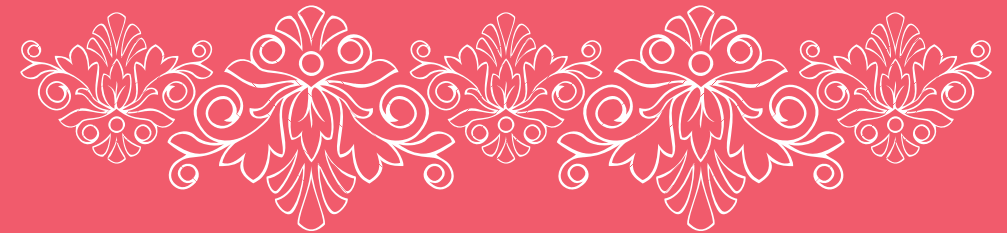
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ. Выпуск 4

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

памяти профессора
Валентины Андреевны Лебединской

Выпуск 4

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр
43-38-36

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИМЕНИ ПРОФ. В.А. ЛЕБЕДИНСКОЙ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПАМЯТИ

**проф. Валентины Андреевны
ЛЕБЕДИНСКОЙ**

ВЫПУСК 4

Сборник материалов
Международной научной конференции
3-4 марта 2008 года

Курган 2008

Ш 141.2 - 3
УДК 415.61
ББК 81.2 - 3
Ф - 32

Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. Выпуск 4 / Отв. ред. Н.Б. Усачева. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. -188 с.

Четвертый выпуск "Фразеологических чтений" включает в себя материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.А. Лебединской.

Сборник отражает результаты научных исследований фразеологов, принадлежащих разным направлениям: семантико-грамматическому, функциональному, семантическому, когнитивному, синтаксическому, идеографическому и др. Издание предназначается для широкого круга филологов: преподавателей вузов и школ, аспирантов, студентов.

Рецензенты:

Д.ф.н. профессор Пловдивского университета
им. Паисия Хилендарского *Георгиева С.*

К.ф.н. доцент кафедры русского языка
Тюменского государственного университета *Соколова А.А.*

Редколлегия:

К.ф.н. доцент *Н.Б. Усачева* (отв. ред.), к.ф.н. доцент *Н.В. Шведова*,
ст. преподаватель *Н.В. Гончарова*, ст. лаборант *Т.Ю. Воронина*

ISBN 978-5-86328-886-4

© Курганский
государственный
университет, 2008

Профессор Валентина Андреевна ЛЕБЕДИНСКАЯ

*Г.Н. Абреимова,
Елец*

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ПРИШВИНА

Единицы фразеологической системы как подсистемы языка отражают национальные особенности народа, его быт и нравы, (образную) картину восприятия мира, менталитет. Относительно конечное множество фразеологических ресурсов при определенных условиях трансформируется.

Трансформационные процессы в области фразеологии как подсистемы языка разнообразны. Существует много способов/приемов трансформации единиц, затрагивающих форму и содержание устойчивого выражения. Традиционно выделяют семантические и структурно-семантические преобразования. К трансформациям первого типа относятся семантико-стилистические изменения, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ (переосмысление ФЕ, изменение коннотативного содержания, двойная актуализация, буквализация значения ФЕ, народноэтимологическое переосмысление внутренней формы, экспликация образной основы ФЕ и др.). Структурно-семантические трансформации ФЕ представляют собой смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и / или грамматической формы ФЕ. Разграничивают два основных типа структурно-семантических преобразований ФЕ: 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества ФЕ (расширение или сокращение компонентного состава ФЕ, замена компонента ФЕ, изменения в расположении компонентов, расширение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости ФЕ, полная деформация ФЕ и др.); 2) преобразования, в результате которых возникают окказиональные (индивидуально-авторские) фразеологизмы (окказиональные ФЕ, основывающиеся на преобразовании категориального значения ФЕ, на конверсии ситуации, на структурно-семантической инверсии, контаминация ФЕ и др.) [5: 17-32]. Ю. А. Гвоздарев все случаи оригинального употребления ФЕ представляет тремя основными типами: 1) лексические изменения, когда сохраняется значение ФЕ, но частично изменяется ее лексический состав; 2) семантические изменения, когда ФЕ сохраняет свой установившийся состав, но употребляется в необычном окружении, что приводит к изменению ее значения; 3) лексико-семантические изменения, когда частично изменяется лексический состав и одновременно значение ФЕ [2: 106].

Исследуя коммуникативно-прагматические свойства русских фразеологизмов, Е.А. Добрыднева разграничивает два основных вида преобразований фразеологизмов: 1) преобразования, не нарушающие тождества фразеологизма и закреплённые узусом как его «варианты», или «вариации»; 2) преобразования ситуативные, вызванные определенными установками говорящего в конкретном акте вербальной коммуникации [4: 237].

Наибольший интерес вызывает у лингвистов исследование индивидуально-авторских (ситуативных) преобразований фразеологических единиц, являющееся «одним из перспективных направлений коммуникативно-прагмати-

ческой фразеологии» [4: 239].

Известно, что индивидуально-авторское изменение устойчивых словесных комплексов характерно для языка большинства русских писателей: Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, М. Горького, М.А. Шолохова, В.М. Шукшина, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. Те или иные преобразования ФЕ стали объектом исследования многих лингвистов.

Следует отметить, что фразеология М.М. Пришвина представляет собой малоизученное явление, отсутствуют монографические работы, в которых был бы представлен анализ фразеологического фонда данного писателя.

По нашим наблюдениям, М.М. Пришвин использует различные типы ФЕ: идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, крылатые выражения, многие из которых употреблены писателем в трансформированном виде.

В данной статье рассматриваются семантические и структурно-семантические преобразования ФЕ (устойчивых словесных комплексов), которые делятся на узуальные (языковые, общезыковые) и окказиональные (речевые, индивидуально-авторские).

В произведениях М. Пришвина из семантических трансформаций встречается, например, **буквализация значения**: 1) *Казалось, она всю жизнь свою только и ждала смертельной схватки с бедой, и вот она пришла, та беда настоящая. Пришла беда - отворяй ворота! Ни слезинки не пролила красавица по Ване, открыла горю ворота и вышла за околицу* («Повесть нашего времени»); 2) *Капля, падая на камень, четко выговаривает: «Я!» Камень большой и крепкий, ему, может быть, еще тысячу лет лежать, а капля живет одно мгновение, и это мгновение - боль бессилия. И все же: капля долбит камень, многие «я» сливаются в «мы», такое могучее, что не только продолбит камень, а иной раз и унесет его в бурном потоке* («Фацилия»). В данных примерах значение ФЕ, представляющее собой ее образную основу, выступает на первый план в результате разнообразных уточнений, пояснений, которые мы обнаруживаем непосредственно в контексте рядом с указанными оборотами (условно ФЕ нами подчеркнуты).

К структурно-семантическим преобразованиям относят изменения состава ФЕ путем расширения или сокращения, замены компонента фразеологизма словом или словосочетанием, дистантного расположения компонентов и др.

Одним из видов трансформаций является увеличение числа компонентов ФЕ, т. е. включение в ее стабильный лексический состав новых слов.

Речевое **расширение компонентного состава** ФЕ иллюстрируется следующими примерами: 1) *Что ты нос выше песка задрад, оглянись на себя, кто ты есть?* («Никон Староколенный»); 2) *Мы говорили, что от пули нет у солдата защиты, что нет на свете ни колдунов, ни бесов, ни зелья-снадобья, и чему быть на войне - того не миновать* («Повесть нашего времени»); 3) *Так, закидывая свою удочку у дворян, у купцов, мещан и даже крестьян, Мария Ивановна заключила, что разговоры о конституции собственно к жизни не имеют никакого отношения, но за столом вызывают всегда интересные споры* («Кашеева цепь»). Ср.: ФЕ *нос задрать, чему быть - того не миновать, закидывать удочку*. Слова *выше леса, на войне, свою* в опреде-

ленной степени служат средством уточнения значений компонентов ФЕ, но, с нашей точки зрения, узуальными, обязательными не являются, их функция - авторская. Следовательно, в данном случае наблюдается индивидуально-авторское расширение компонентного состава ФЕ.

Бондаренко В.Т. указывает на то, что появление новых компонентов в составе устойчивых фраз приводит к повышению «коннотативного потенциала, усилению «экспрессивности «звучания». Результатом такого количественного преобразования, носящего нередко игровой характер, являются, как правило, шутливо-каламбурные варианты. Например: *Еще надо тебе знать, что тише едешь, дальше будешь - от того места, куда едешь. Понял?* (Пришвин, Кашеева цепь) [1: 34]. Следует отметить, что вариант пословицы *тише едешь, дальше будешь - от того места, куда едешь* является узуальным [6: 372].

Нередко используется в произведениях М. Пришвина прием **сокращения компонентного состава** ФЕ, базирующийся на способности читателей соотносить эллиптическую часть устойчивого сочетания с его полной нормативной формой. В большинстве случаев при сокращении компонентного состава ФЕ сохраняется смысловое содержание ФЕ, но часто становится менее интенсивной экспрессивность, менее яркой - образность. Ср.: 1) *Конечно, радостно было узнать, что Миша хорошо кончает, но что он действительно сделается инженером, не поверила. «У него семь пятниц, - сказала она, - и еще сюда не доедет, что-нибудь придумает новое («Кашеева цепь»)»* - ср.: ФЕ *семь пятниц на неделе*; 2) *Приходит человек, и у него нет ничего своего, но таится он, не лукавится, и ты с ним сразу друг, и один миг тут отвечает за весь пуд соли, а через час он возле тебя мертвый лежит, и новый приходит, и ты с ним тоже в миг один - пуд соли, и опять он тебе друг, и уходит, как друг»* («Повесть нашего времени») - ср.: ФЕ *пуд соли съест*. В данных примерах иллюстрируются индивидуально-авторские изменения устойчивых словесных комплексов, представляющие собой речевой эллипсис.

Редуцированная языковая форма ФЕ *как круговой баран головой вертишь* [3] представлена в следующем контексте: *Двое покатались к реке. Один схватился за ухо и вертится, как круговая овца («Кашеева цепь»)*. Исходя из наших наблюдений, в народной разговорной речи жителей Липецкой области ФЕ *как круговая овца* является наиболее известной и употребительной, чем ее полная форма.

Языковая ФЕ *пух ... летит* характеризуется эллипсисом и дистантным расположением компонентов: *... с первых же дней у Староколенного с дьяконом такие забавные споры пошли, что как сцепятся - пух, бывало, от обоих летит, будто перетрясают старые подрыски («Никон Староколенный»)»* - ср.: *пух да перья летят*.

Центральное место в системе трансформаций ФЕ занимает прием **замены (субституции) компонента** словом или словосочетанием. Лексическими вариантами выступают глаголы, существительные, прилагательные, местоимения, частицы, предлоги, наречия. Ведущее и преобладающее место среди них в языке М. Пришвина занимают глагольные и именные лексемы.

Примеры языковых лексических вариантов: 1) *Еще был украинец, здоро-*

венный малый, лентяй, но зато развитой, и политику знал так, что в этом одним словом каждому рот зажмет («Кашеева цепь») - ср. заткнуть рот; 2) И как заберет это себе в голову, что свет кончается, так ей вынь да положь, чтобы сейчас он ей и кончился («Осударева дорога») - ср.: взбре-по в голову; 3) Вот и я так же думал, что с торбой пойду, а Бог сколько хлеба дал, и завтра тоже: будет день, будет пища («Никон Староколенный») - ср.: ходить с сумой устар. «нищенствовать, побираться».

Отмечены также примеры речевых (индивидуально-авторских) субституций: 1) Я теперь совершенно уверена, что вся эта милая жизнь, как ты рассказываешь, пожится на спине Екатерины Семеновны: на одной стороне легкомыслие, на другой долг, вот так и сводят концы с концами («Кашеева цепь») - ср.: пожиться на плечи; 2) Нет, блудные дети не виноваты в измене родному гнезду, нет измены, а в перемене чувства нельзя винить никого... («Кашеева цепь») - ср.: блудный сын; 3) Не вышла шутка. Прикусил дьякон губу. О том, о сем речь заводил поп, спор в этот день не наладился, и невеселые разошлись по домам гости ... («Никон Староколенный») - ср.: прикусить язык; 4) И еще другую ошибку свою я видел, самую главную, в том, что под предлогом возлюбленной думал только о себе, и поднятую бурю в стакане эгоистической души принимал за мировое событие... («Кашеева цепь») - ср.: буря в стакане воды; 5) - Вешана книга не на казенных весах и меряна не казенным аршином («Кашеева цепь») - ср.: мерить на свой аршин; мерить на один аршин. В последнем примере наблюдается внутренняя синтаксическая трансформация (мерить на аршин какой - меряна аршином каким).

Синтаксическая инверсия используется М. Пришвиным как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов: - Не беспокойся, мама, тебе, наверно, моя невеста придется по вкусу: она училась в Смольном и теперь кончает Сорбонну по историческому. ... - У тебя не дура губа! Алпатов засмеялся («Кашеева цепь») - ср.: губа не дура.

В произведениях М. Пришвина преобразования, приводящие к возникновению индивидуально-авторских ФЕ, имеют следующие типы: преобразование категориального значения устойчивого словесного комплекса, включение ФЕ в сравнительный оборот, контаминация устойчивого сочетания, образование окказиональной ФЕ по модели языковой ФЕ [5].

В индивидуально-авторской ФЕ как танец от печки можно отметить два типа преобразований - **изменение категориального значения и включение ФЕ в сравнительный оборот**: ... он заметил, в ужасе, что мыслы его, и боль, и даже все внешнее, что попадалось в глаза, и особое новое чувство своей вины, протекая кругом, начиналось, как танец от печки, и эта неподвижная печка была положение ... («Кашеева цепь») - ср.: танцевать от печки.

Сравнительно редко наблюдается так называемая **контаминация фразеологизмов**, т. е. объединение их в одно целое. Так, контаминация сочетаний задеть за живое и задеть (за) струну отмечена в следующем примере: Мария Ивановна принялась ворчать на Лидию, попрекать ее чуть ли даже не куском хлеба ... Да, она и умела-таки во время своих точений задеть за живую струну! («Кашеева цепь»). Основанием для такого объединения является общий лексический компонент (задеть). Следует отметить, что образую-

щиеся в результате контаминации единицы, как правило, не выходят за пределы индивидуально-авторских преобразований, не становятся достоянием языка.

Близок к эллиптированию (но не тождественен ему) прием фразеологического преобразования, состоящий в использовании отдельных компонентов ФЕ в изолированном виде. В отличие от фразеологического эллипсиса (при использовании которого исходное устойчивое сочетание в большинстве случаев ощущается благодаря неизменяемости его структурной формы) указанный прием предполагает полное разрушение лексико-грамматической конструкции оборота, «растворение» отдельных его слагаемых в узком или широком контексте произведения. Разрушение фразеологизма (дефразеологизация) - это, по существу, утрата им отдельных релевантных признаков, в том числе устойчивости и общезвестности. В определенном контексте ФЕ может настолько измениться, что превращается в обычную литературную реминисценцию. При этом отдельные компоненты позволяют предполагать как форму, так и значение того или иного устойчивого выражения. В этом смысле фразеологическая аллюзия является стилистическим приемом, которым активно пользуется М. Пришвин для передачи действительности во всем ее многообразии.

Дефразеологизация ФЕ наблюдается в следующих примерах: 1) - *Уходи... «К черту», - хотел дьякон сгоряча сказать, но тут как раз в церковной ограде петух запел, дьякон спохватился и поправился: - Уходи к петуху! - тихонько пробасил («Никон Староколенный»)* - ср.: ФЕ *уйди к черту!*; 2) *Но самое главное, кажется ему, что он верит: ведь нужно только горчичное зерно веры, чтобы гора сдвинулась и подошла.. («Кашеева цепь»)* - ср.: ФЕ *вера горами движет*; 3) *Вся беда, что Лида старшая и росла как-то совершенно одна, я же, всегда занятая в хозяйстве, упустила, и теперь душа ее мне кажется каким-то темным омутом: ничего не просвечивает («Кашеева цепь»)* - ср.: ФЕ *чужая душа - потемки*; 4) *Старый два раза слезал с полатей поглядеть в окошко, не пора ли отправляться на ток, и оба раза его хватал бес за ребро. Оба раза молодая вдовья сноха Паша хорошо огрела его рогачом («Кашеева цепь»)* - ср.: ФЕ *седина в бороду (в голову), а бес (черт) в ребро*; 5) *Насчет двойной бухгалтерии я думаю: скорее всего у вас-то, по-по, она и есть двойная, со счетами богу и кесарю, а материализм, как ты говоришь, этот счет двойной выправляет («Повесть нашего времени»)* - ср.: ФЕ *кесарево кесарю, а божие богу*; 6) *А этот Артюшка, торговый агент, и глазом моргнуть не успеешь, обведет тебя по-своему, и нет ничего у тебя - ни товару, ни человека («Повесть нашего времени»)* - ср.: ФЕ *обвести вокруг пальца*; 7) *... но явился пьяный Афонька, всех сбил, все перепутал и, завладев общим вниманием, стал говорить о сотворении мира и о Новом потопе, и как взбунтовались звери в ковчеге... («Кашеева цепь»)* - ср.: ФЕ *сбить с толка*.

Разрушение ФЕ происходит у М. Пришвина и в широком контексте. Например: - *Врагов не было, - ответил Илья, - теперь только и поняли, кто наши враги.*

- *Кто? Известно кто: капиталисты. Яша вздохнул: - А какое государ-*

ство-то было. Илья: - И все в прах! Балалайка: - Вдрызг! Гармонист и скрипач: - Вдрызг, в прах и распрах! («Мирская чаша») - ср.: ФЕ *разбить в пух и (в) прах*.

В языке М. Пришвина образование авторских выражений по модели языковых ФЕ приводит к созданию афоризмов. Например: 1) *И пока «я сам» существую, нечего плакать об утраченном: ведь говорят - «снявши голову, по волосам не плачут», значит, можно сказать и так: «была бы голова, а волосы вырастут»* («Фацелия») - ср. с языковой моделью: *было бы болото, а черти найдутся; были бы кости, а мясо нарастет; был бы хлеб, а зубы сыщутся* и под.; 2) *Можно вселенную мерить на свой аршин, а можно себя измерить вселенским аршином: мера одна и та же - аршин* («Кашеева цепь») - ср.: ФЕ *мерить на свой аршин и мерить на один аршин*.

Итак, как показывают наблюдения, довольно часто автор использует прием замены компонентов ФЕ (как речевое, так и языковое варьирование), а также сокращения компонентного состава ФЕ (как правило, индивидуально-авторские варианты). Одним из наиболее излюбленных стилистических приемов преобразования в языке М. Пришвина является дефразеологизация ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. - Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Тула, 1995.
2. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. - Ростов н/Д, 1977.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Тт. I-IV. - М., 1994.
4. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматические преобразования фразеологизмов // Фразеология - 2000. - Тула, 2000.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. - М., 1997.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. - Тт. I-II. - М., 1994.

**Л.И. Авалиани, Л.С. Хачануридзе,
Кутаиси, Грузия**

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГРУЗИНСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

«Культура глав Библии непосредственно и сознательно включена в разум людей христианской цивилизации. И хотя эта книга передает мироощущение и приключения древних людей, она сообщает нам общечеловеческий дух, который понятен жителю любого уголка Земли» [Кикнадзе З., 1989, с. 5]. Библия представляет собой один из основных источников фразеологических заимствований, ввиду чего последние называют «интернациональными фразеологизмами» [Назарян А., 1985, с. 35].

Мы рассматриваем фразеологические единицы библейского происхождения в грузинском и арабском языках. Предпринимается попытка выявить из-

менения, которые претерпели признанные интернациональными единицами фразеологизмы в речи двух различных наций. В качестве иллюстрирующих примеров привлечены записанные нами в Арабской Республике Сирии и Западной Грузии материалы, которые хранятся в фондах Научно-исследовательского института диалектологии Кутаисского государственного университета Акакия Церетели.

Глаз за глаз // кровь за кровь // зуб за зуб (Ветхозаветная формула мести: «И сказал Господь Моисею... отдать душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, сожжение за сожжение» [Ветхий Завет 21, 24-25]) - непримиримость, месть за содеянное преступление: «Сегодня действует закон - кровь за кровь, не видишь, не щадят друг друга»; «Зуб за зуб, если я оставлю это дело», - сказал я ему» [НИИД, фонд Е]. Заметим, что православные прихожане, согласно Святому писанию, стараются мотив мести возложить на Господа: «Да покарает тебя Господь за содеянное мне» (Псалтырь 136, 8) [НИИД, фонд Е].

Это выражение: **العين بالعين و الدم بالدم و السن بالسن** часто встречается в речи арабов мусульманского вероисповедания, христиане же избегают его употребления исходя из соображения - «Прости и простимым будешь».

Не оставить камня на камне // стереть с лица земли («И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего...») - обратился Иисус Христос к Иерусалиму, войдя в город во время празднования Пасеки. Приближалось распятие, и Израиль должен был понести наказание за непризнание очеловеченного Господа [Лука 19, 44]) - разрушать, опустошать, уничтожать. В основном выражение встречается в форме проклятья: «Да выродит Господь с лица земли этих кровопийц, да не оставит камня на камне в их кровле» [НИИД, фонд Е].

Данное выражение **دمر الأخضر واليابس** имеется и в арабском языке, хотя включает в себя дополнительные нюансы, обостряющие его значение: а) дословно: опустошить зелень; б) полное уничтожение живого и мертвого, или, как говорят арабы, **جعل عاليها سافلها**; в) **لم يترك حجرا على حجر** ставить вверх тормашками, уничтожать (дословно: низвергнуть вниз то, что было вверху); г) риторический возглас **ما لها يا دنيا شقوبها** («Что с тобой, моя страна?!») «Что происходит с этой страной - развалили, перевернули вверх тормашками».

Осыпать пеплом (пылью) голову (согласно Ветхозаветному преданию, это - знак глубочайшей скорби евреев. Они разрывали на себе одежду, осыпали голову пылью (пеплом), ни с кем не говорили или же громко рыдали: «И услышали трое друзей Иова о всех этих несчастьях, постигших его... и зарыдали, и разодрали каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами к небу» [Иов 2, 11-12]; «Когда Мардохей узнал, что делалось, разодрал одежду свои, и возложил на себя вретилище и пепел, и вышел на середину города, и взывал с воплем великим и горьким» [Есфирь 4,1]) - исхудание, разорение: «Каким был парнем хорошим, а сейчас ходит с пеплом на голове. Какова

жизнь, а?!» «Человек должен владеть культурой, прилично одеваться, чтобы не ходить, как осыпавший пепел на голову» [НИИД, фонд Е]. В менгрельских материалах имеется выражение «tuta girgu dudsha» (осыпал голову пеплом, т.е. разорился, стал плохо выглядеть) [НИИД, фонд D]. Опираясь на изданные словари, заметим, что в древней Грузии это выражение встречалось и в значении скорби. Например, в Менгрелии овдовевшие женщины осыпали голову пеплом и ложились спать на краю очага, якобы ложась в могилу. К этому обычаю восходит сострадательный возглас - «Испепеленный ты мой», с которым обращаются к скорбящим людям.

С аналогичным семантическим значением данный фразеологизм фиксируется и в арабском языке. Он встречается как в дословном виде **ذُر**

يُترابا فوق رأسها, так и с отличающимся лексическим составом: «сыпать землю на голову» [«Тысяча и одна ночь», IV Стр. 88]. Следует обратить внимание на факт, что данное выражение бытует в речи арабов мусульманского вероисповедания и не употребляется арабами-христианами, хотя сам обычай осыпания головы пеплом все еще сохранен в сельских местностях (именно так поступают матери-христианки, скорбящие по усопшему отпрыску).

Метать бисер (жемчуг) перед свиньями («Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями...») - из проповеди Иисуса Христа [Матфей 7,6] - добродетель, содеянная в адрес неблагодарного человека: «Твой поступок напоминает метание бисера перед свиньями»; «Перестань, сынок, метать бисер перед свиньями - тебе же будет обидно»; «Не слушает он меня! Пускай мечет бисер перед свиньями и поймет, ошибался ли я» [НИИД, фонд Е]. В менгрелоязычных материалах Института диалектологии фиксируется выражение «Ges munda pativi» - «как бы не ублажали свинью, она остается свиньей» [НИИД, фонд D].

В аналогичном значении этот фразеологизм **لا تحلفوا القدس للكلاب ولا**

تطرحوا دررکم قدام الخنازير бытует в речи арабов как христианского, так и мусульманского вероисповедания. Следует отметить, что он встречается и в форме поговорки:

إن أنت أكرمت الكريم ملكته إن أنت أكرمت الكريم اللئيم تمردا و (дословно: «Если сделать добро доброму человеку, добром же вернется к тебе, но жадный и злой восстанут против тебя - не увидят добродетели твоей»). Анализируемая поговорка семантически близка менгрельскому выражению (свинья останется свиньей, т.е. не увидит, не оценит добродетели).

Рассмотренный фразеологизм встречается и в иранской басне «Финик и Коза»: «Золотые слова, обращенные к тебе, похожи на метание жемчуга перед свиньями». Анализируя произведение, ученый Т. Чхеидзе считает его образцом семитского влияния, связывает с известным библейским выражением (Матфей 7,6) и уточняет: «Басня - известный жанр в семитской Малой Азии и несомненно отсюда вошла она в Иран, где прижилась как в классической

литературе, так и в фольклоре... под персидским влиянием басня создана в грузинской литературе» [Т. Чхеидзе, 2003, стр. 63].

Рассмотренные материалы показывают, что фразеологические единицы библейского происхождения бытуют в речи представителей различных исповеданий. Однако, в разных языках в основу их употребления ложатся различные мотивы, что главным образом зависит от социально-политических особенностей конкретной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авалиани Л., Записанные в Арабской Республике Сирии аудио-материалы. - Кутаиси-Алепо, 2007 (на груз. яз.).
2. Библия. Книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета. Российские библейское общество. - М., 2000.
3. Глонти Ал., Словарь грузинских наречий. - Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
4. Кикнадзе З., Беседы о Библии. - Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
5. Назарян А., Фразеология современного французского языка. - М., 1985 (на груз. яз.).
6. НИИД - Материалы фондов Научно-исследовательского института диалектологии Государственного университета Акакия Церетели. - Кутаиси, 1994-2004.
7. Сахокиа Т., Грузинские образные выражения. - Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
8. Тысяча и одна ночь. т. IV, - Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
9. Хачапуридзе Л., Фразеологические единицы библейского происхождения в речи православных прихожан. - Кутаиси, 2006 (на груз. яз.).
10. Цоцанидзе Г., Тушский словарь. - Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).
11. Чхеидзе Т., К вопросу иранско-семитских взаимоотношений. Юбилейный сборник, посвященный 80-летию К. Церетели. - Тбилиси, 2003. - С. 61-66 (на груз. яз.).

А.Н. Агапова,
Волгоград

СРЕДСТВА ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВО- И ФРАЗЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАГОЛОВКЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Яркой особенностью языка современной русской прессы является широкое использование средств окказионального слово- и фразеобразования в заголовке газетной статьи, служащих для экспрессивности текста, выделения в нем коммуникативно значимых частей.

Сущность актуализации, создаваемой **лексико-фразеологическими средствами языка**, заключается в преднамеренном нарушении принятого способа выражения, в разрушении устойчивости, во введении в заголовки "неожиданных" слов, имеющих минимальную предсказуемость, а также в обновлении устойчивых сочетаний путём структурно-семантической трансформации.

Чтобы привлечь внимание читателей к содержанию того или иного материала на газетной полосе, журналисты часто вводят в заголовки различные индивидуальные авторские образования, так называемые **окказиональные** и **потенциальные слова**, которые отличаются от неологизмов, имеющих в каждый момент в словарном составе языка, тем, что они не закреплены язы-

ковой традицией и в силу этого сохраняют свою новизну.

Эти окказиональные слова, созданные по непродуктивной модели [Лыков 1976: 16], выполняют в заголовке не только номинативно-информативную функцию - названия какого-то явления, предмета, но и функцию рекламно-экспрессивную. Например: *Плоскорез шагнул на грядки*. [Сад - Огород 2 (52) 1998: 8]. Статья с таким интригующим заголовком описывает ручной инструмент, легче лопаты, помогающий формировать грядки, окучивать растения, расправляться с сорняками, обрабатывать клубнику - в целом выполнять два десятка работ. И указывается адрес, по которому дачники могут приобрести необычное орудие труда. Еще пример: *Фитофтора - враг помидора*. [Сад - Огород 8 (58) 1998: 2]. Этот окказионализм - производное от *фитофтороза*, названия болезни помидоров. Нетрудно догадаться, что эта статья о способах защиты этого растения на даче. Или: *Новая болезнь - мобиломания*. [Волгоградская правда [http://www.vpravda.ru/October/2.10.07\(184\)/index.html](http://www.vpravda.ru/October/2.10.07(184)/index.html)]. Это газетный материал о том, как, подверженные сотовой зависимости, люди, забыв или потеряв свой телефон, испытывают стресс, постоянную раздражительность и склонны проявлять немотивированную агрессию. Автор статьи стремится проинформировать, предупредить потенциальных покупателей мобильных телефонов о симптомах нового заболевания.

Таким образом, окказиональные слова позволяют журналистам подчеркнуть авторское отношение, заострить внимание на каком-то явлении или предмете, дать ему характеристику. Назначение таких индивидуально-авторских неологизмов - остаться неповторимыми, сохранить свою свежесть.

Чтобы сделать заголовки выразительнее, журналисты включают в их состав **слова-антонимы**. Использование "контрастных слов" привлекает внимание читателя, как бы заранее говорит о том, что в тексте речь идет о борьбе противоположностей, о сочетании в одном явлении противоречивых начал: *Легкий гелий - трудный сценарий* [Новая Газета 22.02.06: 3]; *Милей не орден командиру, а ордер на свою квартиру* [Комсомольская правда 26.08.2005: 10]; *Радость и горечь российского футбола* [Независимая газета 20.03.2007: 15]; *Портулак - не враг, а друг* [Сад - Огород 2 (36) 1997: 6]; *Бизнес малый, а проблемы большие* [Первая газета 17.11.06: 3]; *Кнут и пряник - пытка и подкуп* [Новая газета 22.08.2002: 7]; *Хуже не будет, но и лучше - тоже* [Новая газета 10.04.2002: 3]; *На каждого вредителя отщего укротителя* [Сад - Огород 4 (38) 1997: 1]; *Маленькие секреты большого урожая* [Там же:3].

Язык современной газеты приобрел индивидуально-творческий характер, что позволяет говорить и о новом понимании индивидуально-авторского слова - слова, не связанного с конкретным автором статьи, не замкнутого в рамках определенного текста, что выражается в его необычной форме.

Лексическая система имеет особую единицу - **фразеологизм**, отличную от слова прежде всего своей структурой - семантически связанным сочетанием слов, которое не порождается в речи, но воспроизводится в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [ЛЭС 1990: 559]. Фразеологические единицы (ФЕ), как правило, имеют четкий источник происхождения, афористичный характер и служат одним из основных средств создания экспрессивности текста.

В основе фразеологизации лежит переосмысление свободного словосочетания [Кобозева 2007: 42], в результате которого текст приобретает устойчивость, воспроизводимость и семантическую целостность. Журналисты часто прибегают к приёму распространения ФЕ в заголовке, вводя в устойчивую словесную формулу дополнительные компоненты: *Семь раз проверь, один раз посеешь...* [Сад - Огород 1 (35) 1997: 4]; *Пусти козла в оборот...* [Московский комсомолец 289, 25.12.2002: 4]; *Кому в Троицке жить хорошо?* [Московский комсомолец 293, 30.12.2002: 11]; *Дочь перед Рождеством* [Комсомольская правда 240, 30.12.2002: 15]; *Сидит в земле груша - нужно скушать* [Сад - Огород 1 (35) 1997: 7]; *Не стерпится и не слюбится.* [Волгоградская правда [http://www.vpravda.ru/September/29.09.07_\(183\)/index.html](http://www.vpravda.ru/September/29.09.07_(183)/index.html)]. В зависимости от того, какой компонент фразеологизма грамматически господствует в обороте, а также от его синтаксической функции, в газетных заголовках выделяются следующие типы ФЕ: субстантивные: *Лучшей "сладкой парочке" дарим мы подарочки!* [Комсомольская правда 06.02.06: 4]; адъективные: *Игры не доброй воли.* [Советская Россия 134 29.09.2007: 6]; *Билет в один конец.* [Советская Россия 140 11.10.2007: 4]; *Яблочное настроение.* [Комсомольская правда 12 - 18.03.2007: 25]; *А друзья они были - водой не разольешь.* [Комсомольская правда 29.12.2006: 24]; *Да сколько ему лет-то?... Молоко на губах не обсохло!.. А жениться собирается.* [Комсомольская правда 22.02.2005: 7]; *Демьяненко был хлебосольным хозяином.* [Комсомольская правда 30.05.2005: 25]; *На какой подушке сон слаще?* [Комсомольская правда 27.03.2007: 19]; глагольные: *"Эсерам" еще громко аукнется.* [Советская Россия 135-136 02.10.2007: 7]; *Миронову дали жару.* [Там же: 8]; *Смольный вернули с небес на землю.* [Комсомольская правда 15.06.2007: 3]; *Как у елки торговать, чтоб вновь жирок не нагулять.* [Комсомольская правда 27.12.2006: 19]; и адverbальные: *Как две капли воды.* [Волгоградская правда 06.09.07: 5]; *Глаза в глаза.* [Советская Россия 131 22.09.2007: 3]; *Обещаниями сыт по горло.* [Советская Россия 135-136 02.10.2007: 7]. Междометные, модальные и фразеологизмы, выступающие в функции служебных слов, представлены в газетных заголовках единичными случаями.

В заголовках газеты выделяются следующие варианты фразеологических оборотов: орфографические: *Не дадим им сесть в калошу.* [Независимая газета 28.03.2007: 13]; лексические: *Разбитые горшки не склеишь.* [Волгоградская правда 13.10.2007: 2]; *Вся жизнь - театр, а люди в нем - "вахтеры".* [Волгоградская правда 13.09.07: 7]; грамматические: *Галопом по Европам. Накрыло и Россию.* [Волгоградская правда 192 12.10.2007: 4].

Журналисты часто прибегают к приёму распространения фразеологической единицы в заголовке, вводя в устойчивую словесную формулу дополнительные компоненты. Такой обновлённый фразеологизм привлекает внимание как раз своей "нежданностью": *Жизнь стала сладкой, как малина! Не обойтись без гуталина?* [КП 31.05. 2007: 7] (в первоначальном варианте: "Не жизнь, а малина" [Мелерович 2005: 231]); Такое "внедрение" слова не разрушает заголовка-фразеологизма, он не только не теряет своих свойств как фразеологическая единица, а, наоборот, приобретает дополнительный смысл, добавочные лексические компоненты делают употребление фразеоло-

логического оборота актуальным, конкретизирует его.

Журналисты стремятся выбрать для творческой переработки фразеологизмы стилистически окрашенные, с мотивированной внутренней формой, фразеологизмы, которые внешне не отличаются от свободных словосочетаний. В качестве основы для трансформации они часто избирают строки из песен, стихотворений, рекламы, ставшие известными в какой-то период времени, например: *За державу обидно*. [Советская Россия 140 11.10.2007: 8]; *Жди меня, и я вернусь*. [Советская Россия 137 4.10.2007:3]; *Как живете, как животик?* [Комсомольская правда 17.10.2000: 11]; *Кто купил билетов пачку - не получит водокачку*. [Комсомольская правда 17.10.00: 6]; *Кто у Клары украл гонорары?* [Московский комсомолец 28.12.2007: 4]; *Свадьба пела и плясала - денег не считала*. [Независимая газета 22.02.2007: 11]; *Песенка о медведе*. [Советская Россия 134 29.09.2007: 2]; *Здоровое питание облегчает понимание*. [Комсомольская правда 23.11.00: 23]; *Светилась, падая, ракета* [Советская Россия 130 20.09.2007: 9].

Употребление крылатых выражений вызывает произвольное внимание своей прецедентностью [Гудков 1999: 47], неожиданным паронимическим сближением, ритмом и рифмой, графической игрой (“переключением кодов”). Так реализуется рекламная функция заголовка. Например, в одном из изданий ради привлечения внимания потенциального читателя существует целая страничка, посвященная времени году, в которое выпускается газета: *Март встречаем - деревья обрезаем* [Сад - Огород 3 (53) 1998: 1]; *На даче май, порочивать успевай* [Сад - Огород 6 (40) 1997: 1]; *Август начинается - плоды наливаются* [Сад - Огород 12 (62) 1998: 1]; *Бабье лето теплом последним согрето* [Сад - Огород 13 (47) 1997: 1]; *Небо хмурится с утра: знать, ноябрь у двора* [Сад - Огород 15 (49) 1997: 1].

Таким образом, новые, своеобразно построенные метафорические конструкции и фразеологизмы воспринимаются на фоне привычной общеязыковой метафоры и нормативной фразеологической единицы как свежие, выразительные. Метафорическая и фразеологическая неологизация создаёт двойной смысловой план, увеличивает изобразительные возможности заголовка.

Метафорические и фразеологические средства в газетных заголовках могут быть не только воспроизводимыми, но и производимыми, обновлёнными вследствие усиления смысловой и прагматической нагрузки единицы. В лексико-фразеологическом плане актуализация газетных заголовков проявляется в приспособлении, “привязке” лексико-фразеологических средств языка к конкретным содержательным и экспрессивно-эмоциональным условиям текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д.Б. *Прецедентное имя и проблемы прецедентности* [Текст]. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. - 152 с.
2. Кобозева, И.М. *Лингвистическая семантика. “Новый лингвистический учебник”*. Изд.3. [Текст]. - 2007. - 352 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь*. [Текст]. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - С. 559.
4. Лыков, А.Г. *Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)*. [Текст]. - М.: Высшая школа, 1976. - 119 с.
5. Мелерович, А.М. *Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц*. - 2-е изд.,

Е.В. Андропова,
Воронеж

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ УЧАЩИХСЯ 6-11 КЛАССОВ

Русский язык чрезвычайно богат фразеологизмами. В них запечатлен огромный исторический опыт народа, отражены трудовая деятельность, быт и культура нации. Через фразеологию человек познает историю народной жизни, приобретает к общенациональным, социально значимым ценностям, устоям общества. В результате не только обогащается индивидуальный лексикон личности, но и формируется национальное самосознание.

Фразеология как раздел школьного курса русского языка содержит в себе огромный образовательный, развивающий и воспитательный потенциал. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации. Употребление фразеологизмов усиливает выразительность фразы, так как в большинстве из них присутствуют обобщенно-метафорический смысл, оценочность, эмоциональность. Знание семантики и стилистической принадлежности фразеологизмов, наличие их в активном словаре придает речи особую яркость, меткость, образность.

Очевидно, что правильное толкование фразеологических единиц крайне важно для восприятия художественных текстов современными носителями русского языка, в том числе - современными школьниками, так как истинное постижение русской художественной литературы невозможно без осмысленного восприятия каждого слова в читаемом тексте. Анализ произведений отечественных писателей XVIII-XX вв. и современных программ по русскому языку и литературе для общеобразовательных учреждений, а также для школ и классов с углубленным изучением дисциплин гуманитарного профиля позволяет утверждать, что знание фразеологии русского языка есть необходимое условие для получения качественного языкового и литературного образования современными школьниками и формирования развитой языковой личности.

В настоящее время вызывает тревогу факт оскудения лексикона подрастающего поколения, что связано со многими причинами. Важнейшая из них, на наш взгляд, - состояние современного русского языка, переживающего период существенных изменений, обнаруживающихся на разных уровнях языковой структуры. Наиболее значительные трансформации прослеживаются в лексической системе языка, в том числе и во фразеологии. Лексикон современной языковой личности характеризуется, с одной стороны, явным расширением определенных зон (экономической, компьютерной, медицинской лек-

сики), с другой стороны - заметным оскудением словарного запаса.

Сказанное в полной мере касается знания школьниками традиционной русской фразеологии. Как показывают наблюдения, современные учащиеся имеют весьма смутные представления о фразеологическом фонде русского языка, особенно о сращениях, в состав которых входят устаревшие слова.

Нами было проведено анкетирование учащихся 6-11 классов общеобразовательных школ, результаты которого дают право говорить о нескольких уровнях восприятия традиционной русской фразеологии современными школьниками средней школы:

I уровень - полное незнание фразеологического оборота (это характерно, в первую очередь, для фразеологических сращений, в которых употребляются устаревшие слова: *разводить турусы на колесах, бить в набат* и др., а также для фразеологических выражений типа *белая ворона*).

II уровень - частичное знание, т.е. знание формы фразеологизма и наличие некоторых, но далеко не полных представлений о его значении (сказанное характерно для таких фразеологизмов, как *болеть душой, Фома неверный* и т.п.).

III уровень - знание и понимание значения фразеологизма, но отсутствие умений его употребления в речи (названный уровень восприятия обнаруживают, например, фразеологизмы *зеленая улица, креста нет*).

IV уровень - полное знание фразеологизма, предполагающее правильное понимание его значения и умение адекватно употреблять его в речи (на таком уровне, как свидетельствуют результаты анкетирования, воспринимаются современными школьниками фразеологизмы *глаз не казать, тертый калач*).

В целом, как показывают наблюдения, уровень восприятия фразеологизмов русского языка современными школьниками оказывается весьма невысоким. При этом правильность понимания учащимися значения фразеологизмов даже в подсказывающих контекстах зависит от прозрачности внутренней формы, обуславливающей то актуальное значение, с которым функционирует в современном языке целостная фразеологическая единица.

Результаты проведенного исследования выявили не только возрастные, но и гендерные различия в знании традиционной русской фразеологии учащимися современной средней школы. Более полные представления о форме и значениях русских фразеологических единиц обнаружили школьницы 9-х и 11-х классов (50% и 62% ответов, соответствующих IV уровню знания фразеологических единиц), наиболее низкий уровень восприятия фразеологизмов показали школьники 6-х, 7-х и 11-х классов. См. данные следующей таблицы:

Класс/ Уровень	Учащиеся мужского пола (мальчики)				Учащиеся женского пола (девочки)			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV
6	38,5%	8,5%	51%	32%	37%	7,1%	26,9%	29%
7	38%	13,9%	17,9%	30,2%	25%	11,7%	26,3%	37%
8	33%	8,9%	22%	36,1%	26%	11,2%	24,1%	38,7%
9	30%	12%	19%	39%	27,2%	10,3%	12,5%	50%
11	32%	5,4%	46%	16,6%	17,2%	10,3%	10,3%	62,2%

Разная степень известности современным учащимся традиционной русской фразеологии может объясняться, на наш взгляд, тремя причинами:

1) частотностью употребления того или иного фразеологизма в речевой среде ребенка;

2) отнесенностью фразеологизма к активному или пассивному запасу русского языка;

3) типологическими характеристиками самих фразеологизмов, в том числе особенностями их происхождения и наличием в них устаревших лексем;

4) недостаточным вниманием к вопросам фразеологии русского языка в современных школьных программах и учебниках.

Известно, что современные школьники практически не используют традиционные русские фразеологизмы в собственной речи или употребляют их без учета значения оборота. Названное положение было полностью подтверждено экспериментальными данными. Ср., например, результаты выполнения задания «Составьте свои примеры с перечисленными фразеологизмами» (предлагались фразеологические выражения типа *Тришкин кафтан*, *душа болит*, *белая ворона*, *альфа и омега*, *войти в историю* и т.п.):

Класс	Мальчики		Девочки	
	Правильно	Неправильно	Правильно	Неправильно
6	74	51	100	72
7	68	62	89	133
8	129	82	110	151
9	146	81	131	207
11	0	17	9	19

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о парадоксальном явлении: к 11 классу учащиеся не только не обогащают свою речь фразеологизмами, но нередко забывают те фразеологические выражения, с которыми встречались ранее, и не умеют использовать фразеологизмы, которые уже были известны.

Совершенно очевидно, что необходимо проводить систематическую работу по обогащению речи учащихся фразеологическими единицами, отражаю-

щими особенности национальной культуры русского народа. Формы и методы подобной работы могут быть различными. Наиболее эффективными представляются упражнения и задания, направленные на усвоение значения фразеологизмов, и использование их в собственной речи, в том числе следующие:

1) объяснение значения фразеологизмов в ходе работы над текстом (например, составление предложений и текстов с указанным фразеологизмом; подбор фразеологизмов определенной тематики или соответствующих основной мысли текста; подбор и запись фразеологизмов, выступающих в роли ключевых фраз к тексту);

2) соотнесение иллюстративного материала с предложенными фразеологизмами;

3) составление собственных рассказов, раскрывающих значение фразеологизма;

4) выяснение происхождения фразеологизмов;

5) проведение элективного курса, посвященного вопросам фразеологии русского языка.

Как подтверждает практика, традиционная русская фразеология представляет собой богатый материал для закрепления всех разделов грамматики, обогащения словарного запаса и развития речи учащихся, а знание этимологии фразеологизмов повышает познавательный интерес школьников к изучаемому предмету и расширяет их кругозор.

С.В. Анохина,

Курган

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИАНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА

Фразеология И.А. Бунина является важным источником для изучения преобразований фразеологических единиц (ФЕ) в художественной речи. Фразеологический строй прозы писателя базируется на общеязыковом материале, однако автор активно модифицирует фразеологизмы, используя отдельные элементы узуальных единиц, находя новые семантические, стилистические, синтаксические возможности.

Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц «представляют собой смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ» [1, 23]. Среди структурно-семантических преобразований фразеологизмов-антропонимантов (далее ФАН) в прозе И.А. Бунина выделяются два основных типа: трансформации, не приводящие к нарушению тождества ФЕ и модификации, в результате которых возникают индивидуально-авторские фразеологизмы.

К преобразованиям первого типа относятся следующие: изменение ком-

понентного состава, изменения в расположении компонентов, народноэтимологическое переосмысление. И.А. Бунин часто прибегает к изменению компонентного состава ФАН. В произведениях писателя наблюдается расширение компонентного состава ФЕ-наименований человека, т.е. включение новых слов. Данный способ трансформации особенно характерен для разговорной речи, однако в прозе писателя встречается и в авторских повествованиях, и в диалогах персонажей. Например: *Школа кантонистов ... холод, голод, поездки к тетке... Вот был человек! Он отлично помнил её, старую ху-дую деву с растрепанными, сухими черными волосами, с безумными глазами...* (На хуторе) - ср.: *старая дева*. [Тихон Ильич]: - ... Ты не слышал, что под Ельцом то было? На хуторе братьев Быковых?... Сидят эти Быковы, не хуже нас с тобою, этак вечерком, играют в шашки... Вдруг - что такое? Топот на крыльце, крик: «Отворяй!» И не успели, **братец ты мой**, эти самые Быковы глазом моргнуть - вваливается ихний работник ... (Деревня) - ср.: **братец мой**.

Как показали лингвистические наблюдения, в прозе И.А.Бунина замена одного из компонентов ФАН словом преобладает по сравнению с другими способами изменения компонентного состава: *Тоже простого звания человек был... раб крепостной, только и всего-с... И уж совсем иного складу: отпетый бокутир, беспутная головушка, все ни по чем...* (Святые) - ср.: **отчаянная головушка**. В данном примере лексемы **отчаянный** и **беспутный** являются контекстуальными синонимами. Новый атрибутивный компонент вносит дополнительные семы «разгульный», «легкомысленный» в узואальное значение ФЕ **отчаянная головушка** - «безрассудно смелый человек» [3, 140]. Замена компонента связана с речевой установкой говорящего, с его желанием выразить не просто неодобрение, а порицание человека.

В других случаях замена компонента фразеологизма-наименования человека субститутом, не связанным с ним синонимическими отношениями, осуществляется с целью актуализации в значении ФЕ дополнительных коннотативных сем. Например: - *Таперь!* - передразнил Тихон Ильич. - **Деревня стоеросовая!** А еще революционер. Лезешь в волки, а хвост собачий (Деревня) - ср.: **дубина стоеросовая**. - У, **хохлушка подколодная!** - крикнула раз одна из подруг ее по девичьей, Солошка ... (Суходол) - ср.: **змея подколодная**.

В составе фразеологизма **дубина стоеросовая** компонент **дубина** заменяется лексемой **деревня** на основе общих сем в переносном значении: «недалекий», «глупый», «простоватый». Цель такой речевой замены - создать новое образное звучание единицы. Субститут **деревня** привносит в значение узואальной ФЕ контекстуально мотивированные семы «необразованный», «невежда».

Замена компонента ФЕ **змея подколодная** основывается на ассоциативной связи, общности сем. Узואальное значение фразеологизма - «злой, предельно коварный, отвратительный человек» [3, 244]. Лексемы **змея** и **хохлушка** оказываются близки, взаимозаменяемы для говорящего. Героиня Наташка долгое время жила среди хохлов, поэтому в глазах дворни она уже в какой-то мере тоже «хохлушка». В сознании носителя русского языка слово **хохол/хохлушка** обладает отрицательной коннотацией, содержит в своем

значении потенциальные семы «глупый», «хитрый», «скрытный», «опасный», «нельзя положиться». Подобные семы можно выделить и в значении лексемы **змея**. Данное обстоятельство позволяет говорящему заменить компонент ФАН **змея подкодная**.

В прозе И.А. Бунина наблюдается сокращение компонентного состава фразеологизмов, называющих человека. Смысловое содержание ФЕ при эллипсисе сохраняется. Например: - *Ну-у, какая же ты барышня!*

- *В аккурат-с барышня! - отвечала Наталья... - Я ведь **молочная** Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша...* (Суходол) - ср.: **молочная сестра**.

Для усиления экспрессивности высказывания, а также для смыслового выделения компонентов ФАН в произведениях И.А. Бунина используется синтаксическая инверсия: **человек божий, люди маленькие, народ темный, человек молодой**. Например: [Макарка]:

- **Человек божий, как по-твоему? Удавить, ай расстрелять?** (Деревня) - ср.: **божий человек**.

В прозе И.А. Бунина наблюдаются случаи народноэтимологического переформления фразеологизмов, называющих человека: [Кузьма]: - *Так. А ты сам не привозил этого... ну, как его? Дурачка-то этого?..*

*И Тихон Ильич усмехнулся: привозил. Раз даже по чугунке доставили к нему Мотю - в бочке сахарной. Начальство знакомое - ну, и доставили. А на бочке написали: «Осторожно. **Дурак битый**»* (Деревня) - ср.: **дурак набитый**.

В данном случае наблюдается семантическое переосмысление ФЕ (даже дефразеологизация), актуализируется прямое значение составляющих компонентов, причем исходный элемент «набитый» заменяется на более подходящий к данной ситуации «битый». Такое употребление служит дополнительным средством создания комического эффекта, формируется несколько вариантов восприятия ситуации.

В произведениях И.А. Бунина часто в результате структурно-семантических преобразований возникают индивидуально-авторские (оказиональные) ФАН.

Индивидуально-авторская ФЕ **худая трава** образована И.А. Буниным путем вычленения из состава поговорки **худая трава из поля вон**. Данный фразеологизм в тексте произведения не используется, а является заглавием рассказа. Автор употребляет ФЕ **худая трава** для наименования главного героя Аверкия. Кроме того, в этом рассказе функционирует окказиональный фразеологизм **оброчный кочет**, образованный по модели «прил. + сущ.». Прилагательное **оброчный** означает «связанный с платежом или получением оброка; платящий оброк, состоящий на оброке» [2, 565], в свою очередь **оброк** - это «натуральный или денежный сбор, взимавшийся при крепостном праве с крестьян помещиком» [2, 564]. Слово сочетание **оброчный кочет** обозначает петуха, предназначенного для уплаты оброка, по сути, жертву. Образ, передаваемый данным сочетанием, становится символическим: человек выступает в качестве оброка Богу. Реалии крепостного быта, а именно, модель отношений между крестьянином и помещиком, переносятся человеком на отношения Бога и его творения. Жизнь дается человеку как дар, но рано или поздно приходит смерть как плата, оброк. Например: [Аверкий]: - *Нет, избавь, Госпо-*

ди, - не миновать-то! Я вон жалюсь иной раз, я, мол, **кочет оброчный**, как говорится, а разве не правда? И Бог оброку требует... (Худая трава).

Фразеологические единицы **худая трава** и **оброчный кочет** связаны семантически, ассоциативно, помогают глубже понять замысел автора.

Некоторые индивидуально-авторские ФЕ основываются на преобразовании категориального значения. И.А. Бунин использует фразеологизм **князь во князьях** для наименования богатого, независимого человека: ... *А я вот тысяч на сорок имею, князь во князьях, а все сжужу...* (Князь во князьях) - ср.: **князь князем**. Узвальная ФЕ **князь князем** имеет значение «1. Богато, независимо (жить). 2. кто. Очень богат, независим кто-либо» [3, 283], в первом значении единица является качественно-обстоятельственой, во втором - призначной. Автор употребляет предметный фразеологизм **князь во князьях** субкатегории лица. Данная ФЕ основана на преобразовании категориального значения, расширении компонентного состава (предлог **во**), изменении морфологической структуры.

Таким образом, ФАН в произведениях И.А. Бунина подвергаются структурно-семантическим преобразованиям. Писатель нередко использует прием замены компонентного состава ФЕ, основанный на ассоциативных связях или общности семного состава. Иногда фразеологические трансформации могут служить средством создания комического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь.* - М.: Русские словари, Астрель, 2001. - 856 с.
2. *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.* - М.: Русский язык, 1981 1984. - тт.1-4.
3. *Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров.* - М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. - 720 с.

О.А. Балашова, О.В. Елисеева,
Астрахань

ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ ПО УРОВНЮ И СТЕПЕНИ ПОЛИМОТИВИРОВАННОСТИ ИХ ЗНАЧЕНИЯ

Общеизвестно, что любая ФЕ возникает как мотивированная, то есть с осознаваемой носителями языка связью между значением фразеологизма (мотиватом) и значением ее прототипа (мотиватором). Эта связь осуществляется через мотивировочный признак, который при формировании фразеологического значения становится его мотивом и реализуется во внутренней форме ФЕ.

Процесс, в результате которого мотиват приобретает свойство мотивированности, называется мотивацией. Возможны частные случаи мотивации (мотивировки) производимых в речи единиц. При этом известные для носителей

языка элементы, обуславливающие связь мотивата и мотиватора, могут быть по-разному представлены в речевом материале, и нельзя предсказать, какой из них актуализируется и определит направление семантического преобразования. Это свидетельствует о факте непрогнозируемости и полимотивированности фразеологического значения при исследовании ФЕ в ретроспективном плане (от формы к содержанию).

Полимотивированность есть имманентное свойство ФЕ, объективированное через многомерный образ фразеологического значения и заключающееся в мотивационной неоднозначности единиц фразеологии. Предпосылкой полимотивированности служит объем мотивационного пространства - определенное количество мотивировочных признаков, являющихся репертуаром условий формирования мотивационных разночтений, потенциально сосуществующих в контексте производной ФЕ. Совокупность мотивировочных признаков, связанных с мотиватом и мотиватором мотивирующими отношениями и обеспечивающих полимотивацию, составляет полимотивационную парадигму, которая в свою очередь отражает мотивационный потенциал ФЕ.

Фразеологические единства обладают разным уровнем и степенью полимотивированности. При изучении свойства полимотивированности фразеологических единств мы опирались на экспериментальное исследование, проведенное среди 20-ти обычных носителей языка. Респондентам было предложено задание определить значение у 20-ти фразеологических единств (по 5 ФЕ на каждый тип единств по особенностям проявления образности). Разработанная нами типология фразеологических единств по уровню и степени полимотивированности опирается на данные эксперимента, особенности проявления образности в различных группах ФЕ и характер переосмысления значения их прототипа.

Мы выделяем три уровня полимотивированности, внутри каждого из которых различаем две степени мотивационной неоднозначности (более высокую и более низкую).

К высокому уровню полимотивированности мы относим **образные реальные** фразеологические единства.

Прототипами образных реальных фразеологических единств являются СС, употребляющиеся в современном русском языке и создающие определенные реальные образы. Значение таких ФЕ наименее предсказуемо, поскольку исходный образ можно истолковывать по-разному, что свидетельствует о возможности различной мотивировки значения этих ФЕ.

І степенью полимотивированности, как мы полагаем, обладают **метафорические** единства.

Проведенный нами эксперимент показал, что, например, метафорическая ФЕ **мутить воду** - "умышленно запутывать какое-либо дело, вносить смуту, раздор в отношения кого-либо" - может иметь как минимум семь мотивировок своего значения: "вносить неразбериху, смуту", "путать что-либо", "темнить, скрывать, утаивать что-либо", "обманывать, лгать, мешать кому-либо", "спасаться от преследователей", "незаметно исчезнуть".

В подобных ФЕ префразеологическая и фразеологическая ситуации удалены друг от друга, но схожи разными признаками, в связи с чем возможна

различная актуализация фразеологического значения.

II степенью полимотивированности, на наш взгляд, обладают **метонимические** единства.

Так, метонимическое единство *делать большие глаза* - “удивляться” - может иметь по меньшей мере пять различных интерпретаций значения: “удивляться”, “находиться в состоянии растерянности”, “быть в состоянии оцепенения, стресса, сильного эмоционального удара”, “пугаться, бояться”, “возмущаться”.

Репертуар условий для полимотивации метонимических единств менее широк, поскольку при метонимическом переосмыслении отражается одно явление в разных своих аспектах.

Средним уровнем полимотивированности, по нашему мнению, обладают **образные ирреальные** фразеологические единства. Совокупность буквальных значений компонентов образных ирреальных фразеологических единств обозначает несуществующие в объективной действительности объекты и ситуации, но денотаты которых могут быть представлены в воображении и графически изображены. Значение образных ирреальных единств наиболее предсказуемо, так как прототипы этих ФЕ создают образ ситуации, порождающей яркий, «бросающийся в глаза» признак, который является доминирующим среди других мотивировочных признаков.

I степенью полимотивированности соответствует, на наш взгляд, **собственно-ирреальным** фразеологическим единствам - единствам, исходные образы которых изначально ирреальны.

По результатам экспериментального исследования значение собственно-ирреального единства *заблудиться в трех соснах* - “не суметь разобраться в чем-либо самом простом, несложном” не суметь найти выход из незначительного затруднения” - может быть интерпретировано как минимум тремя способами: “запутаться в чем-либо простом, несложном”, “потеряться в знакомом месте”, “быть глупым”.

Искусственная, фантастическая ситуация порождает в сознании небольшое количество разных ассоциативных признаков, что обуславливает узость полимотивационной парадигмы.

II степенью полимотивированности присуща, как нам представляется, **несобственно-ирреальным** фразеологическим единствам - единствам, исходные образы которых реальны.

Так, респонденты трактовали ФЕ *верста коломенская* - “об очень высоком человеке” - лишь как: “человек очень высокого роста”, “о длинном пути, расстоянии”.

В силу своей неактуальности исходный образ рождает в сознании малое количество схожих ассоциативных признаков.

К низкому уровню полимотивированности, на наш взгляд, следует отнести **необразные** фразеологические единства.

Необразные единства не вызывают в воображении никакого образа, денотаты прототипов подобных ФЕ не могут быть даже графически изображены. Такие единства не наложимы на свободные СС эквивалентного состава, поскольку изначально не обозначали никакой ситуации. Мотивировочные признаки исходят не от значения всего СС, а лишь от значения (прямого или

переносного) семантически ключевого компонента, что ограничивает возможность полимотивации значения необразных единств.

I степенью полимотивированности обладают, по нашему мнению, необразные единства, семантически ключевой компонент которых выступает в **переносном значении**.

Подобные единства допускают незначительную вариативность своего значения. Это находит отражение в экспериментальном исследовании. Например, необразное единство **на короткой ноге** - "в близких, дружеских отношениях" - интерпретировалось и как "о спешном, шустром человеке". Возможная неоднозначность мотивировки подобных единств обусловлена тем фактом, что при переосмыслении исходного значения в сознании могут возникнуть различные переносные значения, и нельзя прогнозировать, какое из них легло в основу закрепившегося в языке фразеологического значения.

II степенью полимотивированности соответствует, на наш взгляд, необразным единствам, семантически ключевой компонент которых выступает в **прямом значении**.

Подобные единства не допускают вариативности своего значения. Так, результаты экспериментального исследования показали, что все респонденты верно указали закрепившееся в языке значение пяти предложенных единств рассматриваемой группы (**под сердитую руку, на военную ногу, с легким сердцем, тяжелая рука, на скорую руку**). Такие фразеологические единства наиболее мотивированы, а следовательно, предполагают однозначность толкования своего значения.

Таким образом, фразеологические единства неоднородны по отношению к полимотивированности. Полимотивированность единств обнаруживает взаимосвязь с особенностями проявления образности в единствах и характером переосмысления значения их прототипа. Так, высоким уровнем полимотивированности обладают образные единства, и наоборот, низким уровнем - необразные единства. Полимотивированность связана и со свойством мотивированности. Так, чем ниже уровень и степень мотивированности фразеологического значения, тем выше уровень и степень его полимотивированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов / О.И. Блинова. - Томск: Изд-во ТГУ, 1984. - 192с.
2. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. - Томск: Изд-во ТГУ, 1989. - 249с.
3. Катышев П.А. Полимотивация как концептуальная деятельность. Автореф. дис...-канд. филол. наук / П.А. Катышев. - Кемерово, 1997. - 19с.
4. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке. Автореф. дис...-канд. филол. наук / И.Е. Козлова. - Томск, 1999. - 19с.

Т.В. Бобылева,
Курган

СПЕЦИФИКА СВЯЗОК СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ В ПОВЕСТЯХ А.И. КУПРИНА

В своей научной работе мы рассматриваем такое явление в русском языке, как связки. Под связками мы, вслед за Усачевой Н.Б., понимаем особый семантико-грамматический класс служебных единиц со своим категориальным значением, морфологическими признаками, синтаксическими свойствами и особенностями образования [2; 137]. Путем сплошной выборки из повестей А.И. Куприна «Гранатовый браслет», «Олеся» и «Поединок» были вычленены лексические и фразеологические связки. Всего мы обнаружили 123 связки в 838 употреблениях. Все связки были поделены на группы, характеризующие возможность, желательность, фазы действия, намерение, побуждение, способность, связки целеустановки, этикетные связки, связки, обладающие значением необходимости, и замыкает группа связок со значением эмоциональности. В статье речь пойдет о связках, имеющих групповую сему побуждения.

В словаре [4] у слова «побуждение» выделено 2 значения: «1) Влечение, стремление к осуществлению чего-либо; потребность сделать что-либо; 2) Понуждение кого-либо к какому-либо действию или поступку».

В ходе исследования мы обнаружили 10 связок, обозначающих побуждение к совершению того или иного действия в 68 употреблениях. Специфика связок со значением побуждения заключается в том, что в русском языке значение побудительности выражается грамматически, а в связках это значение проявляется в самой лексической единице. Это такие единицы, как: *заставлять, приказывать, звать, велеть, подбить, принуждать, просить, стоить, настаивать, советовать*, например:

Эти призраки, которые умрут с моим Я, заставляли меня делать сотни ненужных мне и неприятных вещей и за это оскорбляли и унижали Меня (Поединок). - Ты ведишь здесь накрывать? - спросила Анна (Гранатовый браслет). Она принуждала меня пускаться в чудовищные сравнения, в самые дерзкие примеры...(Олеся)

Мы предлагаем упорядочить связки со значением побуждения в зависимости от степени категоричности, и представляем свою классификацию. Мы разделили все связки на три группы. Первую группу со значением крайней категоричности мы выделили, опираясь на формулировку значения единицы в словаре:

1) Связка *заставлять* является самой продуктивной и имеет значение «принуждать поступать каким-либо образом [здесь и далее значения связок приведены по Словарю современного русского литературного языка в 17-ти т./Под ред. С.П. Бархударова, В.В. Виноградова и др.] в 26 употреблениях, например: *Серьезного, всегда несколько чопорного Николая он заставил ночью бежать по улице в одних чулках, с башмаками под мышкой (Гранатовый браслет). Однако их все-таки заставляли по вечерам, после переключки, веселиться (Поединок). Про доктора она заставила меня рассказать несколько раз подряд, и я порою замечал на ее губах беглую насмешливую улыбку (Олеся).*

В повести «Поединок» мы обнаружили 16 употреблений глагольной связки *заставлять*, что обусловлено сюжетной спецификой самого произведения. Напомним, речь идет о русской армии 19 века. Отношения высших чинов

и офицеров, офицеров и солдат строятся на принуждении, страхе и муштре. Частотное использование связок в тексте говорит о том, что простое принуждение к какому-либо действию доминирует в ситуациях, описывающих действия героев.

2) *Приказывать* - «отдавать распоряжение, приказ» - 9 случаев, например: *Наконец полк остановили и приказали людям стоять вольно (Поединок)*.

3) *Велеть* - «приказывать, давать распоряжение» в 7 употреблении, например: *Брем велит горнисту играть повестку к атаке, а тот, бог его знает почему, трубит вызов резерва (Поединок)*.

4) *Принуждать* - «силой побуждать к чему-либо, заставлять» - 1 употребление: *Она принуждала меня пускаться в чудовищные сравнения, в самые дерзкие примеры (Олеся)*.

Мы выяснили, что значение крайней категоричности обусловлено наличием в значении самой лексической единицы сем, усиливающих побуждение. Это такие семы, как: приказ, распоряжение, силой побуждать, принуждать.

Вторую группу образуют связки, обладающие меньшей степенью категоричности. Анализируя словарные толкования, мы заметили дополнительные семы, которые позволили выделить связки со средней степенью категоричности. В эту группу вошли 5 связок:

1) Связка *просить* функционирует в 13 предложениях и имеет 2 типа употреблений. Согласно словарному значению «обращаться с просьбой, склонять к исполнению желаемого» имеет 6 употреблений, например: *А на прошлые святки зашел к нам конокрад Яшка, просил бабушку погадать (Олеся)*. Но однажды *Вера письменно попросила его не утруждать ее больше своими любовными излияниями (Гранатовый браслет)*. Проанализировав эти предложения, мы пришли к выводу, что случаи, в которых связка употреблена в соответствии со словарным толкованием, являются менее категоричными, описательными, информирующими о том, что побуждение к какому-либо действию было, но крайней категоричности в них нет.

Другие 7 употреблений этой связки в контексте обладают функциональной категоричностью, то есть категоричность побуждения реализуется и зависит от ситуации, контекста и контекстуальное функционирование и обуславливает категоричность связки: - *Прошу, гето, молчать, когда вам делают замечания по службе-е!.. (Поединок)* - Ситуация перед армейским смотром, когда подполковник Лех, находясь в нервном возбуждении встречает роту капитана Стельковского за три минуты до парада и начинает кричать за якобы поздний выход на плац. - *Подождите. Прошу отвечать только на вопросы, - остановил его Петерсон (Поединок)*. - Допрос Ромашова судом общества офицеров, членом которого является капитан Петерсон. Он недоброжелательно относится к подпоручику Ромашову и постоянно обрывает его показания, чтобы заставить говорить о его возможных интригах.

Итак, мы установили, что категоричность связки *просить* зависит не только от словарного толкования слова «просить», но и в равной степени от ее контекстуального функционирования.

2) Связка *советовать* - «давать совет, рекомендацию». Мы обнаружили 4

употребления, например: *Советую это письмо уничтожить (Поединок). Советую на досуге ознакомиться (Олеся)...*

3) *Стоит* - многозначное слово в произведении «употребляется при выражении просьбы что-либо сделать или упрека за что-либо не сделанное», например: - *Что вам стоит пообещать мне не трогать этих женщин? (Олеся).* - *Ах, да правда, не стоит и говорить об этом,* - с нетерпением возразила Олеся (Олеся).

4) *Подбить* - в произведении использован разговорный вариант в значении «склонять на что-либо, подстрекать» - 1 употребление: *Скажешь, это не ты ее подбил в церковь потащиться? - вдруг с искривленным от ненависти лицом накинулась на меня старуха (Олеся).*

5) *Настаивать* - «усиленно добиваться исполнения чего-либо»: *Я давно настаивал, чтобы прекратить эти дурацкие письма (Гранатовый браслет).* Единично употребление связки *звать* - «приглашать куда-либо, к кому-либо», которая имеет наименее категоричное проявление побуждения, например:

Если же я иногда вечером звал Ярмолу учиться, он только махал рукой (Олеся).

Таким образом, специфичность связей, имеющих групповую сему побуждения, состоит в том, что изначально грамматическое значение побудительности выражается лексической единицей, на этом основании относимой к служебным. Распределение связей на группы по степени категоричности побуждения позволило установить, что чаще всего А.И. Куприн в своих произведениях использует связки, выражающие высокую степени категоричности, что обусловлено сюжетной линией его повестей, в которых отражается речевая специфика разных слоев и общественных групп русского общества: армии («Поединок»), высшего света («Гранатовый браслет»), деревенских жителей («Олеся»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Куприн А.И. *Мировая классика: Гранатовый браслет, Олеся, Поединок.* - М.: Издательство АСТ, 2001; - 359 с.;
2. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. *Семантика процессуальных фразеологизмов.* - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. - 186 с.;
3. *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.* Под ред. С.П. Бархударова, В.В. Виноградова и др. - Москва. - Ленинград: Изд-во Акад. Наук АССР, 1954.

Т.В. Варлакова,
Омск

О КРИТЕРИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ В МНОГОЧЛЕННЫХ РЯДАХ СМЕШАННОГО ТИПА

Внутренняя омонимия во фразеологии - проявление саморазвития фразеологизмов. В нашем материале выделяются многочленные фразеологические омонимы трех типов: 1) омонимичные единицы с разными категориальными значениями; 2) омонимичные единицы с одинаковыми категориальными значениями; 3) омонимичные единицы в рядах смешанного типа. Многочленные фразеологические омонимы, принадлежащие к одному типу семантики и к разным типам семантики, имеют различные языковые средства разграничения. Семантические различия являются определяющими для всех типов омонимов, остальные показатели выделяются не всегда, поэтому являются дополнительными, вспомогательными.

Омонимичные единицы с одним категориальным значением несовместимы по индивидуальной семантике, являются членами разных синонимических рядов, имеют разную лексико-семантическую сочетаемость, могут различаться стилистической окраской. Морфологические различия проявляются только у морфологически изменяемых омонимов данного типа. Многочленные фразеологизмы-омонимы, принадлежащие к разным семантико-грамматическим классам, различаются категориальным и индивидуальным значением. Не имеют различий в функционировании морфологических категорий, так как омонимы данного типа представлены в нашем материале морфологически неизменяемыми единицами. Омонимы второго типа выполняют разные синтаксические функции, различаются синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью. Языковыми средствами разграничения категориальных омонимов являются отношения внешней и внутренней синонимии и стилистическая характеристика.

Закономерно, что в рядах смешанного типа имеют место языковые различия, характерные как для омонимов первого типа, так и для омонимов второго типа. Например, в многочленном омонимическом ряду **дать слово 1** - "согласиться на брак", **дать слово 2** - "разрешить выступление с речью", **давать/дать (честное) слово (чести) 3** - "обещать", **даю (какое-либо) слово 4** - "выражение уверенности в истинности высказывания" первые три фразеологизма проявляют все свойства процессуальных: номинация действия, функционирование морфологических категорий вида, лица, времени, наклонения, залога. В предложении процессуальные фразеологизмы-омонимы выполняют типичную функцию сказуемого.

Дать слово 1 – “согласиться на брак”	Дать слово 2 – “разрешить выступление с речью”	Давать/дать (честное) слово (честь) 3 – “обещать”
(Ленский): Мужчину завести, уверить, уловить, Дать слово, – и потом, как на смех, изменить. А. Грибоедов. (Кречинский): Вчера дано слово, и через десять дней свадьба. А. Сухово-Кобылин.	– Я требую, чтобы мне дали слово! В.Аксенов. Дадим теперь слово Николаю Терентьевичу Зубко – геологу, исходившему пол-Сибири. “КП” 24.03. 2000г.	– Заранее даю слово выполнить твои желания. И.Лажечников. (Беркутов): Не примете ли мой совет? Дайте мне слово, что вы меня слушаете. А.Островский. – Я только что дал слово моему другу Прелестнову написать для его газеты статью... М.Салтыков-Щедрин.

Отношения категориальной омонимии устанавливаются между процессуальными фразеологизмами и модальными. Образование модальной единицы сопровождается утратой конкретного значения действия и способности морфологически изменяться. Новый фразеологизм выражает субъективную оценку, отношение к высказыванию. Характерна позиция модального фразеологизма: абсолютный конец или начало предложения, пунктуационное выделение запятой. Фиксация фразеологизма в одной грамматической форме 1 лица, единственного числа, настоящего времени, определенного порядка расположения компонентов единицы - те морфологические явления, которые закрепляют семантические процессы, ведущие к формированию модальной семантики.

Даю (какое-либо) слово 4

(Сафир): Я повторяю снова: Не я о том сказал, **даю честное слово**. А. Грибоедов. - Я не приемлю, я не замечаю вашего государства. Но вы - художник. И ваш интерес был настоящим, я хочу в это верить. - **Даю вам слово**, - перебил Кудрин. Б. Лавренев. - Я знаю, зачем идет Балакирев, **даю мое царское слово**. “Веселый календарь - 2000”. - Умоляю, - прошептала наркоманка, - только один укол! Завтра же отправлюсь в больницу лечиться, **слово даю!** Д. Донцова.

Морфологические различия омонимов с одним категориальным значением в составе рядов смешанного типа могут выражаться в функционировании категории залога. Категория залога тесным образом переплетается с индивидуальными фразеологическими значениями, выступает в неразрывной связи с семантическими преобразованиями процессуальных единиц. Наиболее активно функционирует форма действительного залога. Переходный глагол, реализуя внутри модели фразеологизма синтаксическую связь с прямым винительным падежом, может сохранять или утрачивать свойственную переходным глаголам способность иметь действительную и страдательную фор-

мы. Омонимичные фразеологизмы процессуальной семантики располагают разными возможностями образования форм страдательного залога. Так, в ряду процессуальных фразеологических омонимов **дать слово 1** - “согласиться на брак”, **давать/дать (честное) слово (чести) 2** - “обещать”, **дать слово 3** - “разрешить выступление с речью” первый фразеологизм образует страдательную форму наряду с формами действительного залога. Второй фразеологизм-омоним проявляет эту способность в ограниченной степени, третий - утратил возможность иметь формы страдательного залога. Случаи выраженности страдательного залога у фразеологической единицы **дать слово 1** - “согласиться на брак” позволяют полнее представить сложные отношения, которые возникают при переходе действия с одного предмета на другой. Переходное действие предполагает не только активные свойства действующего лица, но и встречные свойства в предмете, подвергающемся воздействию. Поэтому можно предположить, что степень фразеологизации в омониме **дать слово 1** меньше, чем в других фразеологизмах этого ряда. Наше предположение соответствует выводам В.А. Лебединской: “Образование таких форм (форм страдательного залога) весьма ограничено и зависит от степени фразеологичности единицы: чем степень фразеологичности выше, тем более ограничены возможности образования страдательных форм” [1, с. 82].

<i>Дать слово 1</i>	<i>Давать/дать (честное) слово (чести) 2</i>	<i>Дать слово 3</i>
<i>(Кречинский): Вчера дано слово, и через десять дней свадьба. А.Сухово-Кобылин. В доме объявили всем, что Ардальону Семенычу дано слово, что Наташа уже невеста и что завтра будет обручение. С.Аксаков. (Кречинский): Дело ведено лихо: вчера дано слово и через десять дней я женат! А.Сухово-Кобылин. Мановский сделал предложение, не будучи еще сам уверен в успехе своих исканий, но сверх ожидания отец согласился, а вскоре затем невеста дала слово. А.Писемский.</i>	<i>На Покров, престольный праздник в Суходоле, Петр Петрович назвал гостей - и очень волновался: будет ли предводитель, давший слово быть? И.Бунин. (Вспышкин): Я даю слово тебя на ней женить. И.Крылов. “Хорошо бы было поехать к Курагину”, - подумал он (Пьер – Т.В.). Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина... И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолю слово быть у него... Л.Толстой.</i>	<i>Сидя сзади, я видел, как Хрущев, посоветовавшись с Громыко, решил просить у председателяствующего Болдуэна дать ему слово по порядку ведения, что было предусмотрено процедурой. “АиФ” № 52,00г. На банкете дали слово приезжим. “Новое обозрение” 30.08.00г.</i>

Как показывают языковые факты, омонимичные фразеологизмы **дать слово 1, 2** могут проявлять или не проявлять объектную валентность, омоним **дать слово 3** проявляет ее в обязательном порядке.

Характер синонимических связей единиц описываемого многочисленного ряда является, на наш взгляд, еще одним подтверждением омонимичности отношений между фразеологизмами. **Дать слово 1.** Внешние синонимы: *согласиться (на брак); выразить готовность, условиться.* Внутренние синонимы: *отдавать/отдать руку (устар.), отдавать/отдать руку и сердце (устар.), отдавать/отдать руку с сердцем (устар.)* [2; с. 64, 66, 120]. **Давать/дать (честное) слово (чести) 2.** Внешние синонимы: *обещать/пообещать, клясться/поклясться, сулить/посулить (разг.).* Внутренние синонимы: *положить завет (устар.), целовать крест (устар.), давать/дать (себе) зарок (разг., экспр.)* [2; с. 119, 358, 170]. **Дать слово 3.** Внешние синонимы: *разрешить выступление с речью.* Внутренние синонимы: *предоставлять/предоставить слово (офиц.)* [2; с. 140]. **Даю слово 4.** Внешние синонимы: *клянусь, уверяю, ручаюсь (выражение уверенности в истинности высказывания).* Внутренние синонимы: *бьюсь об заклад (экспр.), держу пари (экспр.)* [2; с. 30, 199].

Таким образом, несовместимость значений является основным критерием разграничения исследуемых омонимичных фразеологизмов. Отношения омонимии проявляются также в функционировании морфологических категорий, если в составе рядов третьего типа представлены морфологически изменяемые и неизменяемые фразеологические единицы. Многочленные фразеологические омонимы смешанного типа вступают в синонимические отношения с единицами разных рядов внешних и внутренних синонимов, могут различаться стилистической маркированностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебединская В.А. *Переходность непереходность и категория залога процессуальных фразеологизмов // Семантико-грамматические свойства фразеологизмов русского языка: Межузовский сборник научных трудов.* - Челябинск: ЧГПИ. 1985. -С. 79-87.
2. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / Сост. А.И. Федоров.* Т. 2: Н-Я. - М.: Цитадель. 1997. - 396с.

Ш.И. Васильев,
Елец

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ФЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Понятие сущности и дифференциальных признаков фразеологических единиц до сих остается в лингвистике одним из актуальных и дискуссионных.

Фразеология является уникальной и своеобразной языковой универсалией: там, где существует язык в качестве средства коммуникации между людьми.

ми, его функционирование неизбежно приводит к появлению в нем фразеологических единиц, готовых языковых единиц, извлекаемых из памяти целиком. **Фразеологический оборот - это воспроизводимое сочетание двух и более слов номинативного и коммуникативного характера, обладающее либо устойчивым, либо относительно устойчивым составом, структурой и значением.** Относительность состава, структуры и значения ФЕ обусловлена вариантностью фразеологизмов, которая закреплена нормой языка. Основными, категориальными и существенными свойствами фразеологизма, с нашей точки зрения, являются фразеологическая воспроизводимость, сверхсловность и относительная устойчивость. ФЕ могут иметь и другие отличительные признаки: идиоматичность, коннотативность, метафоричность/метонимичность, мотивированность/немотивированность значения ФЕ, номинативность, раздельноформленность, целостность значения, устойчивость, экспрессивно-стилистическая окраска, целостность значения, эквивалентность слову и т.д. Но в целом они не всегда присутствуют, налицо лишь некоторые из них. Только фразеологическая воспроизводимость, сверхсловность и устойчивость, имеющая в ряде случаев относительный характер, являются обязательными для всех ФЕ.

Понятие **воспроизводимости** как основного, существенного свойства фразеологизма признается большинством лингвистов (Н.М. Шанский, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон, А.Г. Ломов). Все ФЕ воспроизводимы. Однако не все лингвисты считают воспроизводимость дифференциальным свойством фразеологизмов. По мнению М.М. Копыленко воспроизводимость «распространяется не только на индивидуальную сочетаемость типа «лексема + лексема»..., но и на сочетаемость типа «лексема + категория лексем», т.е. на свободные сочетания слов [Копыленко 1965: 112]. Ю.Я. Бурмистрович полагает, что кроме ФЕ, воспроизводимыми могут быть и слова, и обычные словосочетания, и некоторые предложения [Бурмистрович 2006: 33]. Однако мы полагаем, что фразеологизмы обладают фразеологической воспроизводимостью, поскольку они «не создаются в речи, а воссоздаются потому, что они не могут быть там созданы, тогда как другие единицы (например, слова и словосочетания) могут быть сконструированы уже в процессе речи. Вот почему возможны новые слова, окказионализмы, понятные всем носителям языка (ибо эти слова «подстраиваются» под уже существующие в языке словообразовательные ряды), тогда как новые ФЕ, созданные в процессе речи и понимаемые носителями языка именно как новые единицы фразеологического фонда, невозможны» [Ройзензон 1973: 103-104]. Фразеологическая воспроизводимость - это воспроизводимость особого типа, неизвестная другим значимым языковым единицам. Для фразеологической воспроизводимости характерен признак дихотомии, при котором любому фразеологизму «в сознании говорящего противопоставлено (прямо или косвенно, реально или ирреально) аналогичное сочетание лексем свободного синтаксического построения» [Ройзензон 1977: 9]. Мы полагаем, что даже если у какой-либо ФЕ отсутствует в языке «двойник» - свободное словосочетание, то все равно в языке имеется другое свободное словосочетание, по образцу которого и был образован данный фразеологизм.

Сверхсловность - это признак, определяющий фразеологизм, поскольку ФЕ - это не одно слово, а два и более слов. Во фразеологии употребляются: ФЕ типа сочетаний слов: не указ *'о том, что кто-л. или что-л. не может быть, не является авторитетом, образцом для подражания'*, не промах *'ловок, сообразителен, не упустит своего'*, ни жив ни мертв *'кто-л. очень сильно перепуган, потрясен, удручен'*; ФЕ-словосочетания: играть в молчанку *'молчать, уклоняясь от разговора'*, крокодиловы слезы *'лицемерные слезы, притворное сожаление'*; ФЕ-предложения: любви все возрасты покорны; дело забывчиво, а тело заплывчиво. Синонимичным термину сверхсловность является слово **раздельнооформленность**. Все фразеологические единицы состоят из слов, которые называют компонентами или словоэлементами фразеологизма. Они пишутся раздельно друг от друга, но могут иметь и полуслитное написание: светики-кормильцы *'восклицание, выражающее растерянность, досаду, изумление и т.п.'*

Идиоматичность наблюдается только у идиом (фразеологических сращениях и единств) и представляет собой смысловую неразложимость ФЕ на значения составляющих ее слов-компонентов, то есть невыводимость значения ФЕ в целом из значений ее составных частей: у черта на куличках *'очень далеко'*, кануть в Лету *'умереть'*, притча во языцех *'предмет всеобщих разговоров, пересудов'*, ни рыба ни мясо *'ничем не выделяющийся, посредственный человек'*. Другим важнейшим свойством многих сращений и единств является их **эквивалентность слову** и - соответственно - синонимическая заменимость словом: высыпать горячих *'кому выпороть, высечь'*; божий глаз *'солнце'*.

Коннотативность является важнейшим свойством ФЕ. В значении фразеологизма, кроме денотативного содержания, могут включаться и стилистические созначения [Ш. Балли, 1961], формирующие его семантику: экспрессивность (выразительность), эмоциональность, выражающая различные чувства субъекта (ласкательность, одобрительность, неодобрительность, почтительность и др.), оценочность, связанная с эмоциональностью и выражающая положительное или отрицательное отношение к кому-чему-либо. Коннотативность ФЕ помогает создавать наглядно-чувственные и ассоциативно-образные представления о предметах или явлениях действительности, содержать их субъективную оценку: пороть горячку, *неодобр.* *'сердиться, знать-ся'*; золотые руки, *одобр.* *'кто-либо умеет все делать, искусен во всяком деле'* и др.

ФЕ, возникающие в языке, отражают как его познавательную (гносеологическую) функцию вследствие обозначения новых понятий, явлений и фрагментов действительности, так и, удовлетворяя прагматическую функцию языка, служат «для пополнения и расширения стилистических средств, для выражения в языке экспрессивного и эмоционального воздействия» [Бондарко 1979:105].

Метафоричность/метонимичность - это наличие переносного значения во фразеологических единицах, образованного на основе сходства общего впечатления, производимого воздействием предмета на говорящего или основанного на ассоциации по смежности: мух ловить - *'тратить время зря'*; катить бочку на кого - *'несправедливо обвинять кого-либо'*; закинуть (забро-

силь) удочку - *'осторожно намекнуть на что-либо, выяснить, разузнать предварительно что-либо'*; белые воротнички - *'лица наемного труда, занимающиеся умственной работой'*. ФЕ, значение которых возникло в результате метафорического или метонимического переноса, обладают **целостным значением**. Не все фразеологизмы имеют целостное значение. Не присутствует это свойство у фразеологических единиц, имеющих нулевую идиоматичность, но употребляющихся с постоянным составом, структурой и значением: яблочная кислота *'органическое соединение, содержащееся в растениях'* и т.д. Такие исследователи, как Б.А. Ларин, А.М. Бабкин, Р.Н. Попов и др. считают метафоричность одним из самых важных признаков ФЕ.

Проблема **устойчивости** является одной из самых острых во фразеологии. Определение ФЕ «как устойчивого сочетания слов долгое время способствовало тому, что ее считали статичной как в формальном, так и в смысловом плане» [Мокиенко 1980: 7]. Под устойчивостью нами понимается неизменность лексического состава, структуры и значения ФЕ. Устойчивость во фразеологии имеет относительный характер. Стабильность употребления фразеологизмов при функционировании в речи может нарушаться, поскольку ФЕ вступают в семантико-грамматические связи с различными словами своего окружения. Многие ФЕ допускают варьирование (фонетическое, морфологическое, словообразовательное, структурное, семантическое, синтаксическое, стилистическое, компонентное (лексическое), количественное и комплексное) своих компонентов: мочи (моченьки) нет терпеть *'нет сил, терпения выносить что-либо'*; взяться (схватиться) за голову *'прийти в ужас от чего-либо удивленного или услышанного'*; во все горло (во всю глотку) *'очень громко'* и т. д.

Общеизвестность. Как правило, фразеологизмы характеризуются общеизвестностью. Если фразеологизм известен какому-либо коллективу в таком виде и в таком значении, то он обладает известностью. Общеизвестность может иметь относительный характер, поскольку в языке всегда имеются ФЕ, не известные всем носителям языка.

Немотивированность значения ФЕ не зависит от значений компонентов, составляющих ФЕ, она присуща фразеологическим сращениям: собаку съел - *имеет большой опыт*; бочка Данаид: 1) *'постоянный бесплодный труд'*; 2) *'вместилище, которое никогда не может быть наполнено'*. У фразеологических единиц общее значение является опосредованно мотивированным: мелко плавать *'занимать незначительное общественное или служебное положение'*. У других типов ФЕ общее значение является мотивированным значениями слов-компонентов: беспробудный сон *'глубокий сон'*; земляной (китайский) орех *'то же, что арахис (травянистое масличное бобовое растение, плоды которого употребляемы в пищу)'*.

Номинативность - способ обозначения предметов, признаков, свойств, процессов, при котором фразеологизмы осознаются как предметные: падающая звезда *'метеор'*, Новый Свет *'Америка'*; процессуальные: нюхать порошу *'воевать'*, взять в толк *'осознать, понять что-либо'*, заварить кашу *'затянуть какое-либо хлопотливое дело'*; качественно-обстоятельственные: очертя голову *'быстро'*, до тонкости *'досконально, до мельчайших подробностей'*

и т.д.

Экспрессивно-стилистическая окраска - это стилистическое значение ФЕ, принадлежность фразеологизма к тому или иному стилю: книжному: паче чаяния *'сверх ожидания, вопреки ожиданию'*; корень зла *'основа, первоисточник зла'*; разговорному: заморить червячка *'перекусить'*; развязать руки *'кому предоставить кому-л. свободу действий, освободить, избавить от каких-л. ограничений, от чего-л. обременительного'*; нейтральному: в данный момент *'в данное время'*; настольный теннис *'спортивная игра'*. Если ФЕ имеет сниженную стилистическую окраску, то она является просторечной: пить (сосать) кровь, *'прост. мучить, притеснять кого-л., издеваться, глумиться над кем-л.'*; чертова перечница, *груб.прост. 'злая, сварливая женщина'*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ш. Балли. *Французская стилистика*. - М., 1961.
2. Бондарко В. Т. *О номинативном аспекте устойчивых фраз (к постановке вопроса) // Проблемы русской фразеологии*. - Тула, 1979.
3. Бурмистров Ю. Я. *Из основного о фразеологизме // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской*: - Вып. 3. - Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2006.
4. Копыленко М. М. *О фразеологии «Повести временных лет» // Вопросы языкознания и методики преподавания иностранных языков*. - Алма-Ата, 1965.
5. Мокиенко В. М. *Славянская фразеология*. - М.: Высшая школа, 1980.
6. Ройзензон Л. И. *Лекции по общей и русской фразеологии*. - Самарканд, 1973.
7. Ройзензон Л. И. *Русская фразеология*. - Самарканд, 1977.

Л.В. Воронина,
Рязань

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФИНИТИВА

Неизвестность - это отсутствие сведений. Неизвестными могут быть предметы и их признаки, действия и их признаки, наконец, цели этих действий. Основным вербальным способом выяснения того, что субъекту представляется неизвестным, выступает вопрос. Специфика цели в ее произвольности: субъект сначала ставит перед собой цель, затем прикладывает определенные усилия для ее достижения. Поэтому ситуаций, когда цель действия оказывается неизвестной субъекту, немного: они обусловлены речевой ситуацией диалога, когда не установлена целесообразность действий одного из участников речи.

Цель данной статьи - показать функциональные возможности фразеологизмов, входящих в состав вопросительного элемента конструкций финитива.

В разговорной речи нередко в качестве вопросительного элемента предикативной единицы употребляются фразеологизмы. Стилистически маркированные, они способны оформлять риторические вопросы со значением отрицания в стилистически сниженных контекстах. В нашем случае это риторические вопросы с обратно-риторическим значением отрицания целесообразности действия.

Вопросительный элемент таких предложений фразеологизирован: в его составе фразеологические сочетания, представляющие собой предположно-падежные конструкции финитива.

ППК «на + винит.пад.» (*на фиг, на черта*) оформляют семантику **назначения** предмета, что подчеркивается лексически: - *Да я и не нуждаюсь! На кой черт вы мне сдались!* - кричал сзади Григорий... (Шолохов), ППК «за + творит.пад.» (*за каким чертом*) оформляют значение **цели**: - **За каким же чертом** вы добровольно отправились на фронт и даже выслужились до офицерского чина? (Шолохов).

Вопросительный элемент обычно включает вопросительное местоимение *какой* или его разговорный вариант *кой*: - *А то об бороде своей, на кой она клеп нам понадобилась?* (Шолохов); - **За каким чертом** полезем туда, в это пекло? (Шолохов); - **На кой ляд** они нам нужны, навязываться им! (Шолохов).

В ряде случаев вопросительное слово может отсутствовать: - *Ты воевать думаешь? На черта тебе пулемет?* (Бакланов).

Представляют интерес конструкции финитива, вопросительный элемент которых построен по модели, неспособной к выражению смысла «цель»: **Какого черта** он (Григорий) оправдывался, пытался что-то доказать? (Шолохов).

Фразеологический словарь русского языка маркирует сочетания *на фиг, какого черта* (*дьявола, лешего, шута, хрена*) пометой «грубо-просторечные», сочетания *за каким чертом, на черта* - «просторечные». Очевидно эмоциональное перенасыщение таких конструкций, что мешает им на первый взгляд функционировать в высоких контекстах. Однако это не так. Указанные фразеологизмы способны оформлять вопрос в предложениях типа: - *Так на что же мы живем, какого черта мы живем?* (Гоголь); - *А на кой ляд гражданские чувства понадобились?* (Салтыков-Щедрин).

В заключение отметим: фразеологических сочетаний, входящих в состав вопросительного элемента предложения, направляющих на поиск цели действия, назначения предмета, немного. Гораздо чаще такие конструкции определяют целесообразность/ нецелесообразность действий субъекта, что обусловлено их стилистической маркированностью и ярко выраженной экспрессией.

*С.И. Георгиева,
Пловдив, Болгария*

О СЕМИОТИЧЕСКОЙ СВЯЗКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Одним из самых интересных и дискутируемых вопросов фразеологии является вопрос о связи плана выражения фразеологических единиц (ФЕ) с планом содержания. Он рассматривался в работах А.М. Мелерович, В.Н. Телия, В.А. Лебединской и др. (на материале русского языка), В.М. Мокиенко,

А.Ф. Алефиренко и др. (на материале славянских языков), Н.Н. Кирилловой, Д.О. Добровольским, В.Г. Гаком и др. (на материале западных языков) и др. Наши наблюдения построены на материале русского и болгарского языков.

Фразеология признана не только семиологической наукой, но и наукой когнитивной и основным ее концептом является концепт фразеологического знака, а согласно теории Ч. Морриса знак может служить именем не только предмета, но и предметной ситуации с участием интерпретатора и интерпретанты. (Моррис 1983: 37-89). Структура фразеологического знака многокомпонентна и связана с конкретным языком, мышлением и объективным миром. Эти компоненты имеют национальную специфику: система языков разная, хотя это славянские языки (болгарский язык относится к языкам аналитического типа, а русский - язык синтетического типа), культурно-исторические факты интерпретируются селективно, они имеют "выход" в объективную действительность, связаны с базовым словосочетанием, что и является денотатом ФЕ, связаны также с актуальным контекстом устойчивого словосочетания (Георгиева 2007).

Первые признаки семантической цельности ФЕ закладываются еще до переосмысления словосочетания. "Аспект видения" предметной ситуации, ее интерпретация этносом связаны с экстралингвистическими факторами. Например (иллюстративные примеры даются в порядке: русский - болгарский языки), *иду на вы - обявя вам ти война; гонять лодыря - клатя си краката, ходя на ален фес* и др. В устойчивых единицах закодированы значимые для этноса элементы объективного мира, которые связаны с восприятием людей. Иллюстрацией этого является образная основа ФЕ, которая относится к когнитивной сфере и определяется прежде всего характером мышления народов, например, ФЕ *ни тпру ни ну - ни напред ни назад* (букв. "ни вперед, ни назад"), знач. 1. Никак не проявляет себя в чем-либо; ничего не предпринимает, не делает; 2. Не дает никаких результатов (о работе, деле). Образная основа русского фразеологизма построена на междометиях: *тпру* (возглас, который останавливает лошадь или другое рабочее животное) и *ну* (выражает призыв или побуждение к действию), а болгарский фразеологизм построен на наречиях *напред-назад* с отрицанием и указывает на отсутствие движения. ФЕ оформлена не только грамматически, но "она представляет собой и когнитивно-семантическую модель, которая не может быть исключительно индивидуальным образованием. В ней есть также нечто от коллективного сознания лингвоэтнической общности" (Кириллова 2006: 4). Например, русской ФЕ *гнаться/погнаться за двумя зайцами* (знач. стремиться выполнить одновременно два разных дела, достичь двух различных целей, однако положительного результата трудно добиться) в болгарском языке имеет два соответствия: *искам да убия с един куршум два заека и (мъча се да) нося две дини под една мишница* (букв. "кто-либо старается нести два арбуза под одной мышкой"). Установка, которой обусловлен выбор первичного десигната из ряда других в виде конкретной ситуации в обоих языках связана с охотой (хотя образные основы в деталях различаются: образная основа русской ФЕ указывает на одновременность движения в два направления, болгарская на невозможность одной пулей застрелить два зайца), а вторая болгарская ФЕ связа-

на скорее всего с сельским бытом. Данные ФЕ имеют коннотацию “трудный выход” и встречаются в контекстах, которые указывают на безрезультатность действия (р. *За двума зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*, б. *Две дини под една мишница не се носят/ трудно се носят*). Образная основа конкретного фразеологизма отобрана коллективным сознанием этноса в качестве формы для нового содержания. Потребность в новом содержании возникает из интенции выразить гамму смыслов и чувств в краткой форме. Этой формой служит устойчивое словосочетание, которое 1. может быть знакомо данному коллективу из его жизненного опыта (*каши не сваришь с кем/ пива или ухи не сваришь - не се мели брашно с някого* (действие в русской ФЕ связано с кашей, ухой, пивом, а в болгарской с мукой); *расхлебывать кашу - сърбам/ ям попарата на някого; оправям кривите дърва на някого* (действие в русской ФЕ связано с кашей, в болгарской с тюрей, дровами); *звонить во все колокола - удрям тъпана, бия барабана* (действие русской ФЕ связано с колоколами, а в болгарском с барабаном - большим и маленьким)) или 2. словосочетания, создаваемые конкретными народами, связаны с характером воображения людей (*из кожи вон лезть - мъча се като грешен дявол* (за да постигна целта); *звезды с неба хватать - свалям звезди от небето; небо коптить - подпирам небето; молочные реки и кисельные берега - по мед и масло*). Благодаря способности человеческого мозга к воображению создается новая, обновленная семантика и устойчивые словосочетания получают коннотативно-семантическое приращение, которое закрепляется в значении отдельных фразеологизмов. Например, в ФЕ *ноль без палочки - кръгла нула* элемент *ноль - нула* в словосочетаниях сформировал новое значение “незначительность” на основе внутренней формы фразеологизма, т.е. фразеологическое значение “быть очень незначительным, почти никаким”. А.М. Мелерович указывает на влияние грамматической оформленности и живых синтаксических связей на механизм формирования актуального значения устойчивых словосочетаний, например, в ФЕ *голова садовая, реветь белугой* компоненты *садовая, белугой* семантически не соотносятся с соответствующими словами свободного употребления, но соотносятся с определенными частями речи и выполняют функцию определителей при именах и глаголах, осмысливаются как синонимы слов, с которыми при свободном употреблении в синонимическое отношение не вступают. Так, компонент *садовая* в ФЕ *голова садовая* воспринимается как синоним слова *глупая*. Компонент *белугой* передает интенсивность проявления состояния. “В подобных случаях имеет место грамматическая мотивация, обусловленная соотносительностью компонентов ФЕ с определенными частями речи и их синтаксическими связями в составе устойчивых словосочетаний” (Мелерович 1979: 29).

Связка фразеологического значения односторонне имплицативна, она всегда идет от формы к значению, а не наоборот. Это значит, что если мы говорим *тяп да ляп - надве-натри* (знач. “делать что-либо небрежно”), то неизбежно понимаем характер действия (“небрежно”), если же нам нужно выразить мысль “делать небрежно”, то совсем не обязательно прибегать к иносказательному обороту (Кириллова 2006: 6). Мы это делаем только при соответствующей интенции.

Н.Д. Арутюнова представляет модель языкового знака трехкомпонентной, добавляя к его двум сторонам - форме и содержанию - третий элемент. Им является семиотическая связка, предназначение которой заключается в соединении двух первых элементов и установления между ними отношения "по договору" (Арутюнова 1999: 341). В.А. Лебединская называет этот элемент "фразообразовательным". Она утверждает, что у каждой единицы можно вычлени три типа значений, у фразеологизма это фразеологическое, грамматическое и фразеобразовательное значение. Фразеологизмы возникают на базе конкретных словосочетаний при определенных интенциях, но становятся членами фразеологической системы языка, которая детерминирует их положение в данной системе, создавая им определенный "вес" в системе, "значимость" (Лебединская 2007: 45). Отношения конвенциональности в ФЕ заменяются условиями детерминированности. В формировании национальной специфики ФЕ важную роль играет семиотическая связка между планом выражения фразеологизма и планом его содержания, в семиотической связке и следует искать своеобразие фразеологических фондов разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. - М., 1999.
2. Георгиева С.И. *Мотивирующие параметры значения национально-окрашенных фразеологизмов. /Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. (Варна, 17-23 сентября 2007 г.). - София, 2007. - Т. 2. - С. 76 -80.*
3. Кириллова Н.Н. *Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч.1. Природа и космос. /file://C:\Documents and Settings\My Documents\19/8/2006. Page 1 of 11.*
4. Лебединская В.А. *Избранное*. - Курган, 2006.
5. Мелерович А.М. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*. - Ярославль, 1979.
6. Моррис Ч.У. *Основание теории знаков // Семиотика*. - М., 1983. С. 37-89.

Н.В. Гончарова,
Курган

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ АРХИТЕКТОРОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Поэтические фразеологизмы со значением лица, созданные О. Мандельштамом, имеют свою специфическую семантическую структуру, объединяются в несколько подсубкатегорий и групп. Одна из групп содержит фразеологические номинации людей различных профессий, занятий, отражает многие сферы трудовой деятельности, например, административную, военную, литературную, религиозную, культурную и др. Для понимания эстетических взглядов поэта важны единицы, номинирующие культурную деятельность лица. Фразеологические единицы, созданные поэтом, именуют творческих людей, создателей архитектурных объектов (*душа готическая, простой столяр, свободный человек, строитель щедрый*), представителей изобразительного искусства (*великолепный брат и мастер и отец черно-зеленой темы, обуглив-*

ший бумагу рисовальщик, уличные фотографы, художник милый), театральные деятели (актер-корабельщик на палубе мира, заводная кукла офицера), композиторов, музыкантов (еврейский музыкант, живая ласточка, конек-горбунок, последний чудный чорт в цвету) и др.

Предметом исследования в данной статье являются фразеологические единицы, именующие человека как создателя архитектурных творений. Архитектура всю жизнь влекла поэта, являлась источником для создания знаменитых «архитектурных» стихотворений - «Айя-София», «Адмиралтейство», «На площадь выбежав, свободен...», «Notre Dame» и др.

В стихотворении «Адмиралтейство» лирический герой преодолевает в творчестве краткосрочность своего существования, творческая мысль человека вдохновенно создает свой мир - мир культуры, вечного дома человечества:

Ладря воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота не прихоть полубога,
А хищный глазомер **простого столяра**.
Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятаю **свободный человек**:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

(Камень; «Адмиралтейство»; 1913)

Поэтические фразеологизмы **простой столяр** и **свободный человек** обозначают одно лицо, это номинации творческого человека, архитектора, зодчего А.Д. Захарова, создавшего проект Адмиралтейства, здания морского министерства, построенного в Петербурге. По воспоминаниям Н.Я. Мандельштам, «всякое ремесло дорого Мандельштаму, потому что ремесленник делает утварь, заполняет и одомашнивает мир. Мандельштаму однажды понадобилось дать понятие красоты, и он дал его через ремесло: «Красота не прихоть полубога, а хищный глазомер простого столяра» [Мандельштам 1993:135].

Прямое значение личного существительного *столяр*, главного компонента поэтического фразеологизма **простой столяр** - 'рабочий, специалист по обработке дерева и изготовлению изделий из него' - переосмысливается, но тем не менее указывает на род занятий описываемого персонажа, который занимается искусством проектирования и строения зданий; в сочетании с зависимым компонентом, качественным прилагательным *простой*, имеющим значение 'принадлежащий к трудовой части общества', формируют значение поэтического фразеологизма и номинируют конкретное лицо, архитектора А.Д. Захарова. Данная фразеологическая номинация позволяет поэту выразить мысль о том, что не что-то сверхъестественное, не «прихоть полубога», а труд простого человека, его талант, умение, фантазия обеспечивают создание великолепных архитектурных шедевров, привлекающих внимание окружающих и поражающих своей стройностью и органичностью. В очертаниях петербургского Адмиралтейства «лирически утверждается мысль о внутренней, творческой гармонии Мастера Петровской эпохи, соединившего в себе свободу, смелость созидательной эпохи с точностью расчета» [Колобаева 1993:27].

Опорный компонент фразеологизма **свободный человек** употреблен в значении - 'личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств', это творец, создатель, вырвавшийся из пространства, покоривший своим творчеством природу и создавший особую сферу деятельности, на это указывает зависимый компонент - бывшее качественное прилагательное *свободный*, а также контекст стихотворения. Н.Я. Мандельштам отмечала, что Осип Эмильевич «ощущал пространство даже сильнее, чем время, которое представлялось ему регулятором человеческой жизни, а также мерой стихов. Время - век - это история, но по отношению ко времени человек пассивен. Его активность развивается в пространстве, которое он должен заполнить вещами, сделать своим домом. Архитектура - наиболее явственный след, который человек может оставить в этом мире, а следовательно залог бессмертия» [Мандельштам 1993:136].

В поэтических и прозаических текстах О. Мандельштам из всех видов архитектуры неоднократно обращался к наиболее динамичному - готике - стилю, характеризующемуся остроконечными сооружениями, стрельчатыми сводами, обилием витражей и скульптурного орнамента. В стихотворении «Notre Dame» воссоздана еще одна модель творчества, воплощены важнейшие в эстетике Мандельштама понятия - тяжести и легкости:

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом дуб, и всюду царь отвес.

(*Камень*; «Notre Dame»; 1912)

Готический стиль считается системой противоборствующих сил, соответственно, стиль стихотворения и созданная фразеологическая номинация основаны на контрасте, антитезе. Взаимодействие главного и зависимого компонентов обеспечивает формирование семантики поэтического фразеологизма **душа готическая**. Опорный компонент *душа* характеризует внутренний, психический мир личности, переживания, настроения, чувства человека. Зависимый компонент, бывшее относительное прилагательное, прямое значение которого ('выполненный в стиле готики') переосмысливается, характеризует профессиональные и внутренние принципы героя - зодчего, архитектора: христианский страх неожиданно побуждает возводить строения не смиренные и убогие, а могучие, как египетские пирамиды; в результате мастером, которому неважно, для какого бога он строит, важно только, чтобы его постройка простояла прочно и долго, создан храм готического стиля, в нем творческий, мыслящий человек воплотил свой разум, рациональность, рассудочность.

В стихотворениях Мандельштама почти всегда за архитектурой стоит творец, личность с ее мировоззрением. Образ творческого человека, которого религия возносит ввысь, создается в поэтическом тексте, в стихотворении «Айя-София» из сборника «Камень»:

Но что же думал твой **строитель щедрый**,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,

Им указав на запад и восток?

(Камень; «Айя-София»; 1912)

Согласно комментариям к этому стихотворению, «Айя-София - храм св. Софии, построенный в Константинополе в 532-537 гг. в царствование византийского императора Юстиниана, повелевшего установить в нем колонны из храма Дианы (Артемиды) в Эфесе - одного из семи «чудес света» древности. Апсиды - полукруглые выступы для алтарей и смежных помещений. Экседры - полукруглые ниши» [Мандельштам 1990:462].

Индивидуальную семантику в единице **строитель щедрый** формирует именной компонент, который представляет собой преобразованное имя существительное: в переносном смысле с пометой «высокого стиля» *строитель* - 'созидатель, творец' [Евгеньева 1984:289]. Зависимый компонент, постпозитивное качественное прилагательное, имеет значение: 'легко, охотно раздающий, расточающий что-л.', формирует вкупе с главным компонентом синтетическое фразеологическое значение. В целом поэтический фразеологизм номинирует зодчего, архитектора, созидателя храма св. Софии, расположившего апсиды и экседры на запад и восток - символы первоначального единства католичества и православия.

Таким образом, созданные поэтом фразеологические номинации творческих людей, создателей архитектурных объектов способствуют пониманию общих законов художественного творчества, ведь искусство в жизни и творчестве Мандельштама «оказалось своеобразной «охранной грамотой» - архитектура, живопись, изделия из прикладного искусства служили поэту надежной духовной опорой в его сложной и трагической судьбе» [Завадская 1988:1-2]. Специфической особенностью данных фразеологических единиц является употребление грамматически главного компонента, бывшего личного имени существительного, в некоторых единицах в значении, указывающем на род занятий описываемого лица (*столяр, строитель*), в других случаях это переосмысливаемые наименования, формирующие коннотативную составляющую значения (*душа, человек*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Завадская Е. Поэт и искусство: [Об искусствоведческих воззрениях О. Мандельштама] // Творчество. - 1988. - № 6. - С. 1-2.
2. Колобаева Л.А. «Архитектура души» в лирике Осипа Мандельштама // Русская словесность. - 1993. - № 4. - С. 24-31.
3. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. - Т. 1. Стихотворения / О. Э. Мандельштам; сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлена; вступ. статья С. Аверинцева. - М.: Худож. лит., 1990. - 638 с.
4. Мандельштам Н. Моцарт и Сальери // Знамя. 1993. - № 9. - С. 135-136.
5. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русск. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984.

О.Н. Горева,
Курган

ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРЕНТАЛЬНЫМ

КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Особенностью предметных фразеологизмов с парентальным компонентом в современном русском языке является их антропоцентрическая направленность, так как почти все фразеологизмы, относящиеся к данной категории, обозначают лицо или собирательное множество лиц.

В качестве парентального компонента выступают следующие лексемы: сын - 27 ФЕ, брат - 16 ФЕ, отец - 10 ФЕ, дочь - 9 ФЕ, сестра - 8 ФЕ, дед - 5 ФЕ, мать - 5 ФЕ, муж - 2 ФЕ, жена - 1 ФЕ, внучка - 1 ФЕ, дядя - 1 ФЕ, вдовец - 1 ФЕ, вдова - 1 ФЕ.

Фразеологизмы, входящие в субкатегорию ФЕ, обозначающих одно лицо или собирательное множество, могут быть подразделены на следующие группы:

1) ФЕ, обозначающие человека по свойствам характера, напр.: **дочь Евы, Евина внучка** (шутл.) - о женщине, страдающей излишним любопытством; **маленькина дочь, папенькин сынок** - для обозначения избалованного, изнеженного ребенка; **муж совета** (уст.) - человек, отличающийся благоразумием, мудростью и др.

2) ФЕ, обозначающие человека по интеллектуальной деятельности, напр.: **ученый муж** (разг.) - эрудит, разносторонне образованный человек.

3) ФЕ, являющиеся бранными выражениями и употребляющиеся применительно к лицу мужского или женского пола для выражения отрицательного к нему отношения, напр.: **собачья дочь, сукин сын, вражий сын, курицына дочь, хамов сын, чертов сын, щучий сын** и т.п.

4) ФЕ, называющие человека по социальным признакам. Внутри данной группы можно выделить следующие подгруппы:

а) ФЕ, именующие человека по роду его профессиональной деятельности, напр.: **сестра-хозяйка, брат милосердия, сестра милосердия, сын Фемиды** (судья), **сын Марса** (военный), **братья по оружию** (бойцы), **братья по перу** (писатели), **Дед Мороз** (в качестве ведущего на новогоднем празднике) и др.

б) ФЕ, называющие человека по национальному признаку и месту проживания, напр.: **сын Авраама** - еврей; **дядюшка Сэм** - американец; **сыны Альбиона** - англичане.

в) ФЕ, указывающие на человека:

- по отношению к другим лицам, напр.: **ваша сестра, ваш брат** (разг.) - вы и вам подобные; **свой брат** (разг.), **брат-кондрат** (прост.) - равный по положению в обществе человек, единомышленник; **ни сват ни брат** - посторонний, чужой человек; **блудный сын** (шутл.) - о человеке, покинувшем какое-либо содружество, коллектив, привычное занятие и т.д. в поисках новых, иных занятий, а впоследствии вернувшемся к прежнему;

- по отношению к обществу, времени, власти, напр.: **сын своего времени** (книжн.) - человек, на котором отразились отличительные черты времени, в которое он живет или жил; **сын природы / сын натуры** - человек, не подвергавшийся влиянию цивилизации, отличающийся непосредственностью выражения своих чувств; **отцы города** - чиновники, наделенные властными полномочиями.

г) ФЕ, дающие представление о принадлежности человека к какому-либо классу, слою общества, напр.: **боярский сын** (ист.) - мелкий помещик, входивший в категорию боярских детей; **братья меньшие** (устар.) - бедняки, неимущие (в настоящее время данный фразеологизм приобрел новое значение «животные»).

д) ФЕ, именующие человека по родству. Здесь можно выделить несколько случаев:

- породнение путем участия в христианском обряде крещения. К данной подгруппе относятся фразеологизмы, обозначающие человека как «восприемника по отношению к тем, кого крестят», напр.: **крестный отец, крестная мать** - или как «крестимых по отношению к своим восприемникам», напр.: **крестный сын, крестная дочь** - а также как «имеющих одних и тех же восприемников», напр.: **крестный брат, крестная сестра**;

- породнение путем участия в каком-либо традиционном обряде: **посаженный отец, посаженная мать** - в народном свадебном обряде: тот (та), кто (которая) заменяет родного отца (родную мать);

- породнение путем заключения союза на вечную дружбу, закрепленную обменом нательными крестами, напр.: **названный брат, названная сестра**;

- наличие одной и той же кормилицы, напр: **молочный брат, молочная сестра** - сын или дочь кормилицы по отношению к вскармливаемым ею чужим детям;

- породнение путем оформления соответствующих документов на чужого ребенка, оставшегося без родителей, напр.: **приемный отец, приемная мать, приемный сын, приемная дочь**. Иногда в качестве усыновителя может выступать коллектив, что отражает фразеологизм **сын полка**, обозначающий мальчика-подростка, обычно потерявшего родителей, взятого во время войны в действующую часть.

- прямое и не прямое родство, напр.: **деды и прадеды; отцы и деды; отец-ки сын, отецкая дочь** - сын или дочь почтенного и богатого человека; **троюродный брат** и др. В последнее время довольно часто встречается такой фразеологизм, как **суррогатная мать**, когда речь идет о женщине, вынашивающей ребенка для другой женщины по каким-либо причинам.

В этой подгруппе можно также выделить фразеологизмы, называющие человека по брачным отношениям, напр.: **мужняя жена** - замужняя женщина, обычно всецело зависящая от мужа; **соломенный вдовец, соломенная вдова** - человек, временно оставшийся без супруга или не живущий с ним.

5) ФЕ, служащие для наименования сверхъестественного существа, напр.: **отец небесный, сын человеческий, Бог-отец**.

б) ФЕ, обозначающие лицо в религиозной сфере, напр.: *святой отец* - священнослужитель, *сестра во Христе* - христианка, *духовный отец* - священник, принимающий исповедь, духовник.

7) ФЕ, обозначающие какой-либо вымышленный персонаж: *Рождественский дед*, *Елочный дед*, *Дед Мороз*.

Таким образом, исследование предметных фразеологизмов с парентальным компонентом в современном русском языке показало ярко выраженный антропоцентрический характер данных фразеологизмов, наличие оппозиции «мужской/женский род» и преобладание фразеологических единиц, именующих человека по родству. Лексемами, обладающими высокой фразеологической активностью, являются такие лексемы, как: сын, брат, отец.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фразеологический словарь русского литературного языка /Сост. А.И. Федоров. - М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. - 720 с.
2. Фразеологический словарь русского языка /Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. - М.: Высшая школа, 2003. - 336 с.
3. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2000. - 223 с.
4. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. - Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2006. - 144 с.

*А.М. Григораш,
Киев, Украина*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА В УКРАИНЕ»)

Современные исследователи рассматривают рекламу как один из видов передачи информации в торговле. Однако существуют определения, трактующие этот термин значительно шире. Приведем одно из них: «Реклама - это платное, однонаправленное, неличное, опосредованное обращение, пропагандирующее товар, марку, фирму, готовящее потенциального потребителя к покупке» [1, с. 193]. Таким образом, реклама не ограничивается только информацией о том или ином товаре: основной ее функцией является привлечение покупателя. Чтобы выполнить это предназначение, реклама стремится найти способы привлечь, а затем и завоевать потребительский рынок.

Реклама в периодической печати (газетах, журналах, справочниках) помещается в форме объявлений или статей. При этом рекламные объявления, как отмечает О.Д. Андреева, бывают двух видов: классифицированные и коммерческие. Классифицированные объявления - это короткие сообщения, подобранные по тематическому признаку. Обычно они печатаются без выбора

места рекламодателем. Такие объявления даются, например, об открытии выставки, ярмарки, магазина или о поступлении товара. Коммерческие объявления содержат подробное описание продукта, возможностей его использования, места продажи, цены, фирмы-изготовителя [Там же, с. 195]. И в первом, и во втором случаях фирмы преследуют чисто коммерческие задачи: повышение спроса на товар и, как следствие, рост прибыли.

Кроме таких основных видов рекламы, как товарная и фирменная, различают рекламу непосредственную и косвенную, информационную и агрессивную, однородную и неоднородную и др. В данной же статье мы рассматриваем в качестве рекламных материалов газетные статьи, популяризирующие некоторые потребительские товары, которые обычно подготавливаются соответствующими специалистами. Они содержат косвенную рекламу и часто достигают более высоких результатов, чем непосредственные рекламные сообщения. В качестве рекламируемого товара мы избрали косвенную рекламу товара, который, на наш взгляд, в принципе не нуждается ни в какой рекламе, - рекламу алкогольной продукции.

В украинско-русском и русско-украинском фразеологическом толковом словаре зафиксирована фразеологическая единица **гвоздь сезона** в значении *«наилучший номер; артист в концерте (в сезоне), производящий сенсацию»* [3, с. 281]. На основании этого фразеологизма в газетной рекламной статье используется устойчивое новообразование **гвоздь программы**, широко используемое в рекламных материалах, посвященных различным мероприятиям (гастролям, концертам и т.д.), однако до сих пор не зафиксированном фразеологическими словарями: *“Водка считается “гвоздем программы” на любом застолье и может многое поведать о настроении, благосостоянии, отношении хозяев к своим гостям”*. В этой же статье окказионально используется словосочетание **трезвый взгляд**, которое благодаря общему содержанию “рекламного ролика” приобретает ярко выраженные фразеологические черты. Более того, рассматриваемое устойчивое сочетание становится частью достаточно распространенной в прессе Украины метафоры: *“Остается только порадоваться, что Украина становится страной, которая имеет собственный **трезвый взгляд** даже на соблазны водочного рынка. Сегодня мы можем похвастаться не только национальными напитками, но и особой культурой питья водки, которая позволяет наиболее полно оценить ее достоинства и прекрасно провести время”* (Сергей Антипов. “Дорогая” тенденция водочного рынка”. Рубрика «Оцени!», 23-29.11.07, с. 34).

В словаре «Новая русская фразеология» В.М. Мокиенко с двумя значениями отмечен фразеологизм **три «К»**: *«1. Публ. ирон. По мещанским, бургерским представлениям - основные занятия женщины: «киндер» (нем. «дети»), кухня, кирха (церковь). 2. Жарг. шутл.-ирон. Изысканные и недоступные советскому человеку западные напитки (как основа западной «шикарной» жизни: кальвадос, коктейль, кока-кола)»* [2, с. 38]. Поскольку реклама гласит, что одним из самых изысканных напитков является коньяк, в соответствующем газетном материале функционирует новое устойчивое сочетание **три «С»**: *“Классический французский стиль потребления коньяка подчиняется*

правилу **трех “С”** (*Cafe, Cognac, Cigare*) - сначала пьют кофе, затем коньяк и после этого выкуривают сигару». Обращает на себя внимание также фиксация в словарных материалах В.М. Мокиенко новых устойчивых сочетаний с базовым компонентом **волна**, причем последовательно выделяются **четыре волны**, связанные непосредственно с разными этапами эмиграции: **“Первая волна [эмиграции]**. Нов. публ. *Массовый выезд из России после октябрьской революции и гражданской войны*”; **“Вторая волна [эмиграции]**. Нов. публ. *Массовая эмиграция из СССР (невозвращение) советских граждан, оказавшихся в Западной Европе во время второй мировой войны после ее окончания*»; **«Третья волна [эмиграции]**. Нов. публ. *Массовый выезд из СССР в 70-80-е гг.*»; **«Четвертая волна [эмиграции]**. Нов. публ. *Массовая эмиграция из СССР в период перестройки (конец 80-х-начало 90-х гг.)*» [2, с. 15-16]. В рекламном дискурсе функционируют **три волны запахов коньяка**, также последовательно описываемых автором статьи: **“Существует три “волны” запахов коньяка. Первая “волна” улавливается на расстоянии 5 см от края бокала, тона легкие, ванильные. Непосредственно у края бокала ощущаются цветочные и фруктовые ароматы - это вторая “волна” запахов. Высококачественные коньяки обладают очень тонким, но ощутимым ароматом кожи, табака, шоколада и кофе. Третья “волна” - это запахи “выдержки”. Для них характерны сложные “портвейновые” тона”(Сергей Барлас. “Правила коньяка”. Рубрика “Оцени!”, 23-29.11.07, с. 37).**

Фразеологические единицы, отмеченные в словарных материалах В.М. Мокиенко как «новые», в интерпретированном виде постоянно функционируют в газетных материалах, посвященных различным видам алкогольной продукции и, следовательно, их скрытой рекламе: **«Полученные коньячные спирты переработаны на оборудовании французской фирмы Prulo (Прюло), расположенной в провинции Коньяк. Они соответствуют самым высоким требованиям мировых стандартов коньячного производства. В новом сезоне планируется подготовить не менее 2 млн. 800 тыс. литров коньячных спиртов высочайшего качества, что позволит ОКЗ оставаться лидером коньячного рынка Украины» (Александр Серов. «Шустов» - лидер коньячного рынка Украины», Рубрика «Факт», 2-8.11.07. с. 4). Ср. у В.М. Мокиенко: «На уровне мировых стандартов. Нов. публ. одобр. О чем-либо очень качественном, соответствующем современным требованиям» [2, с. 128].**

Случаи функционирования фразеологизмов, не подвергшихся индивидуально-авторской интерпретации, то есть в их первозданном виде, в газетных материалах рассматриваемого типа единичны: **«География нашего присутствия постоянно расширяется: мы вышли на испанский рынок, планируем охват и других западных рынков - в основном это так называемое **дальнее зарубежье**. По оценкам экспертов, наш самый перспективный экспортный продукт - креативный коньяк «Алекс». Ср. в словаре В.М. Мокиенко: «**Дальнее зарубежье**. Зарубежные страны, заграница» [2, с. 33]. Однако в этой же рекламной статье функционирует и окказиональное устойчивое сочетание **ценовая шокотерапия**, возникшее на основе зафиксированного В.М. Мокиенко нового фразеологизма **шоковая терапия**: «А теперь вопрос, очень болезненный для любителей хороших напитков: не ожидает ли нас рост цен**

на отечественные коньяки? От **ценовой шоко-терапии** не выиграет никто: ни производитель, ни потребитель. Сразу уменьшатся объемы сбыта, могут возникнуть серьезные перекосы системы. Но будем надеяться, этого не произойдет» (Сергей Барлас. «Любители коньяка сделали выбор: «Таврия» покоряет новые вершины». Рубрика «Оцени!», 26.11.-1.12.07, с. 36). Ср. в словарных материалах В.М. Мокиенко: «**Шоковая терапия**. Эконом. и публ. 1. Нов. Сокращение социальных расходов, урезывание заработной платы рабочих и др. малообеспеченных слоев населения (в капиталистических странах). 2. Переор. Комплекс радикальных мер, направленных на оздоровление экономики, сопровождающийся рядом отрицательных последствий (ростом цен, инфляцией и т.д.)» [2, с. 120].

Характерной чертой современного рекламного дискурса является то, что прямая реклама водки приобретает в Украине некие величественные, прямо-таки эпохальные черты: «**Горілка “Українка” - продукт, наполненный национальным колоритом: не просто водка, а «горілка» - продукт, хранящий в себе историческое величие Украины, традиции украинского народа - его культуры и трудовых достижений**» (Сергей Антипов. “Горілка “Українка” - своя і краща”. Рубрика “Оцени!”, 1.11.07, с. 31). Газетные клише, набившие оскомину еще во времена “тоталитарного общества” и “отсутствия свободы слова”, относящиеся, разумеется, к Советскому Союзу (достаточно заменить определение *украинский* на *советский*), широко используются в рекламе сугубо национального продукта, название которого даже в русскоязычной рекламе не переводится на русский язык (*горілка “Українка”*). Особенно трогательное впечатление в водочной рекламе производит упоминание о “*трудовых достижениях*”.

В заключение хотелось бы отметить, что в конце каждой рекламной статьи, прямо или косвенно рекламирующей алкогольную продукцию, в обязательном порядке присутствует весьма недвусмысленное предупреждение: “*Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью*”. Интересно, как воспринимают это с незапамятных времен устойчивое выражение читатели газеты и успевают ли его прочесть?

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.Д. Технология бизнеса: маркетинг. - Учебное пособие. - М.: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1997. - 224 с.
 2. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. - Opole: Uniwersytet Opolski - Instytut ilologii Polskiej, 2003. - 168 с.
- Олійник І.С., Сидоренко М.М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. - Харків: Прапор, 1997. - 462 с.

М.А. Грачев, Ю.А. Еделева,
Нижний Новгород

ОСОБЕННОСТИ АРГОТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «БРАТЬ/ВЗЯТЬ»

В переломные моменты жизни общества язык подвергается серьезным изменениям. Они могут быть вызваны разными причинами: политическими, экономическими, культурными, активным заимствованием иноязычных слов в связи с появлением новых реалий и, что особенно важно, освобождением человека от стереотипов, штампов, пропагандистских установок. В настоящее время в речь современного человека проникло большое количество арготизмов - лексики криминального мира. Всё это можно проследить на примере самой яркой части арга - фразеологизмов, которые играют активную роль в написании языкового портрета современной личности, так как идиомы - это метафоричные, эмоционально-экспрессивные средства языка.

Своеобразие арготических фразеологизмов можно проиллюстрировать на примере устойчивых словосочетаний с компонентами «брать», «взять».

Лексемы «*брать* - *взять*» представляют собой видовую пару: *брать* - глагол несовершенного вида, *взять* - глагол совершенного вида. *Брать* - *взять* - значит грабить - ограбить, красть - обокрасть. Восходит к древности, где *брать* - значит воровать, реликт древнего слова, встречающегося только в арге.

В общенародных словарях лексема *брать* имеет двенадцать значений:

схватывать рукой, принимать в руки; уносить, увозить, уводить, удерживая где-нибудь при себе или у себя; получать в свое обладание, пользование, распоряжение; принимать с какой-л. целью; овладевать, захватывать; добиваться своей цели, применяя что-л.; преодолевать; взимать, взыскивать; отнимать, требовать; держаться какого-либо направления; действовать; (в сочетании с некоторыми существительными) производить действие, указанное существительным (см., например, Ожегов, Шведова 1997, 58-59). Несомненно, указанные значения лексемы *брать* повлияли на фразеологизацию данного слова в сочетании с другой лексемой. Сочетание *брать (взять) город, деревню, крепость*, например, *взять Берлин, брать Варшаву* - завладевать каким-либо административным пунктом послужило образованию следующего значения - «завладеть чем-либо преступным путём; обокрасть», см., например, обыгрывание фразеологизованного оборота в тюремной песне: «Решили мокрым рук не марать - *комиссионку* пошли мы *брать* // Я взял фомку, взял чемодан / А друг Ерёмка взял большой-большой наган».

В арге компоненты *брать-взять* обрастают огромным количеством дополнительных значений. Например: *брать*1 - арестовывать (Л. Леонов. Вор). «Меньше чем через 2 минуты подъехала группа захвата, но *брать* было некого». (ПК, 1999, № 3); *брать*2 - 1. Воровать (Пот.). 2. Грабить. «Начав с уличных грабежей, преступники освоили вооружённые налёты на магазины, они уже готовились "*брать*" одно из местных отделений Госбанка, но им помешали...» (ПК, 1999, №4); *брать*3 -. обыгрывать в карты. (Поп. 1912, Пот. 1927); *брать бишкет* - воровать продукты, подвешенные за окно. *Денег нет, жрать хочется, думаю, что надо бишкет брать. Помнишь анекдот, как Василий Иванович с Петькой бишкет брал?; взять на вздёржку* ограбить с применением обмана (Пот. 1927). и т.д.

Большую трудность представляет анализ арготических фразеологизмов с точки зрения их семантической слитности. Известно, что и в литературном языке порой не всегда легко разграничить фразеологические срращения и

единства, в аргю же эта проблема усложняется, так как происхождение многих арготизмов нуждается в специальном исследовании, так как многие компоненты неизвестны лингвисту, он встречается с необычным значением фразеологизмов.

Возможно, исключением будут фразеологизмы коммуникативного характера, т.е. афоризмы, представляющие собой воровские “мудрость” и опыт (см. примеры: *не верь, не бойся, не проси; умри ты сегодня, а я - завтра*). Однако, не зная реалий воровской жизни, часть высказываний будет нуждаться в дополнительном изучении, особенно если в них содержатся арготизмы (см. примеры: *за стукачом топор гуляет* - т.е. осведомитель всегда должен опасаться за свою жизнь; *день кантовки - месяц жизни, кантовка* - “невыход на работу в ИТУ; лёгкая работа”).

Хотя анализ может облегчиться, так как нередко при создании фразеологизмов (как и в нашем случае) используется семантический код, в котором сохраняется некий семантический образ, зная который, можно понять новое выражение, см. примеры: *спугнуть голубей* - “украсть бельё, вывешенное для просушивания”, *печь блины* - “заниматься изготовлением фальшивых асигнаций”, *маслёнок с маслятами, опёнок с опятами, курица с цыплятами, поросёнок с поросятами* - “пистолет с патронами”. В образовании подобных фразеологизмов большую роль играет аналогия.

О степени семантической слитности фразеологизмов с компонентами «брать-взять» можно судить исходя из наличия-отсутствия видовой пары. Например, фразеологизмы *брать коня, брать на бордаж, брать на горло, или взять карту для пакости, взять контроль по вене, взять на аркан медведя* скорее всего будут являться фразеологическими сращениями.

Что же касается дифференциации фразеологизмов с компонентами *брать-взять* с точки зрения грамматической природы компонентов, то можно заметить доминирование структуры «инфинитив + предлог (за, на, с) + существительное в винительном падеже», см., например: *брать за жабры, брать на бордаж, взять на аркан медведя*). Помимо только что указанной конструкции встречаются: «инфинитив + сущ. в творительном падеже» (*брать прописью*); «инфинитив + предлог + сущ. в родительном падеже» (*взять из барабана*), «инфинитив + сущ. в винительном падеже» (*взять кассу*); «инфинитив + предлог + субстантивированное прилагательное в винительном падеже с предлогом» (*брать на пустую*).

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в аргю доминируют фразеологизмы с компонентами *брать-взять*, в большинстве случаев сочетающихся с существительными в винительном падеже как с предлогом, так и без него.

В арготической фразеологии отчетливо проявляются системные лексические отношения с компонентами *брать-взять*:

1. Синонимия (*брать на понт - брать на пушку* = 1. обманывать, 2. запугивать; *взять на гивку = взять на грант* = взять за горло и ограбить; *взять на горло - взять на глотку* = воздействовать криком или нахальством).

2. Многозначность: большинство фразеологизмов имеет более одного значения, см., например: *брать на коробку* - 1. продать машинку, якобы печата-

ующую фальшивые кредитные билеты, 2. продать ящик под видом машинки для изготовления фальшивых монет; *взять в оборот* - 1. активно допрашивать, используя при этом неопровержимые доказательства, 2. допрашивать, используя при этом физическое насилие.

3. Варианты фразеологизмов, см. пример: *брать в коробку* и *брать в коробочку*.

В статье мы затронули только некоторые проблемы исследования фразеологизмов, чтобы обратить внимание на неизученность данного пласта лексики русского языка. Вместе с тем считаем, что углублённый анализ арготических идиом может пролить свет на формирование аргота, проникновение его элементов в общенародный язык и пополнение общерусской фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов, Шведова 1997 - Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-изд., доп. - М.: Азбуковник, 1997. - 944 с.
2. ПК - «Понедельник-Криминал» (Нижний Новгород).
3. Поп. 1912 Попов В.М. Словарь воровского и арестантского языка. - Киев: тв-во «Печатня» С.П. Яковлева, 1912.
4. Пот. 1927 Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (Блатная музыка). - М.: Нар. Ком. внутр. дел., 1927. -196 с.

М.В. Ермолаева,
Челябинск

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБМАНА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Анализ семантических свойств процессуальных фразеологизмов социального статуса лица показал, что гендерные компоненты отражают изменение социального статуса мужчины и женщины, определяют ценность личности в глазах социума. Лингвистическая маркированность, как правило, базируется на коммуникативных гендерных стереотипах, зафиксированных в языке. Современное социальное сознание сохраняет стереотипные представления древности о второстепенной социальной роли женщин. Им, по-прежнему, отводится подчиненная роль при мужчине, поэтому девочек с раннего возраста готовят к роли жены и матери. Анализ семантической группы процессуальных ФЕ со значением обмана подтвердил, что стереотип о хитрости и лукавстве женщин прочно закреплен в сознании носителей русского языка.

В данную семантическую группу входят фразеологизмы с квалифицирующей семой «обманывать, вводить в заблуждение кого-либо» типа *водить за нос кого-либо, играть в прятки с кем-либо, рассказывать сказки кому-либо*

и др. под.

Квалифицирующая сема ФЕ анализируемой группы «обманывать, вводить в заблуждение кого-либо».

Часто ФЕ анализируемой семантической группы функционируют в текстах, где в роли обманщицы выступает женщина, а обманутым оказывается влюбленный в нее мужчина. Женщины любят общение с мужчинами, рассматривая общение с ними как отдых, удовольствие, игру. Общение, построенное на лукавстве, обмане, неискренности, часто выступает для женщины как самоцель, как средство самореализации, самоутверждения.

Приводим примеры из нашей картотеки: *Клаудиа Шифер долгое время водила нас за нос. Знаменитый фокусник давно остался наедине со своими фокусами. А Шифер просто вышла замуж (Культура, № 15, 2002).* ФЕ *водить за нос* - «обманывать, вводить в заблуждение». *Студенты все влюблялись в нее, по очереди, или по нескольку в одно время. Она водила за нос и про любовь одного рассказывала другому и смеялась над первым, потом с первым над вторым (И.Гончаров, Обрыв).* В данных контекстах фразеологизм *водить за нос* приобретает иной оттенок значения «кокетничать, заигрывать, флиртовать».

Зинаида играла со мной как кошка с мышкой. Она то кокетничала со мной - и я волновался и таял, то она вдруг меня отталкивала (И.Тургенев, Первая любовь).

ФЕ *играть как кошка с мышкой* - «хитрить, лукавить». Ядерной становится сема «лукавить, обманывать». Наблюдения человека над повадками кошек нашли свое отражение в ФЕ с компонентом-зоонимом.

Таким образом, неискренность женщины по отношению к мужчине рассматривается, скорее, как кокетство, игра. В таких текстах ФЕ анализируемой группы приобретают иной оттенок значения «заигрывание, лукавство, желание оставаться загадкой для мужчины». Тексты, в которых во лжи уличают мужчину, обладают ярко выраженным отрицательным семантико-коннотативным содержанием. Понятия обман, ложь абсолютно несовместимы с представлениями о настоящем, достойном, порядочном мужчине. Сравним: - *Да не лги - и не верти лисьим хвостом-то, срамник! Зачем тебе понадобилось ее в церковь манить? (А.Куприн, Олеся).*

ФЕ *вертеть хвостом* перед кем - «хитрить, обманывать». Компонент - отрицательная частица *не* активно формирует негативную оценку обозначенного отношения. Фразеологизм сопровождается эмоционально-окрашенное, содержащее ярко выраженную отрицательную коннотацию, существительное *срамник*. Также форма качественной оценки человека выражается переносным значением прилагательного *лисьий*, которое в прямом своем значении обозначает принадлежность лисе, животному, признанному многими народами эталоном соответствующих качеств: лиса - «хитрец, лживый человек» (в

перен. знач.).

Но обман и неискренность в особых случаях (когда ложь во спасение) оцениваются положительно и даже приветствуются. Проиллюстрируем данное положение:

- *О, это замечательный человек, умный, расторопный, бесстрашный! Не раз и не два водил он немцев за нос, организовывал очень рискованные операции и ни разу не попадался (В.Тевекелян, Гранит не плавится).*

В данном тексте ФЕ *водить за нос* - «обманывать кого-либо». Фразеологизм приобретает иной оттенок значения «побеждать врага, используя хитрые тактические решения». Смекалка, находчивость, ум русского солдата вызывает в общественном сознании одобрение и восхищение.

Таким образом, гендерная принадлежность определяется и биологическими особенностями, и социальными факторами. Воспитание мужчин в обществе направлено на выработку мужских качеств лидера: силы, выносливости, сдержанности, чувства долга, настойчивости, честности. Девочек в большей степени социализируют на роль хранительницы домашнего очага, поэтому ей позволительно проявлять «женские» слабости - капризы, кокетство, лукавство, т.е. женщине традиционно отводится в социуме роль пассивного наблюдателя, что подтверждается нашими языковыми данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Шон. *Гендерная психология. Секреты психологии мужчины и женщины / Шон Берн.* - М.: Олма-Пресс, 2004. - С. 46.

*Н.Н. Жевлакова, Н.А. Медведева,
Курган*

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. КУРГАНА

Наименования предприятий выполняют ряд функций, среди которых важнейшими являются информативная, рекламная и эстетическая. Потенциальный потребитель должен быть сориентирован в пространстве товаров и услуг. В этом серьезно помогают наименования, прямо или косвенно указывающие на профиль предприятия: *Центральная аптека; На рыбалку; London pub; Сквер-кафе и др.* Не менее важно, чтобы название привлекало внимание потребителя, внедрилось в его сознание и заинтересовало настолько, чтобы посетить магазин, салон красоты, спорт-клуб, бар и пр. В этом случае наименование призвано выделить то или иное предприятие из ряда подобных и «зацепить» покупателя. В силу этих причин к процессу номинации многие предприниматели относятся достаточно профессионально и творчески: *Золотой лев; Долина Фараонов; Легион звука; Золотое руно, Большая ложка, Снежная королева и др.* В то же время, в последние годы наблюдается стремление имиджмейкеров и предпринимателей отвечать вкусам современных

покупателей, большинство из которых являются хорошо образованными и культурными людьми, которым хотелось бы получать интеллектуальное и эстетическое удовольствие от созерцания вывесок с названиями типа: *Музыка путешествий; Стоматолог и я; Best книга; А у нас во дворе; Четыре лапы; Шкафчик и стульчик и др.*

Исследование процесса номинации предприятий является актуальным и интересным. Накоплен достаточный фактический материал, нуждающийся в осмыслении, описании и интерпретации. При этом под предприятием понимается особый объект гражданских прав, имущественный комплекс, используемый для предпринимательской деятельности (Большой юридический словарь; 2006). Наша картотека содержит наименования предприятий торговли, бытового обслуживания, медицины, питания.

Все исследуемые наименования можно разделить по количеству входящих в него элементов (знаменательных и служебных слов, цифр, аллографов) на однокомпонентные (*Зоя; Пассаж; Метрополи; Родео; Зауралочка*) и многокомпонентные (*Русский мех; Мак энд Мак; Аптека № 100; За рулем; Астра-М и др.*)

Особый научный интерес представляет определение статуса и исследование многокомпонентных наименований, которые пришли в готовом виде из произведений литературы и искусства (*Снежная королева; Мона Лиза; А у нас во дворе*), воспроизводятся по существующей модели, что сопровождается заменой одного из компонентов (*Мир книги - белья, стекла, связи, недвижимости; Дом быта - связи, обуви и др.*).

Первым этапом изучения многокомпонентных наименований предприятий является рассмотрение структурных моделей, на основании которых они формируются. Наиболее продуктивной является модель «**существительное + прилагательное**», построенная по способу согласования. Опорным словом в таких сочетаниях оказываются имена существительные, содержащие сему пространства (*место, местечко, мир, город, городище, рай*); обозначающие место, здание, среду, в которых находится, живет и осуществляет какую-либо деятельность человек (*дом, галерея, стадион, клуб, мельница*), или предметы с локальной семантикой (*ворота, мост*): *Детский мир; Клёвое место; Махровый рай; Зауральский торговый дом; Цветочная галерея; Центральный стадион; Сибирские ворота; Свадебный мост и др.*). При этом информативную функцию выполняет один из компонентов наименования либо всё оно метонимически или аллюзивно указывает на профиль предприятия. К числу первых можно отнести: *Домашняя аптека; Срочное фото; Русское бистро; Зауральские лотереи; Сытый барин* (ресторан), *Клёвое место* (магазин рыболовных снастей); *Музыкальный арсенал* (музыкальный магазин); *Меховая радуга* (химчистка); *Инженерные системы* (ремонт водопровода); *Свадебный мост* (брачное агентство). Метонимическое наименование типа *Будущая мама* не оставляет у потребителя сомнений в предназначении товаров и услуг.

Более выразительными, на наш взгляд, являются наименования, пришедшие из произведений литературы и искусства. Наряду с информативной насыщенностью, они вызывают приятные ассоциации, в большинстве случаев свя-

занные с детством: *Золотой ключик; Золотое руно; Малахитовая шкатулка; Снежная королева; Маленький принц; Веселые ребята* и др. Следует отметить продуктивность компонентов данной модели. Наибольшее число наименований формируется следующими компонентами:

русский (Русский стандарт; Русский мех; Русская кухня; Русская парная; Русская баня; Русское бистро);

новый (Новый сезон; Новый имидж; Новые идеи; Новая аптека; Новая параллель);

мир (Электронный мир; Детский мир; Чистый мир);

сибирский (Сибирские ворота; Сибирские окна);

рай (Махровый рай; Электронный рай);

белый (Белый лес; Белый лотос);

старый (Старый город; Старая мельница).

Разновидностью данной модели считаются сочетания, состоящие из имени существительного и согласующегося с ним притяжательного местоимения:

мой (Мой уютный дом; Моя няня; ДоММой; Мой до дыр);

наш (Наш городок; Наш дом);

ваш (Ваш вариант);

твой (Твоё TV).

Использование таких местоимений создает у покупателя иллюзию того, что именно этот товар или услуга ему необходимы. Не менее распространены атрибутивные сочетания, содержащие иноязычные компоненты, оригинальные и транслитерированные: *Red Cat; Prima Vera; Santa Fe; London pub; Golden; Interstar; Сенсер-сервис; Систем сервис; Бизнес-клуб; Мега-Блин; Best книга* и др. Такие сочетания используются в основном для номинации предприятий, оказывающих услуги по продаже зарубежных товаров (компьютеров и компьютерных программ, парфюмерии), а также предприятий питания, отличающегося национальным характером.

Многие названия предприятий г. Кургана построены по модели «**существительное + существительное в родительном падеже**». Оказалось, что в качестве управляющего компонента часто выступает лексема «мир», в значении которой актуализируется сема «отдельная область жизни, явлений, предметов», которая в условиях наименования перекликается с наиболее абстрактным значением (вселенная, а также часть её, планета, земной шар, свет), что создает эффект изобилия и разнообразия товаров. *Мир кухни; Мир кожи; Мир часов; Мир книги; Мир игрушек; Мир белья; Мир связи; Мир здоровья* и др. Аналогично функционирует и лексема «планета», которая выступает синонимом предыдущему компоненту: *Планета обуви; Планета сумок; Планета красоты* и др.

Более локальное значение привносит в наименование лексема «дом», подчеркивая вид товаров или услуг: *Дом быта; Дом обуви* и др.

Управляемый компонент представлен существительными с абстрактным (связь, красота, быт), вещественным (кожа, белье, обувь) значением, которые функционируют в форме единственного числа. Существительные с конкретным значением (книга, игрушка, часы) могут использоваться в названиях как в форме единственного, так и в форме множественного числа. Названия

такого типа формируются семантикой как главного компонента, так и зависящего, которые могут прямо указывать на вид товара или услуги: *Недвижимость Зауралья; Окна мира; Вина Кубани; Мелочи жизни; Век спорта; Музыка путешествий; Легион звука; Королевство меха и др.*

Менее представлены в нашем исследовании наименования, построенные по модели сочинительных сочетаний слов с союзами **и**, **да**. Такие названия являются «говорящими», так как компоненты передают информацию о виде товаров и услуг: *Шкафчик и стульчик; Жених и невеста; Совет да любовь*. Интересна интенциональная форма слова «стоматология», использованная в названии клиники «Стоматолог и я», вызывающая эвристический эффект у клиента.

Немногочисленны наименования, построенные по модели сочетания существительного с предлогом. Наиболее продуктивным оказалось сочетание предлога «у» с антропонимом (именем, отчеством), иногда сопровождающимся приложением - лексемой со значением наименования лица по родству: *У Нины (столовая), У Валеры (автосалон), У Галины (салон красоты), У Фадеича (бар), у дяди Юры (мясной магазин), У дяди Бори (продуктовый магазин)*. Высокая степень продуктивности данной модели объясняется стремлением предпринимателей привлечь клиентов, расположить их к себе, стать «своим человеком».

В отдельную группу выделяем наименования с необычными компонентами:

- именами числительными и цифрами: *Седьмое небо; 45 регион; Золото 585°; аптека № 100; 5 звезд; Связьстрой-5; Софтраст-45; Центр недвижимости XXI век; 24 часа; Четыре лапы; Три слона; Автосалон Дзержинского 45;*
- аллографами и названиями букв алфавитов (русского, английского, греческого): *Паритет-М; Джет-М; Риск-М; Фортуна-Ж; U-Тел; Магистраль и К; Стимул W; Сит-Ти Сервис; ДатаКрат-Е;*
- названием г. Кургана: *Никс-Курган; АСП-Курган; РДМ-Курган; Аскон-Курган; Курган дизайн и др.*

В качестве наименований предприятий могут функционировать и антропонимы - имена, пришедшие из произведений литературы и искусства (*Мона Лиза; Дон Кихот*), а также имена предпринимателей (*Бортовская Светлана*). Использование своего имени в качестве названия создает иллюзию высокого качества товаров и услуг.

Аллографы, цифры и другие необычные компоненты привлекают внимание потенциальных потребителей, разрушая сложившиеся за многие десятилетия стереотипы. Уходят в прошлое наименования типа «*Мужская одежда*», «*Женская одежда*», «*Универсальный магазин*», уступая место более выразительным, передающим не только информацию, но и духовную работу по их созданию.

А.А. Зайнудинов,

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ

Представление языковой картины мира традиционно связано с определением особенностей этнолингвистических характеристик, отражающих менталитет нации, при этом собственно лингвистический аспект ограничивается рамками предметно-денотативного (дескриптивного) содержания. В то же время представляется интересным анализ эмотивно-оценочных предпочтений русского мировосприятия, закрепленных во вторичной образной семантике ФЕ.

Изучение мотивированности вторичной оценочной семантики позволяет определить специфику создания оценочной фразеологии, что, в свою очередь, помогает выявить некоторые черты «загадочной русской души» на конкретном языковом материале и сопоставить полученные данные с подобными исследованиями на материале других языков.

В центре нашего внимания находятся вопросы обусловленности возникновения вторичной оценочной семантики тематической отнесенностью компонентов ФЕ; именно внутренняя форма ФЕ, по нашему мнению, определяет эмотивную оценочность как прагматический элемент значения.

На основе мотивированности, обусловленной характером внутренней формы компонентов ФЕ, можно выделить интегральные образные семы, определяющие характер эмотивной оценочности. Эта отнесенность отражает эмотивно-оценочные культурно-мифологические представления русских, зафиксированные в словесной форме и может быть представлена в рамках ФСГ (=функционально-семантических групп).

Не вдаваясь в дискуссионность принципов выделения эмотивно-оценочной лексики и фразеологии, а также спорность лексикографических помет при их обозначении (в частности, далеко не всегда отмечается переносный характер метафорических значений), предлагается следующая классификация положительной эмотивно-оценочной русской лексики и фразеологии.

Подобная классификация ФСГ представляется в системном виде впервые, хотя отдельные наблюдения по этому поводу можно обнаружить в ряде лексикологических и фразеологических исследований, культурно-этнографических работах В. Даля, А.Н. Афанасьева, Б.А. Успенского, В.М. Мокиенко, А.С. Фаминцева, В.Н. Топорова и других (см. указание на значимость изучения этимологии ФЕ как фактографического источника: Бирих, Мокиенко, Степанова 2001, 5).

Значительную группу единиц представляют собой ФСГ, чья первичная семантика довольно прозрачно позволяет предположить возникновение вторичных положительно-оценочных значений: ФСГ **особой ценности**: *золотые россыпи* - «об обилии чего-н. ценного, хорошего», *чистый клад* - «человек, обла-

дающий большими достоинствами», *высшей пробы, золотое время, золотая голова, золотое сердце*; ФСГ **особой знатности и богатства**: *с царём в голове* - «сообразителен, смыслён, очень умён», *князь князем* - «богато, независимо (жить)», *кум королю, ума палата, рыцарь без страха и упрёка, жить барин* и др.; ФСГ **божественного**: *как у Христа за пазухой* - «очень хорошо, вольготно, без забот, без нужды и хлопот», *святое дело, святая искра*.

В ФЕ может быть отражена как фольклорная традиция (*первая ласточка* - «самый первый, за которым следуют другие. О начале дела, предприятия, которого ждали как **большую радость**» (Фелицина, Мокиенко 1990), *найти (достать) перо жар-птицы* - «о счастье, удаче»), так и культурные переосмысления (*синяя птица* - «то, что воплощает для кого-либо идеал счастья; символ счастья», *птица высокого полёта* - «о влиятельном человеке»).

Другую, не менее значительную группу представляют собой ФСГ, в единицах которых возникновение вторичной оценочной семантики не так прозрачно и ясно. К таким относятся ФСГ ЛЕ и ФЕ, связанных с семантикой **небесного, света, блеска, прозрачности, волшебства, сказочного, фантастического, полёта, сочности, вкуса, масленого, огня, цветения, мягкости материала, детского, искусства, сладости**. Естественно, что ЛЕ и ФЕ могут принадлежать к ряду групп, так как тематическая отнесённость и оценочная семантика описывают разные аспекты смысла. Противопоставление «низ - верх», соотносённое с противопоставлением «земного - небесного» обусловило положительную эмотивную оценочность ЛЕ и ФЕ, принадлежащих к ФСГ небесного: *восходящая звезда* - «человек, начинающий быстро получать признание, славу», *звезда первой величины* - «человек, прославившийся в какой-либо области знаний», *звёздный час* - «вершина, расцвет в каком-либо деле», *путеводная звезда, хватать звёзды с неба, манна небесная, небесная благодать, на небе, на седьмом небе*.

Семантика сладости, приятного вкуса также обусловлена мифологическими представлениями: *мёд* - «метафорическое название живой воды, эмблема воскресения» (Афанасьев 1994, 378). Возникают стереотипы сладости, например, *ягода малина: не жизнь (не житьё), а малина* - «об очень хорошей, привольной жизни», *люлю-малина* - «очень хороший, прекрасный, превосходный», *малиновый звон* - «приятный, красивый, мягкий по тембру звон (о звоне колоколов, бубенчиков)»

Системной характеристикой оценочной транспозиции (как лексика так и фразеологии) положительной эмотивной оценочности является выражение иронического отношения; данная закономерность абсолютна для речевого использования оценочных номинаций и факультативна для языкового (узального) использования.

Ирония может возникать в единицах, семантика которых обозначает избыток количества, при этом также положительная оценка сменяется отрицательной: *мёдом-сахарычем рассыпаться* - «Прост. Ирон. Чрезмерно лстить, угождать кому-либо», *медовые речи* - «то же, что сахарные речи», *сахар-медович* - «Ирон. О лстивом, слащавом человеке».

Присутствие оценочной семы в первичном значении в совокупности с расширением круга предметов (лиц), которые могут быть эмотивно оценены,

формируют путь преобразования номинативно-оценочной семантики в обще-оценочную: *слюнки текут* - «1. Кто-либо испытывает сильное желание съесть, попробовать или выпить что-либо вкусное. 2. у кого-либо возникло острое желание приобрести что-либо заманчивое, нужное» (СО), *пальчики оближешь* - «1. Очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие. О пище, еде и т.п. 2. Очень красив, хорош, интересен, приводит в восхищение. О ком-либо или о чём-либо.», *любо-дорого* - «Очень хорошо, превосходно; очень приятно» (ср. «Говорится с восхищением, когда видят то, на что очень приятно посмотреть, что вызывает радость» (Фелицина, Мокиенко 1990).

К подобным ФЕ, стремящимся стать междометными, можно отнести в *ажуре, без ума, на ять, на диво, разлюли-малина*, в определённой степени (по крайней мере в части расширения оценочных признаков) *земля обетованная, рай земной, на вес золота* и др.

Типичной особенностью использования эмотивно-оценочных единиц (на фразеологическом уровне, в рамках контекста высказывания) является их сенсублизация (усиление эмоционального воздействия) (Киселёва 1972, 113). Так как ФЕ представляют собой минивысказывание (по крайней мере этимологически), следует отметить случаи усиления оценочности компонента ФЕ, при этом определения опорных компонентов, чья лексическая семантика уже обладает определённой эмотивной оценочностью, естественным образом усиливают иллюкутивный эффект воздействия: *князь князем, мило-дорого, масленица масляная*. ФЕ могут создаваться на основе интенсификации признака (своего рода гиперболизация): *комар носа не подточит* - «сделано так, что не к чему придраться», *семи пядей во лбу* - «очень умный» (шире семантические признаки: «О человеке, выдающемся среди других умом, мудростью и сообразительностью» (РФ), *без сучка без задоринки* - «без каких-либо помех, без затруднений. Говорится о беспрепятственном осуществлении каких-л. дел, о безукоризненном поведении человека, о ком- или чём-л. совершенно безупречно» (Фелицина, Мокиенко 1990).

Безусловно, данный прагматический анализ роли внутренней формы ЛЕ и ФЕ в формировании эмотивно-оценочного значения не отражает всего многообразия языковой картины мира русских, тем не менее классификация соответствий, отличающаяся от традиционных тематических и фразеосемантических группировок, может быть использована для развития концепций лингвокультурологии, в лексикографической практике, в преподавании русского языка как иностранного, а также при машинном описании фонда русской лексики и фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А.Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. - М., 1994.
2. Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*.
3. Киселёва, Л.А. *Вопросы теории речевого воздействия*. - Л., 1972.
4. Ожегов, С.И. *Словарь русского языка*. - М., 1986.
5. Фелицина, В.П., Мокиенко, В.М. *Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь*. - М., 1990.

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ МИР В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие **мир** актуально для каждого человека и существует в любом языке. Немногие, однако, могут понять его содержание и вряд ли двое сделают это одинаково. Вместе с тем оно получило различные интерпретации в философских сочинениях; немало проникательных его толкований можно найти в художественных и газетно-публицистических текстах. Мировоззренческое понятие **мир** лично и социально, национально-специфично и общечеловечно. Оно живет в контекстах разных типов сознания - обыденном, художественном и научном. Ю.С. Степанов, всесторонне охарактеризовав соответствующий концепт, отметил, что «общекультурные, то есть свойственные всем культурам, представления о мире, отражены в мифологии разных народов» [Степанов 2001: 101].

В современном русском языке понятие **мир** с точки зрения семантики позиционируется двумя словами **мир-1** «вселенная, система мироздания как целое», **мир-2** «согласные отношения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры» и их производными. В данной статье мы попытаемся охарактеризовать лингвистическую представленность понятия **мир** и его роль в русской языковой картине мира на базе фразеологизированных текстов.

Существительные **мир-1** и **мир-2** принадлежат к весьма многозначным и емким словам современного русского литературного языка, хотя они отнюдь не сразу приобрели свой современный облик. По данным этимологических словарей, общеславянское слово **мир** первоначально имело значение «отсутствие (или прекращение) вражды, ссоры, войны и т.п.», «согласие», «спокойствие», «покой», «тишина» [Черных 1994: 534]. В «Словаре русского языка XI-XVII веков» [1987] уже зафиксировано два омонимичных слова: **мир-1** в значении «вселенная» и **мир-2** - «спокойствие, покой, тишина». У первого из них зафиксировано пять лексико-семантических вариантов, а именно: **миръ-1** - 1. Мир, вселенная; 2. Земля; 3. Человечество, люди; 4. Среда мирян, людей, живущих в обществе, не принадлежащих к духовенству; 5. Община (крестьянская, посадская, городская, церковная); **миръ-2** - 1. Спокойствие, покой, тишина; 2. Согласие, отсутствие разногласий; 3. Отсутствие войны, состояние мирных отношений; 4. Мирный договор; 5. Примирение сторон в тяжбе; 6. Документ, содержащий условие примирения сторон в тяжбе. В словаре И.И. Срезневского, где приводится пример из произведения русского народного творчества: «Сулят старцы старые **миру** животы долги», подчеркивается, что эти общеславянские слова были в ходу в русском народном языке и засвидетельствованы в древнерусских памятниках письменности с XI века. Рассматривая историческую динамику концепта **мир** в языковой картине мира, можно отметить, что на определенном этапе семантического развития слово **мир-1**,

включающее соответствующее понятие, обнаруживает синонимичность со словом **любы**, выражающим понятие любви. Оно включает такие коннотативные элементы, которые отражают положительное отношение к этому понятию. Омонимичное ему **мир-2**, напротив, вступает в антонимические отношения со словом **война**, приобретая значение «отсутствие войны».

Значительная часть дошедших до нас пословиц и фразеологизмов, содержащих слова **мир-1** и **мир-2** и их производных, сложилась в эпоху зарождения и развития феодализма на Руси, господства натурального феодального хозяйства, патриархального уклада жизни. И в них отразились такие социальные события и явления, как насильственное крещение в христианскую веру (*Жидовень крещеный, волк кормленый, да недруг примиренный*), соединение с ней древнейших языческих представлений (*Мир - нетленная риза. Небо - нетленная риза Господня*), сила и могущество решения, вынесенного «миром» (общиной) (*На миру и смерть красна; Мир за себя постоит; Всем миром; Мира не перетянешь* и более позднее - *Быть/оказаться отрезанным от мира*; ср. фразеологизм, содержащий характеристику человека: *Не от мира сего*), круговая порука и коллективная ответственность (*Где мир, там и мы; Где у мира рука, там моя голова*), крепостное устройство общества и противоположность классовых интересов (*Мир тонок, да долог; У мира животы и тонки, да долги; Знают и миряне, что мы не дворяне; Богатый в пиру, убогий в миру; Мир всех старше, а у миру урядчик есть; Вали на мир: мир все снесет*; ср. более современное *Сильные мира сего*), принудительная служба в армии сроком в 25 лет (*Потешь мир, поди в солдаты!*) и мн. др. Так, нашествие татаро-монгольских завоевателей обострило чувство связи с родной землей, и многочисленные патриотические пословицы и поговорки русского народа восходят к временам жестоких битв Древней Руси за независимость: *Рать стоит до мира, ложь до правды; Сосед не захочет, так и миру не будет; Кобыла с волком мирилась, да домой не возвратилась; Смирлись было, да и размирились опять; Мир заключен и подписан* и т.д.

Таким образом, в древнерусском языке понятие мира как обжитого пространства выражается словом **миръ**, и тем же словом выражается понятие согласия, покоя, отсутствия вражды, ссоры. С течением времени это уже два отдельных слова, являвшихся омонимами. Однако первичным фактом является именно совмещение двух значений в одном слове. Несмотря на то, что появившиеся семантические различия данных слов выражались и формально (в старинной русской орфографии **мир** в значении «вселенная» писалось с «и» десятиричным - **миръ**, а **мир** в значении - «согласие, отсутствие вражды» с «и» восьмиричным - **миръ**), на протяжении всего древнерусского периода оба значения постоянно смешивались и даже графически часто изображались одинаково. Их значения в ту эпоху воспринимаются более тесно связанными, чем в наши дни.

Под влиянием духовного развития носителей русского языка анализируемые слова-омонимы меняют свое содержание и обретают современные значения. Так, в «Словаре современного русского литературного языка: В 17-ти томах» [1959] отмечено 10 значений у **мир-1** и 4 значения - у **мир-2**. Однако далеко не всегда семантическое развитие слова приводит к сосуществованию

новых и старых значений. Так, шестое по порядку значение «Документ, содержащий условия примирения сторон в тяжбе», приводимое в словаре XI-XVII вв. и реализованное в поговорке «*Хорошо браниться, когда мир готов*», исчезло с течением времени вообще. Для обозначения данного понятия было заимствовано другое слово - **пакт**.

Лексемы **мир-1** и **мир-2** в современном русском языке характеризуются наличием развернутых словообразовательных гнезд. В состав производных от **мир-1** входит 35 лексем, а от **мир-2** - 92 [Тихонов, 8]. Многие из них, выстраиваясь в соответствующую цепочку представлений о жизни русского человека, образуют фразеологизированные сочетания. Так, во «Фразеологическом словаре русского языка» [Тихонов, Ломов, Ломова 2006], в «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 2005], в сборнике «Пословицы русского народа» [Даль 1984] представлены следующие: а) с **мир-1** и его дериватами - *перевернуть (переворачивать) весь мир, пойти (или ходить, идти и т.п.) по миру, пустить (пускать) по миру, уйти (уходить) или переселиться (переселяться) в лучший (или в иной, другой) мир, пир на весь мир, мир праху; мир дому сему; с миром; с миром отпустит, мировая скорбь, мирская молва - что морская волна, мирская жизнь, мир, что огород: в нем все растет; В миру, что в пиру: всего много (т.е. добра и худа); вольный свет на волю дан. В мире, что в море; в миру, что на юру (на тору); мир несудим, а мирян бьют, в мире жить - мирское (рядовое) и творить; б) с **мир-2** и его дериватами - с **миром** (иди, поезжай), **мировой** посредник, **мировой** судья, **мирное** сосуществование, *пойти на мировую, худой мир лучше доброй драки, хоть на себя попустишь (пустишь), да помирись; хоть на себя поступиться, да помириться. Грех пополам; самому идти мириться - не годится; а посла заслать - будут люди знать; ни с кем не лаялся, а заставляют мириться; на что с тем мириться, кто не умеет браниться? давай мириться: удавимся оба! мировая на пиве, с отрыжкой (т.е. ставь мина); с кумом бранюсь, на пиве мирюсь, с чужим побранюсь - винцом зальюсь; в) с **мир-1** и **мир-2** - в **мире** жить - с **миром** жить, **миру** - **мир**.**

Включенность понятия **мир** в так называемый «ментальный лексикон» [Шафиков 1999: 38] обуславливает и широкие синонимические связи анализируемых лексем в языке. В соответствующем словаре [1975] обнаружено три группы синонимов: 1. **Мир, вселенная, мироздание, космос, макрокосм**; 2. **Мир, свет, вселенная, земля, земной шар**; 3. **Мир, согласие, лад, совет**. Однако концептуальная картина мира признается более богатой, чем языковая, и синонимами в этом случае могут выступать и такие понятия, как **действительность, реальность** (объективная), **бытие, природа** и **человек**. Ментальность омонимов **мир-1** и **мир-2** и их производных обусловила наличие у них постоянных эпитетов [см.: Горбачевич, Хабло 1978], - общеязыковых и народно-поэтических, характеризующихся относительной устойчивостью связи между определяющим и определяемым, воспроизводимостью и неоднократностью употребления. И те и другие (общим количеством - 41) определяют: а) качественный характер соответствующего понятия (**мир** - *бескровный, благодотворный, всеобщий; благодетельный, блаженный; святой*), б) его продолжительность и прочность (**мир** - *вечный, временный, твердый*), в) его по-

следствия (**мир** - *выгодный, глубокий, всеобщий*), г) оценку (**мир** - *добрый, постыдный, убийственный; худой, несправедливый*).

Таким образом, во все времена понятие **мир** было одним из опорных в жизни российского общества, что подтверждает и лексикостатистика. Данные «Частотного словаря русского языка» [1977] включают омонимичные лексемы **мир-1** и **мир-2** в разряд слов самого частого первого «ранга» наряду с **время, человек, жизнь, работа, страна, земля, слово**. Именно в них с удивительно выразительной силой запечатлелась «картина мира» в представлении «обобщенного» русского человека, т.е. в наиболее полной мере отразился национально-культурный компонент языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. *Пословицы русского народа: В 2-х тт.* - М., 1984.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка.* - М., 2005.
3. Регина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. *Устойчивые словосочетания русского языка.* - М., 1983.
4. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* - М., 1987.
5. *Словарь синонимов русского языка /Под ред. А.П.Евгеньевой.* - Л., 1975.
6. *Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах.* - М.;- Л., 1950-1965.
7. *Словарь эпитетов русского литературного языка / Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* - М., 1978.
8. Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка.* - Спб., 1958. -Т. 1-3.
9. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры.* - М., 2001.
10. Тихонов А.Н. *Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. - Т. 1.* - М., 1985.
11. *Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н.Тихонов, А.Г.Ломов, Л.А.Помова.* - М., 2006.
12. *Частотный словарь русского языка /Под ред. Л.Н.Засориной.* -М., 1977.
13. Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. - М., 1994.*
14. Шафиков С.Г. *Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц.* - Уфа, 1999.

Л.Н. Ильина,
Бергамо, Италия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СУБКТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР»

В романе В. Набокова «Дар» важное место занимают процессуальные фразеологизмы. По нашим подсчетам, их количество составляет 38 % от общего числа фразеологических единиц (далее - ФЕ) в произведении. Разнообразные по своей семантике, они обозначают самый широкий круг понятий, что позволяет подразделить их на 3 семантические субкатегории: деятельности, состояния и отношения. Каждая из названных субкатегорий представлена достаточно полно.

Предметом нашего исследования является семантическая классификация процессуальных фразеологизмов с субкатегориальным значением со-

стояния (28 %). Фразеологизмы данной субкатегории подразделяются на четыре группы: 1) ФЕ, обозначающие психическое состояние; 2) ФЕ, обозначающие биологическое состояние; 3) ФЕ, обозначающие физическое состояние; 4) ФЕ, обозначающие социальное состояние (в соответствии с классификацией, предложенной Б. В. Туркиной).

В романе «Дар» нами выявлены все четыре семантические группы ФЕ субкатегории состояния, что представляется вполне закономерным, поскольку одной из основных тем произведения является тема творчества. Если быть более точными, тема природы литературного творчества. Для Набокова подлинной действительностью выступает действительность литературы [Анастасьев, 26]. По словам Н. Анастасьева, писателю удалось сделать то, что пытался сделать многие, но удалось далеко не каждому: реконструировать самый процесс творчества. «В «Даре» видим и осязаем, как в сознании героя первые смутные наброски стихотворения обретают твердую завершенность поэтической формы» [Анастасьев, 26]. В описании этого творческого процесса активно участвуют фразеологизмы, обозначающие самые разнообразные состояния.

К первой группе относятся ФЕ, обозначающие различные психические состояния. По нашим данным, в ее состав входит 84 ФЕ (114 употреблений в тексте). Внутри исследуемой группы выделяются четыре подгруппы: 1) ФЕ, обозначающие проявления чувств, настроений: **пробежать по душе, сердце трепещет, волоски на душе становятся дыбом, обливаться слезами, испытывать наслаждение** и др. 2) ФЕ со значением мышления и воображения субъекта-лица: **предаваться реминисценциям, представлять себе, создавать образ, влечься в память, мысль приходит**. 3) ФЕ, выражающие способности живого существа: **сохранить талант, сохранить честь, стоять на земле, принять гнет**. 4) ФЕ, обозначающих волевое усилие человека: **взять себя в руки, делать усилия**.

Вторая группа включает ФЕ, обозначающие биологическое состояние (28 ФЕ). В соответствии с семантикой фразеологизмов исследуемой группы мы выявили шесть подгрупп: 1) ФЕ, обозначающие состояние умирания: **падать мертвым, соскользнуть в другое измерение, покидать чрево жизни, скоропостижно скончаться**. 2) ФЕ, обозначающие состояние усталости, бессилия, голода: **упасть без чувств, кружится голова, переводить/перевести дух, класть зубы на полку**. 3) ФЕ, обозначающее общее состояние здоровья: **впасть в состояние, попасть в постель, прийти/приходить в себя**. 4) ФЕ, обозначающие физиологическое состояние сна: **спать каким-л. сном, окунуться в сон, погружаться в бездну, выводить из дремоты**. 5) ФЕ, обозначающие деятельность мозга: **сходить/сойти с ума, сводить с ума**. 6) ФЕ, обозначающие возрастные изменения: **жизнь прожить, выходить/выйти из отрочества**.

Третью группу составляют фразеологизмы, обозначающие физическое состояние, они делятся на три подгруппы:

- 1) ФЕ, обозначающие физическое состояние субъекта-предмета;
- 2) ФЕ, обозначающие физическое состояние субъекта-лица;
- 3) ФЕ, обозначающие физическое состояние объекта-предмета.

По нашим данным, первая подгруппа фразеологизмов включает 70 ФЕ в 90 употреблениях. Эта самая многочисленная подгруппа среди всех фразео-

логизмов состояния. В роли субъекта у данных фразеологизмов преимущественно выступает отвлеченное существительное, которое обозначает различные понятия прежде всего в области литературы и науки, а также физические и психические процессы и явления, например: Чопорность его (Годунова-Чердынцева - Л.И.) мужских рифм превосходно оттеняет вольные наряды женских; его ямб, пользуясь всеми тонкостями ритмического отступничества, ни в чем однако **не изменяет себе**. (Набоков 1, 36)...Эпитеты, жадно употребляемые молодыми поэтами его (Яшиного - Л.И.) поколения, обманутыми тем, что архаизмы, прозаизмы или просто обедневшие некогда слова вроде "роза", совершив полный круг жизни, **получали** теперь в стихах как бы неожиданную **свежесть**, возвращаясь с другой стороны... (Набоков 1, 53). О чудо! сравнительный метод всегда **давал** нужный **результат** (Набоков 2, 20). Неправильно было бы сказать, что эта **страсть** заполняла ее всю; нет, она еще далеко **перелетала через** душевный **предел** Александры Яковлевны... (Набоков 1, 49).

В два раза меньше число фразеологизмов, имеющих в качестве субъекта-предмета конкретное существительное: Ну, написал, ну, **вышла в свет**, - **выходили в свет** и не такие книги (Набоков 2, 149). Дальше становилось совсем хорошо: сосны **входили в полную силу**, и между розоватыми чешуйчатыми стволами низкая перистая листва рябин и крепкая зелень дубов оживленно дрожали полосоватость борового солнца (Набоков 2, 197).

Вторую подгруппу составляют ФЕ, обозначающие физическое состояние субъекта-лица: **видеть воочию**, **принять диету**, **иметь вид**, **потерять власть над чем-л.** и др. Эта подгруппа немногочисленна, она объединяет только 12 ФЕ.

Третья подгруппа включает две ФЕ, обозначающие физическое состояние объекта, выраженного неодушевленным существительным. Это бессубъектные процессуальные фразеологизмы со структурой безличных предложений: ...У природы **двоилось в глазах**, когда она создавала нас... (Набоков 2, 216). "Каким это **новым духом повеяло**, желал бы я знать, - говорил генерал Зубатов, - только лакеи стали грубить, а то все осталось по-старому" (Набоков 2, 60).

В четвертую группу входят фразеологизмы, обозначающие социальное состояние. Это самая малочисленная группа среди всех фразеологизмов состояния в романе «Дар». По нашим данным, в ее состав входит 24 ФЕ. В соответствии со своей семантикой они делятся на три подгруппы: 1) ФЕ, обозначающие социальную оценку субъекта-лица: **потерять человеческий облик**, **держаться за юбку**, **остановиться на краю пропасти**, **ронять достоинство** и др. 2) ФЕ, обозначающие положение человека в обществе по должности, социальной значимости: **не иметь успеха**, **снимается ответственность**, **быть в положении** кого и т.д. 3) ФЕ, обозначающие семейное положение: **быть добрым сыном**, **иметь другого мужа**, **оставаться сиротой**.

Таким образом, процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния в романе В. Набокова «Дар» семантически разнообразны и играют большую роль в раскрытии основной темы произведения. По своей семантической структуре они делятся на четыре группы, которые в свою очередь подразделяются на семантические подгруппы. Подавляющее большинство исследуемых фра-

зеологизмов обозначают физическое состояние субъекта-предмета и проявление разнообразных чувств, настроений субъекта-лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасьев Н.А. Башня и вокруг: (Взгляд на Набокова): Вступ. ст.// Набоков В.В. Машенька; Камера obscura; Лолита. - Ростов н /Д, 1990.
2. Набоков В.В. Дар: Роман: В 2 кн. Кн. 1. - М.: Фолио, 2001. - 303 с.
3. Набоков В.В. Дар: Роман: В 2 кн. Кн. 2. - М.: Фолио, 2001. - 256 с.
4. Туркина Б.В. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния в современном русском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Тюмень, 2002. - 24 с.

В.И. Кабыш,
Курган

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ БРАТЬ/ВЗЯТЬ

Под фразеологическими конверсивами мы понимаем пару фразеологических единиц, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в обращенных высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию.

В работах лингвистов [Апресян 1974: 268-273], [Новиков 1982: 219-220] представлены семантические виды лексических конверсивов («Состав», «Преобразование», «Наличие, владение», «Приобретение, накопление», «Утрата, расходование», «Проявление (наличного) свойства», «Неконтролируемое движение», «Обозначение», «Относительное положение двух тел на линии, в пространстве или времени (в прямом и переносном значениях)», «Покрытие (поверхности) предмета», «Снятие (прекращение покрытого состояния)» и др.).

В соответствии с природой конверсии фразеологические конверсивы выражают обычно связь, соотношение, соположение, взаимозависимость, взаимодействие соответствующих предметов (явлений) действительности. Процессуальные фразеологизмы с компонентами брать/взять, вступающие в конверсивные отношения, могут выражать следующую семантику:

1. «Владение, принадлежность» (*Иван берет/взял в жены Марию - Мария берет/взяла в мужья Ивана*). Например:

Эта редкая девушка отличалась безмерным спокойствием и молчаливостью, за что Лева и взял ее в жены. Л. Петрушевская. Рассказы.

Отчего не взяли себе в мужья кого-нибудь другого, а не этого пигмея, грязшего в долгах и безделье? А. Чехов. Безотцовщина.

При этом групповую сему формируют компоненты-глаголы, имевшие в свободном употреблении значения: брать - «принимать, получать», давать - «вручать, снабжать, доставлять».

2. «Приобретение, накопление - утрата, расходование». Данную группу образуют процессуальные фразеологизмы, входящие в семантические группы: А) товарно-денежных отношений (*Чиновник берет взятки с посетителей -*

Посетители дают взятки чиновнику); Б) отношения обладания (*Именинник берет дар гостя - Гость дает дар имениннику*); В) финансовой деятельности (*Мальчик взял напрокат велосипед у друга - Друг дал напрокат велосипед мальчику*); Г) мыслительно-речевой деятельности; Д) социального состояния (*Военный взял отставку у начальства - Начальство дало отставку военному*). Например:

По субботам надо расчет давать рабочим, а платить-то не хочется, знаете ли, денег жалко. А. Чехов. *Печенег*.

Расчет возьму, думает, пойду к матушке, скажу - на дороге наймусь. Л. Толстой. *Идиллия*.

При этом фразеологизмы финансовой деятельности, мыслительно-речевой деятельности, социального состояния, вступаая в конверсивные отношения, утрачивают свои субкатегориальные и групповые семы и приобретают новые - выражают товарно-денежные отношения и отношения обладания. Это происходит потому, что при фразеологизмах обязательно употребляются имена, обозначающие субъект и объект отношений.

Например, процессуальный фразеологизм мыслительно-речевой деятельности *брать/взять на память* - «хранить что-либо, чтобы не забывать о ком/чем-либо» (*Солдат берет/взял на память о друге кисет*) вступает в конверсивные отношения только при наличии двух актантов, обладающих способностью обмениваться ролями: *Солдат берет на память кисет у друга - Друг дает на память кисет солдату*. При этом преобразуется семантика единицы - это фразеологизм отношения обладания.

Групповую сему «приобретение, накопление» формирует компонент-глагол *брать*, имевший в свободном употреблении значение «получать в собственности», сему «утрата, расходование» формирует компонент-глагол *давать*, имевший в свободном употреблении значение «лишиться чего-л. с какой-л. целью».

3. «Информационные процессы». В эту группу входят единицы мыслительно-речевой деятельности (*Больной берет/взял установку психотерапевта - Психотерапевт дает установку больному*). Например:

Не надо брать такую неверную установку. Говори: «Все у меня получится». Г. Куликова. *Повести*.

Она дала себе установку, что больше никогда так не поступит, и вообще научится вести себя по-другому. Г. Куликова. *Повести*.

Сему формирует именно компонент, обозначающий в свободном употреблении мыслительные качества, процессы.

4. «Разнонаправленные вербально-коммуникативные процессы». В этой группе представлены фразеологизмы с семантикой: А) вербально-коммуникативных отношений (*Зритель берет автограф у актера - Актер дает автограф зрителю*); Б) профессиональной деятельности (*Студент берет нужную информацию у профессора - Профессор дает нужную информацию студенту*). Например:

А она мечтает как о задушевнейшем деле, чтоб всю информацию можно было брать, как белье из шкафа: в загранфильмах не на шмотки и автомобили она облизывалась, а на дисплеи. А. Мелихов. *Горбатые атланты, или Но-*

вый *Дон Кишот*.

Информацию по этому вопросу вас могут дать в любом отделе связи. *Комсомольская правда, 2006.*

Сему формируют именные компоненты-существительные, обозначающие речевую коммуникацию (слово, клятва, интервью).

5. «Передача». Данная группа представлена единицами: А) конкретной физической деятельности (*Клиент берет адрес мастера - Мастер дает адрес клиенту*); Б) профессиональной деятельности (*Портной берет заказ у клиента - Клиент дает заказ мастеру*). Например:

Сегодня у меня *кровь* еще *не брали*. *Л. Петрушевская. Рассказы.*

- Вы спросите у новенького, может быть он согласится *дать* свою *кровь* для нашего эксперимента. *И. Бахман. Рассказы.*

Единицы физической и профессиональной деятельности преобразовывают свою семантику. Фразеологические единицы субкатегории деятельности, употребляясь в контексте с субъектом и объектом, которые активно участвуют в процессе, приобретают другую субкатегориальную сему - отношение.

Групповую сему формируют глагол *брать*, имевший в свободном употреблении значение «принимать, получать», и глагол *давать*, имевший в свободном употреблении значение «вручать, предоставлять».

Таким образом, исследуемые фразеологические конверсивы представлены пятью семантическими типами: «Владение, принадлежность», «Приобретение, накопление - утрата, расходование», «Информационные процессы», «Разнонаправленные вербально-коммуникативные процессы», «Передача». Семантику групп формируют как глагольные, так и именные компоненты. Процессуальные фразеологизмы, вступая в конверсивные отношения, могут изменять свою субкатегориальную и групповую семантику. Это связано с наличием в контексте субъекта и объекта отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика: синонимические средства языка.* - М., 1974.
2. Новиков Л.А. *Семантика русского языка.* - М.: Высшая школа, 1982.

**И.Г. Казачук,
Челябинск**

НУЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОБЪЕКТНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Понятие нулевого знака уже давно получило распространение в разных разделах языкознания. В синтаксисе для обозначения отсутствия определенных элементов в контексте используются такие термины, как нулевые средства контекста, нулевое сильное управление, нулевая форма словосочетания, имплицитная синтагма и др. (О.С.Ахманова, Б.И.Фоминых, А.В.Исаченко, И.С.Ильинская, Б.М.Лейкина).

Говорить о нулевом компоненте конструкции можно в том случае, если

есть возможность включить его в систему эксплицитных (ненулевых) знаков и в оппозиции к ним определить его грамматическое содержание.

Нулевые позиции, позиции незамещенного объекта, в ряде случаев имеют место при объектных процессуальных фразеологизмах, обладающих сильным управлением. - Ср.: *Царь Петр связан переговорами о мире - он не выступит, пока турки не развяжут ему рук (А.Толстой)... если Самойлов скорбел об уходе гениев - отчасти и потому скорбел, что уход развязал руки: «Нету их, И все разрешено», - то возвращение их или других из небытия и запрета одергивает, острожает, стыдит (Ст.Рассадин).*

Абсолютивное употребление объектных процессуальных фразеологизмов, т.е. употребление без управляемого члена, возможно при определенных условиях.

Обычно нулевой объект наблюдается в условиях речевой ситуации, когда нет необходимости указывать на ее известного участника. Форма отсутствующего объекта в репликах диалогической речи связана с первым или вторым лицом: - *Этот Олег моим женихом был. - И предложение делал? (Р.Погодин).* - *И ты тоже, баловница,- сказал старик дочери: «Поедем, папочка, в Москву!» - уши прожужжала (Н.Успенский).* Структурно объекты **тебе, мне** отсутствуют, но фразеологизмы при этом остаются объектными. По этому поводу В.С.Попова замечает, что речь, построенная на обращении друг к другу, пояснять конструкцией адресата речи нет необходимости, хотя каждый раз ее можно было бы ввести в текст.

Недостающий член конструкции может присутствовать в предыдущем контексте. Т.о., причина отсутствия управляемого субстантива не в семантико-грамматических свойствах фразеологизма, а в особых контекстных условиях. *И, увы, принципиальной разницы между случаем Шелковникова... и грабежом государства под маской законности нет. Во всяком случае, очень трудно провести грань (Известия).*

На наличие/отсутствие управляемой формы влияет структура и состав предложения. Объект может быть указан в одной части сложного предложения, а в другой, контекстуально неполной, становится нулевым: *Прибился к нам клуб любителей бега - тоже взяли под крыло (Рос.газета).* *В тот же день С.С.Каменев направил командованию Юго-Западного фронта директиву, которой ставил в известность о переходе Западного фронта в решительное наступление на Варшаву (В.Иванов).* В структуре простого предложения с однородными сказуемыми, управляющими, как правило, одинаковыми формами, объект указывается только при одном из них: *Хотим завод спасти. А спасти его можно, по нашему разумению, только ежели мы сумеем побить ценой тех, кто нас в трубу хочет выпустить, по миру пустить, последний кусок отнять (Е.Пермяк).* *Не лучше ли заранее такого ненадежного работника уволить, сбить с рук (С.Залыгин).*

Нулевым может быть объект при процессуальных фразеологизмах в причастной или деепричастной форме в составе обособленных конструкций: *Во время соревнований его (Багача - И.К.) будто подменили. Теперь, когда мы знаем причину, становится ясно, что допинг сыграл с ним злую шутку, окончательно выбив из колеи (Сов.спорт).*

Часто отсутствует объект в заголовках газетных и журнальных статей: **Не водите, братцы, за нос** (Сов.спорт). **Фирмачи с руками оторвут** (Комс.п-равда). **Приговор вынесет история** (Правда).

В приведенных примерах сильноуправляющие процессуальные фразеологизмы употреблены без материально выраженных объектов, так как они легко восполняются из контекста.

В ряде случаев отсутствие объекта нельзя объяснить названными выше причинами. Абсолютивно может употребляться объектный процессуальный фразеологизм, если действие констатируется как факт безотносительно объекта, как занятие вообще, как свойство субъекта: **С утра до вечера он в движении: ездит по влиятельным знакомым, советуется, шушукается, подставляет ножки и всячески оберегает свою карьеру от случайности** (М.Салтыков-Щедрин). **Оказываются, и забытые сны до крови бередят душу** (В.Шугаев). **Человеческое слово. И нет ничего дороже его. Нет ничего сильнее его. Город возьмет. Врага остановит. Сердце полонит. Мертвого воскресит. Живого умертвит. На путь наставит, с пути собьет** (Е.Пермяк).

У инфинитивных форм фразеологизмов в функции определения или части составного сказуемого ослабляется процессуальное значение, что выражается в первую очередь в возможности их употребления без обязательно-го объекта: **А вот наш Семен Семеныч так неисправим, - сказал Судьбинский, - только мастер пыль в глаза пускать** (И.Гончаров). **Ниночка - девушка чрезвычайно порядочная, исполненная дружелюбия и желания протянуть руку помощи, и сокурсники ценят ее за это** (В.Смирнов).

Отсутствие управляемой формы может объясняться изменением значения фразеологизма: семантический элемент отношения отодвигается на второй план, на первый выходит семантический элемент свойства. Фразеологизм развивает абсолютное значение. Сема направленности не эксплицируется, так как этого не требует значение единицы, которая становится только потенциально объектной.

*Е.Б. Коваленко,
Омск*

СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальная терминология, возникая за пределами общелитературного языка, взаимодействует с ним и является одним из источников его развития. Процесс образования новых языковых единиц (слов и фразеологизмов) на основе терминов является очень активным в наше время. Этому способствуют изменения в разных сферах жизни общества, влияющие на бытовую сторо-

ну жизни человека. Когда за пределами своего терминологического поля термин утрачивает узкоспециальное значение, это приводит к образованию новой языковой единицы - фразеологизма - с качественно иным значением. Фразеологизмы терминологического происхождения «являются общепотребительными, используются в качественно другом контексте» [Чепасова 2006:126].

Терминологические словосочетания разных областей научного и специального знания проявляют различную степень фразеобразовательной активности. Очень продуктивными в английском фразеобразовании являются спортивные термины.

Активное употребление фразеологических единиц спортивного происхождения в Великобритании, США и других англоговорящих странах связано с большой популярностью спортивных состязаний. В 19 веке Великобритании стала родоначальницей многих видов спорта, которые распространились затем по всему миру: крикет, футбол, регби, теннис, бадминтон. Первые правила для бокса, гольфа, хоккея и скачек также были составлены в Великобритании. Как в спорте, так и в жизни, англичане ценят уважение к правилам и противникам, честность, умение достойно проигрывать и выигрывать. В 20 веке США популяризировали зародившиеся на их территории виды спорта: бейсбол, волейбол, баскетбол, американский футбол и др.

Широкое распространение в современном английском языке фразеологизмов спортивного происхождения делает изучение этого пласта фразеологии чрезвычайно важным.

Нами было выделено 130 английских фразеологических единиц, источниками которых являются термины следующих видов спорта: бейсбол - 25 ФЕ, скачки и легкая атлетика - 44 ФЕ, бокс и борьба - 20 ФЕ, футбол - 9 ФЕ, крикет 8 ФЕ, гольф - 5 ФЕ, бильярд - 2 ФЕ, теннис - 2 ФЕ, боулинг - 3 ФЕ, серфинг - 2 ФЕ, стрельба - 2 ФЕ, также по 1 фразеологизму - шахматы, перетягивание каната, коррида, 5 ФЕ, образованных от общеспортивных терминов.

Наибольшее число фразеологических единиц образовано из терминов конного спорта, бейсбола и бокса.

Фразеологические единицы конного спорта могут быть разделены на: 1. фразеологические единицы собственно самого конного спорта: *the last lap* - «конечная стадия чего-л.» (*the last lap* - последний круг в забеге); *a preliminary canter* - «предварительный набросок, репетиция, вступление к чему-л.» (*a preliminary canter* - разминка лошади перед заездом); *neck and neck* - «одинаково, в равном положении, не отставая» (*neck and neck* - голова в голову (о лошади)).

2. фразеологические единицы, употребляемые людьми, делающими ставки на бегах: *across the board 1* - «одинаково для всех, в равной пропорции для всех» *across the board 2* - «распространяющийся на всех» (*across the board* - равномерно (когда на одну лошадь ставились 3 равные ставки на тот случай, если она придет первой, второй или третьей.); *long odds* - «малая вероятность (чего-л.), незначительные шансы (на что-л.)» (*long odds* - неравные ставки); *hedge one's bets* - «страховаться, ограждать себя от возможных потерь» (*hedge one's bets* - делать двойные ставки (когда букмекеры принимают большую

ставку, они защищают себя от больших потерь, делая ставки у других букмекеров.)

Фразеологические единицы, образованные от бейсбольных терминов, являются американизмами, их подавляющее большинство ярко эмоционально окрашены. Бейсбол - самый популярный вид спорта в США и немногих других неанглоязычных странах (Куба, Япония, Южная Корея и др.). В Великобритании, Ирландии и других англоязычных странах бейсбол мало популярен и бейсбольная фразеология широкого распространения не получила. В предисловии к «The New Dickson Baseball Dictionary» Пол Диксон пишет: «Влияние бейсбола на американский английский удивительно сильное. Никакой другой спорт не сделал такого большого вклада в язык, как бейсбол. Бейсбольные термины стали употребляться и развили качественно иное значение за пределами бейсбола и сейчас употребляются людьми, которые не знакомы с бейсбольными правилами. Многие бейсбольные термины глубоко вошли в американскую психологию и распространились в другие диалекты английского, например канадский английский» [Dickson 1999: 6]. Приведем примеры фразеологических единиц, образованных от бейсбольных терминов: *get to first base* - «добиться первого успеха, сделать первые шаги в каком-л. деле» (*get to first base* - достичь первой базы: в бейсболе игрок должен ударить по мячу и затем оббежать вокруг четырех углов поля, или баз, чтобы принести команде очко); *come (go) to bat* - «столкнуться с трудной задачей, с тяжелым испытанием» (*come (go) to bat* - отбивать мяч); *throw smb. a curve ball* - удивить кого-л., показать себя с неожиданной стороны (*throw a curve ball* - бросить крученный мяч) и др.

Бокс, как и конный спорт, имеет глубокие исторические традиции в Великобритании и до сих пор является одним из самых популярных видов спорта во многих странах мира. Приведем иллюстративный материал: *hit below the belt* - «использовать нечестные средства для достижения успеха» (*hit below the belt* - наносить запрещенный удар ниже пояса); *be out for the count (take the count)* - «потерпеть поражение» (*be out for the count* - быть нокаутированным, не подняться после десяти секунд); *chuck up (throw up) the sponge (towel)* - «сдаться, признать себя побежденным» (*chuck up (throw up) the sponge (towel)* - выбросить полотенце: тренер боксера бросает полотенце или губку на ринг как сигнал признания поражения).

Роль спортивных игр и соревнований в Великобритании и США обусловлена как культурно-историческими, так и социально-экономическими факторами. Так, в настоящее время охват массовым спортом населения в США составляет около 38%, практически каждая школа, колледж, университет имеют свои команды по американскому футболу, бейсболу, баскетболу или волейболу. Регулярные соревнования, проводящиеся между ними, с детства воспитывают дух соревновательности, конкуренции. Спортивные достижения учащихся могут учитываться даже при поступлении в колледж. Спорт учит воспринимать жизнь как соревнование. Данная черта национального менталитета закрепляется в языке: 61 фразеологическая единица спортивного происхождения содержит сему «успех» / «не успех». Например: *hold the belt* - «первенствовать, выдвинуться» (*hold the belt* - спорт - стать чемпионом); *have two*

strikes against one - «оказаться в затруднительном, тяжелом положении» (*have two strikes against one* - бейсбол - сделать два промаха (по правилам бейсбола после третьего промаха отбивающий мяч удаляется); *bowl smb middle stump* - «одержать полную победу над кем-л.» (*bowl smb middle stump* - крикет - забить мяч в среднюю калитку).

Данные языковые факты подтверждают мнение В.Н. Телия о том, что «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. В языке закрепляется и фразеологизируется именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия, 1996, 215-233].

Отметим для сравнения, что популярность спорта в России несравнимо ниже: охват населения массовым спортом в настоящее время составляет 7-8%, нет и столь давних спортивных традиций. В настоящее время начал развиваться детский и юношеский спорт, наибольшей популярностью пользуются хоккей, футбол, фигурное катание, теннис. В России не получили широкого распространения бейсбол, регби, скачки, бокс.

В заключение отметим, что фразеология, возникая на базе спортивной терминологии в английском языке, является малоизученной. Приобретая качественно новую информативную значимость, образность, фразеологизмы изменили сферу своего употребления (спортивный дискурс, участники которого спортсмены, люди, профессионально связанные со спортом, спортивные журналисты, болельщики и др.) и в настоящее время активно используются в общественно-политическом дискурсе и в широком языковом обиходе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. - М., 1996
 - 2.Челасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск, 2006.
- Словари:**
- 1.Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний (*Collins Cobuild Dictionary of Idioms*). - М., Астрель-АСТ, 2004.
 - 2.Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. - М., Живой язык, 2005.
 - 3.Paul Dickson. *The New Dickson Baseball Dictionary*. - Harcourt, 1999.

**Е.Н. Кочанова,
Ликино-Дулево**

СЕМАНТИЗАЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

По мнению О.Г. Винокура, «Мастер... языкового употребления не только хорошо знает нормы языка, но и сам на них влияет и сам их создает» [Винокур, 1967, С. 11]. Это высказывание в полной мере относится к творчеству выдающегося поэта начала XX века М.И. Цветаевой. Слово в цветаевском тексте «живет», наполняясь новыми смыслами, обусловленными ее поэтическим мировосприятием. М. Цветаева, безусловно, является поэтом-экспериментатором в области стиха и, как следствие, в области словопроизводства.

Окказионализмы в поэзии М. Цветаевой представляют собой соединение известного языку смысла с неизвестными звуковыми комплексами, они интересны своей «семантической прозрачностью» [Ревзина, 1996, С. 307], незамысловатостью смысла недавно созданного слова, ясностью внутренней формы. Кроме того, в поэтической речи окказионализм становится экспрессивной - специально созданным средством художественной выразительности [Винокур, 1967, С. 13].

Нельзя сказать, что М. Цветаева злоупотребляет таким способом выражения, как введение в текст окказионализмов, но, вместе с тем, окказионализмы Цветаевой настолько естественны, что порой кажутся диалектными выражениями, они не только не оторваны от стихии русского языка, но имеют в большинстве случаев выраженный народный, фольклорный характер. Благодаря этому окказионализмы органично вплетены в поэтическую речь и образную систему произведений, обладают экспрессивным зарядом, позволяют увеличить смысловую емкость при сохранении афористической лаконичности фраз: *Ты, срывающая покров // С катафалков и колыбелей, // Разъярительница ветров, // Насыпательница метелей...*

Одни окказионализмы созданы М. Цветаевой по активным в живой разговорной речи типам словообразования, которые привносят в поэтическую речь тональность камерности, непринужденности. Сюда относятся окказионализмы, образованные по образцу общеупотребительных слов. Все они объединены одной характерной чертой: Цветаева никогда не использовала для их образования только модель существующего слова; шаблон не создает у нее совершенно нового значения, он лишь позволяет совместить значения двух слов, расширяя их смысл. Это свидетельствует этимологической интуиции, позволяющей поэту видеть родство давно разошедшихся в языке понятий. Она использует их в зависимости от требований контекста: то для расширения смысла, то для создания новых оттенков экспрессивности. Так, окказионализм *богоотвод* (по аналогии со словом *громоотвод*): *От Гефеста - со всем, что в оном - // Дом, а яхту - от Посейдона. // Оцените и мысль и жест: // Застрахованность от божеств! // ...Еще плачете без подмоги! // Дурни, спрашивается, боги, // Раз над каждым - язык неймет! - // Каждым домом - богоотвод.* Здесь связь окказионализма с его моделью самая непосредственная: каждый громоотвод, отводящий молнии Зевса, - и есть тот самый «богоотвод» и т.п.

Другая группа окказионализмов образована по высокопродуктивным в современной поэзии типам, придает тексту оттенок книжности, подчас внешнюю красоту. Ярким примером такого явления можно считать поэму «Переулочки» (1928), где встречаются подобные новообразования в виде

форм женских имен и отчеств, образованных от существительных *знобь, туман, лихоманка, высь, ястреб, радуга, яхонт* и др.: *Разрумяниста моя // Знобь-Тумановна! // Лихоманочка моя // Лихомановна! // Высь-Ястребовна, // Зыбь-Радуговна, // Глыбь-Яхонтовна, // Синь-Савановна*. Окказионализмы, созданные подобными способами, - необъятный резерв экспрессивности. Эта экспрессивность - в их незаданности и неожиданности, в эффекте рождения из ткани текста сложного художественного образа: *Солнцепричастная, больше не щурюсь. // Дух: не дышу уж!* («Поэма Воздуха», 1927).

Цветаева ведала родство звуков природы и слова, что иллюстрирует паронимическая аттракция в ее поэзии, то есть распространение фонетических подобий на семантику слов. Следовательно, с одной стороны паронимическая аттракция сближается с поэтической этимологией, т.к. присутствуют элементы переосмысления, с другой стороны с - аллитерацией, т.е. чисто звуковыми повторами, звукописью.

Как справедливо полагал Григорьев В.П., «различия здесь часто почти неуловимы от субъективных моментов восприятия» [Григорьев, 1979, с.225]. Действительно, в поэзии М.И. Цветаевой мы видим переходы от чисто звукового подобия к подобию морфологическому и смысловому, к тому же, они настолько плавные, что слова как бы перетекают друг в друга, превращая одно в другое: *Все древности, кроме: дай и мой, // Все ревности, кроме той земной, // Все верности, - но и в смертный бой // Неверующим Фомой*. Поэтому для поэтического языка М. Цветаевой характерно обилие паронимических сближений квазимонимов и квазиомографов - слов, различающихся единственным звуком: *Русь кулашная - калашная - кумашная!... Здесь меж вами: домами, деньгами, дымами, дамами, думами... Под твоим перстом - // Что господень хлеб, // Перемалываюсь, переламываюсь... и т. п.*

Все указанные выше примеры относятся к паронимической аттракции, следовательно, к родству звуков, т.е. к звуковой природе слов. Что же касается самих слов, то в поэзии Цветаевой наблюдается и такое явление, как скорнение, корневой повтор, т.е. сближение однокоренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе. Из ряда различных повторов корневой повтор выделяется тем, что обнаруживает и актуализирует самое существенное в слове - его корень. Поэтому корневой повтор - это и средство анализа слова, и средство познания вещей в процессе их названия: *Слезы лить! Как сладко - вылиться // Горю - ливнем проливным!...*

Характерным примером является стихотворение «Так вслушиваются...» (1923): *«Так вчувствуются в кровь // Так влюбляются в любовь: // Впадываются в пропасть. // Так вглатываются в глоток: // Так вшептываются в шепот. // Вмалчиваются в тихость...»*. Здесь видна типизация действия, мотивированность его названия однокоренным с глаголом существительным как основание для словообразовательной модели. Показательно, что переход от узуальных глаголов к окказиональным практически не заметен в контексте стихотворения, настолько окказионализмы подготовлены и мотивированы продуктивной словообразовательной моделью. Такие тавтологические сочетания у М.Цветаевой выполняют функцию типизации и усиления. Типизация и усиление, представленные корневым повтором, являются одной из характерных черт

стилистики поэта. Тем самым корневой повтор - один из важнейших поэтических приемов в идиостиле М. Цветаевой - явление многофункциональное.

Таким образом, явления, связанные с различными видами семантизации формальных элементов языка - корневым повтором, поэтической этимологией, паронимической аттракцией, - отражают одно из важнейших свойств языка поэзии - реализацию словообразовательных возможностей языковой системы, и наглядно показывают динамический характер языковых элементов на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях. Динамика языковых элементов нашла такое активное отражение в поэзии М. Цветаевой не случайно: одним из важнейших свойств ее произведений является динамичность и изменчивость. Изменчивость как одна из важнейших категорий поэтики М. Цветаевой и как отражение языкового развития тесно связана со способностью языковой единицы размещать в себе различные значения и развивать каждое из значений в разных направлениях.

Такая чуткость не могла не являть на свет новых слов, метких, емких, органичных: *Струенье... Сквоженье... // Сквозь трепетов мелкую вязь - // Свет, смерти блаженнее, // И - обрывается связь.*

Можно говорить о том, что окказионализмы в поэзии М. Цветаевой являются важной частью ее языкового эксперимента. Частотность использования новообразований в текстах М.И. Цветаевой усиливает общий экспрессивный фон ее творчества, придает языку оригинальность, самобытность и дополнительную глубину. В результате поэзия Цветаевой превращается в целостную, не поддающуюся расчленению, чисто словесную структуру, в которой вещи и понятия взаимодействуют по аналогиям, рождающимся из родственности звучаний и смыслов: *Блаженны длиноты, // Широты забвенный и зон! // Пространством, как нотой, // В тебя удаляясь, как стон - // В тебе удлиняясь, // Как эхо в соборную грудь, // В тебя ударяясь: // Не видь и не слышь и не будь... («Заочность»).*

Изучение языка М. Цветаевой позволяет увидеть, как через систему индивидуальных новообразований проявляется мировоззрение поэта. Талант Цветаевой - в способности превращать объект своей рефлексии в сложный концепт, который сама Цветаева очень верно определила как «темноту сжатости». Поскольку поэт создает собственную картину мира через языковые связи и отношения, можно сказать, что язык произведений поэта-философа М. Цветаевой отражает философию языка в его развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветаева М.И. Полное собрание сочинений в 7 томах. - М.: Эллис Лак, 1994-1997.
2. Винокур О.Г. Из бесед о культуре речи. - Русская речь. 1967. - № 3. - С. 10-14.
3. Ревзина О.Г. Поэтика окказионального слова. - В кн.: Язык как творчество. - М., 1996. - С. 307-308.
4. Григорьев В.П. Поэтика слова. - М., 1979. - С. 212-316.

**Л.В. Ксенофонтова,
Курган**

ПРОБЛЕМА МЕСТА И СТАТУСА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ

В теории языка существует немало исследований, выполненных в рамках синтаксической фразеологии - достаточно большой «территории», которая примыкает к собственно фразеологии. Синтаксическая фразеология оперирует такими единицами и понятиями, как синтаксический фразеологизм, синтаксическая идиома, фразеосхема, фразеомодель, фразеологическое построение, несвободная схема, несвободная конструкция, фразеологизированное предложение, предложение фразеологизированной структуры, а также связанное значение, идиоматическое значение, фразеосинтаксическое значение и др. Существует целый ряд классификаций единиц синтаксической фразеологии. Вместе с тем ее место в системе языка остается недостаточно определенным, требуется дальнейшее изучение явлений синтаксической фразеологии, т.е. совокупности многообразных готовых формул разговорной речи.

Специфика синтаксической фразеологии осознается исследователями языка на протяжении длительного времени. По свидетельству В.В. Виноградова, уже в лингвистических работах XIX в. отмечалось, что существуют особые формы народной речи, закономерности которых не укладываются в теоретические грамматика середины XIX в., в частности, в грамматическую систему Ф.И. Буслаева. Исследователи, особенно связанные с преподаванием, наряду с синтаксисом письменного языка изучали синтаксис пословиц и поговорок, формы вопросительных предложений, воспроизводимые построения, и в работе В. Боголюбова вводится термин - синтаксические идиотизмы (от греч...idiotos - своеобразный, своеобразный), который затем принял более благозвучную форму - синтаксический идиоматизм (Виноградов 1958:280). В начале XX века в работах Ш. Балли, П. Якубинского и др. также указывается на наличие в разговорной речи несвободных, неделимых, «окаменелых» сочетаний форм. В синтаксических работах А.М. Пешковского, А.А. Шахматова воспроизводимые построения разговорной речи выделяются и рассматриваются в тех типах предложений, которым они формально соответствуют, но их специфика в целом не выявлена. Так, Пешковский в разделе «Инфинитивные предложения» обоснованно считает, что «совершенно особым и своеобразным видом инфинитивных предложений являются одиночные инфинитивы, тавтологичные по отношению к следующему за ним глаголу, например: *Что к родным писать? Помочь они мне не помогут...*(Тург.)» (Пешковский 1958:350). В разделе «Назывные предложения» при описании разновидности «Указательные предложения» он рассматривает наряду с предложениями *Вот мельница. Она уж развалилась...*(Пушк.) и те, «в которых при слове вот имеется дат. пад. (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот вам и поезда!*)...дательный кажется нам зависимым не от опущенного глагола, а от с а м о г о с л о в а вот». (Пешковский 1958:345). В синтаксисе А.А. Шахматова в разных разделах противоречиво трактуются конструкции типа *дружба дружбой, а служба службой*, и на это особое внимание обратила Н.Ю. Шведова,

которая справедливо заключает: «Предложения данного типа нечленимы; выделение членов предложения по традиционной схеме здесь не может быть осуществлено» (Шведова 2003:56).

В работах А.Н. Гвоздева, А.Б. Шапиро, А.И. Киселева также сделано много тонких наблюдений о синтаксических фразеологизмах. Масштабную задачу выявить весь массив готовых устойчиво воспроизводимых синтаксических построений русской разговорной речи поставила Н.Ю. Шведова и блестяще ее решила в книге «Очерки по синтаксису разговорной речи», хотя в ней рассматриваются не столько закономерности синтаксиса разговорной речи, которые были описаны позднее в исследованиях Е. Земской, О. Лаптевой, О. Сиротиной, Г. Инфантовой и др., сколько именно отдельные построения, воспроизводимые явления в разговорной речи - готовые, застывшие конструкции. Весь огромный список русских конструкций приведен ею в определенную систему, в первую очередь, по грамматическим основаниям. Н.Ю. Шведова четко разграничила различие между письменной и разговорной, говоримой речью, свойства которой (непосредственность, спонтанность) объясняют необходимость в возникновении и существовании готовых построений. Опираясь на теорию предикативности и модальности В.В. Виноградова, она определила в качестве важнейшего свойства наличие в них субъективно-модального значения, а точнее, модально-экспрессивного значения, что позволило ей адекватно описать разнообразнейшие значения русских разговорных конструкций. Описав с максимальной возможностью инвариантное значение каждой конструкции, Н.Ю. Шведова систематизировала и очертила основной круг субъективно-модальных значений в русском языке, связанных с воспроизводимыми построениями. Ядром готовых построений, по мнению исследователя, является класс фразеологизированных построений, и, сопоставляя схемы членимых и нечленимых предложений, основным различием она признала отсутствие живых синтаксических связей и наличие идиоматического фразеологического значения во фразеологизированных построениях. Яркое свойство идиоматичности значения фразеологизированных конструкций позволило исследователю усмотреть сходство с фразеологическими единицами и классифицировать фразеоконструкции (ФК) по степени наличия/отсутствия мотивирующего значения. Перечень этих свойств и выражающих их конструкций был представлен затем под редакцией Н.Ю. Шведовой в Грамматике-70 и «Русской грамматике» в разделе «Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений», где одной из частей является подраздел «Специальные синтаксические конструкции», а среди них выделяются «Синтаксические фразеологизмы» и «Соединения словоформ». Кроме того, в более систематизированном виде фразеологизированные конструкции (употребление этого сочетания дано на с. 386 «Русской грамматике») описаны с точки зрения их синтаксических особенностей в разделе «Предложения фразеологизированной структуры», будучи противопоставленными в системе простых предложений предложениям, строящимся по свободным структурным схемам. При описании каждой разновидности фразеологизированных предложений отмечается, к какому типу предложений они относятся - к членимым или нечленимым.

Позднее путем аналогии с классификацией фразеологических единиц В.В. Виноградова при классификации фразеоконструкций пошли в своих работах В. Меликян и Л. Пиотровская. Исследуя коммуникемы русского языка, т.е. воспроизводимые в своем лексическом составе интонационно законченные эмоционально-экспрессивные обороты русской речи, В. Меликян относит их к нечленимым предложениям русского языка. Сюда же попадают и синтаксические фразеологизмы - фразеосхемы, которые он классифицирует как фразеосхемы-сращения, фразеосхемы-единства и фразеосхемы-сочетания, учитывая степень мотивированности их фразеосинтаксического значения (Меликян 2001).

В справочной лингвистической литературе понятие синтаксической фразеологии (синтаксической идиоматики) затрагивается в статьях «Фразеологизм» (ЛЭС) и «Идиома» (Энциклопедия «Русский язык»), где на основе несомненного общего свойства фразеологизма и синтаксического фразеологизма - идиоматичности значения - различаются лексическая и синтаксическая идиомы. Синтаксическая идиома характеризуется наличием «такого синтаксического значения, которое неразложимо на значения форм и присущие им синтаксические значения (Ну и жара!; хоть плачь, проси не проси, а...)» (Русский язык. Энциклопедия 1979:90).

В современных лингвистических исследованиях для единицы фразеологии и синтаксической фразеологии используются термины «фразема» и «синтаксическая фразема» (И. Мельчук, Ю. Апресян, Л. Иомдин и др.), чем также подчеркивается большое сходство в закономерностях организации семантики той и другой единицы. Л.Л. Иомдин статью о фраземе «все равно» назвал очень показательно: «Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом». В ней он как раз и определяет «то место, которое занимают синтаксические фраземы в общей синтаксической системе языка». Позволим себе привести пространную цитату, поскольку автор не просто определяет место, но и обосновывает свою точку зрения: «По существу, эта система состоит из двух неравных частей, если угодно, «двух синтаксисов»: основной синтаксис языка, включающий относительно небольшое число базовых конструкций, и периферийный, содержащий во много раз большее количество конструкций. Базовые конструкции высокочастотны, неидиоматичны и строятся на основе весьма общих грамматических правил. Каждая из периферийных синтаксических конструкций встречается в текстах значительно реже, чем любая базовая, хотя в целом их частотность весьма высока - едва ли не во всяком русском предложении, кроме, может быть, самых элементарных, выступает хотя бы одна периферийная конструкция. Эти конструкции весьма разнообразны и встраиваются в общую систему синтаксиса с большим трудом. Часть синтаксиса языка, образуемую периферийными конструкциями, иногда называют «малым синтаксисом» (фактически это перевод английского термина *minor type sentences*)» (Иомдин 2006:202). Термин «малый синтаксис» вводят в научный оборот и другие исследователи - Ю.Д. Апресян, И.Б. Левонтина.

Один из авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» Н.К. Онипенко считает, что системное описание русских моделей предложения пред-

ставлено в виде центра и периферии: «модели базовые, изосемические, свободные - центр системы; модификации и синонимы базовых, текстово обусловленные и, наконец, фразеологизированные, связанные, занимают периферию синтаксической системы». В общем эта точка зрения соотносится с идеей выделения «малого синтаксиса».

Таким образом, рассмотрение проблемы места, а точнее, языкового статуса синтаксической фразеологии в авторитетных лингвистических работах показывает, что ее место до сих пор не определено. Безусловно, это вызвано рядом объективных причин, среди которых, как нам кажется, не только двойственность свойств фразеоконструкций - связь с лексикой и грамматикой, но и недостаточные представления об особенностях основной единицы синтаксической фразеологии, а отсюда и неопределенность объема синтаксической фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. *Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)*. - М.: Изд-во МГУ, 1958.
2. Иомдин Л. Л. *Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006»*. - М.: Изд-во РГГУ, 2006. - С. 202-206.
3. Меликян В.Ю. *Очерки по синтаксису нечленимого предложения: Учебное пособие к спецкурсу и разделу современного русского языка по синтаксической фразеологии*. - Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2001. - 136 с.
4. Онипенко Н.К. *Теория коммуниктивной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении*. - № 2. - М., 2001. - С. 107-121.
5. Пешковский А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. - М., 1958.
6. *Русская грамматика*. - Т. 2. - М., 1980.
7. *Русский язык. Энциклопедия*. - М., 1979.
8. Шведова Н.Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи // РАН Институт русского языка*. - М.: Азбуковник, 2003. - 378 с.

**Н.В. Кудрина,
Курган**

ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ВРЕМЕННЫЕ ОТРЕЗКИ, В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Время является одной из фундаментальных философских категорий, оно относится к «системе координат», при помощи которой люди воспринимают мир [Гуревич 1984: 71]. Язык отражает время, которое движется двумя способами: либо по кругу, циклично, либо линейно, однонаправленно и необратимо [Яковлева 1994; Маслова 2004: 75].

Стремление дать художественно-философское истолкование категории времени характерно для многих представителей русской культуры, в том числе и для Анны Ахматовой. В её поэзии широко представлены предметные ФЕ, называющие различные временные отрезки (39 ФЕ). Каждый из фразеологизмов - наименований времени передаёт авторское восприятие окружаю-

щей действительности. Ахматовой важно отразить сиюминутное течение жизни и переживания человека, поэтому время как мера земного бытия в её поэзии считается и измеримо. Лирическая героиня стихов Анны Ахматовой живёт в конкретном историческом и временном промежутке.

Предметные ФЕ - наименования временных отрезков, функционирующие в стихах Ахматовой, можно разделить на 4 группы: 1) названия праздников и памятных дат; 2) наименования абстрактных временных отрезков; 3) наименования конкретного времени суток; 4) наименования времени года.

Наиболее ярко представлены в поэзии Ахматовой ФЕ, называющие праздники и памятные даты, которые отражают циклическую модель времени: *Страстная Неделя, Никола Зимний, Вербная суббота, Воскресение Христа, Поминальный день, Духов день, день Купальницы-Аграфены, День Победы, Божий Праздник* (Рождество Христово) и др. (14 ФЕ). Данные ФЕ отражают связь временных отрезков с определёнными событиями в жизни людей [Маслова 2004: 75]. Например: «Там вьюги сухие взлетают с заречных полей, // И люди, как ангелы *Божьему Празднику* рады» (Anno Domini). «Я всем прощение дарю // И в *Воскресение Христа* // Меня предавших в лоб целую, // А не предавшего - в уста» (Бег времени)

В состав этих фразеологизмов входят темпоральные субстантивные фразеологические компоненты *день, неделя, суббота* и др., из лексических значений которых актуализируется сема «время какого-нибудь события». Из лексических значений существительных *Никола, Воскресение, Праздник* - сема «день, особо отмечаемый обычаем или церковью». Грамматически зависимые атрибутивные (*Страстная, Поминальный, Вербная* и др.) и субстантивные компоненты (*Купальницы-Аграфены, Победы* и др.) выполняют функцию конкретизатора фразеологического значения.

Фразеологизмы, называющие абстрактные временные отрезки, отражают линейную модель времени и соответствуют представлению о конечности жизненного пути человека, неповторимости всего сущего в мире. В контексте творчества Ахматовой они образуют смысловые оппозиции, обозначая: прошлое - будущее (*прохладная детская молодого века - завтрашний день*); далёкое прошлое - начало XX века - будущий расцвет, «лучшее время» (*каменный век - серебряный век - золотой век*); начальный или конечный периоды чего-либо (*первые дни - последние дни*).

В состав данных ФЕ в качестве фразеологических входят темпоральные компоненты *день* и *век*. В процессе формирования фразеологического значения компонент *день* актуализирует из лексического значения сему «относительно небольшой промежуток времени» (*первые дни, последние дни, завтрашний день*); компонент *век* - сему «период» (*каменный век, золотой век, серебряный век*). При этом большую роль в формировании фразеологического значения единиц играет контекст. Так, ФЕ *каменный век* в лирике Ахматовой подвергается переосмыслению и становится наименованием не «периода первобытной культуры», а далёкого прошлого. ФЕ *золотой век* в стихотворении сочетается с глаголом в форме будущего времени и обозначает «лучшее время в чьей-либо жизни», которое наступит впоследствии. Например: «И мнится - голос человека // Здесь никогда не прозвучит, // Лишь ветер *камен-*

ного века // В ворота чёрные стучит» (Белая стая); «Это - из жизни не той и не той, // Это - когда будет век золотой» (Нечет).

ФЕ - наименования конкретного времени суток относятся к фонду поэтической фразеологии: *лукавый час зари, вечерняя пора, покров темноты, лиловая мгла, тихий склон дня* и др. (11 ФЕ). Любимое время суток лирической героини Ахматовой - вечер, ночь, заря, когда человек остаётся наедине с самим собой.

В состав ФЕ *вечерние часы, лукавый час зари, час пред закатом, предвечерний час* и др. входит фразообразующий субстантивный компонент «час». Вследствие совмещения бытийной и временной семантики ФЕ с компонентом «час» создают поэтический образ времени [Панова 2004: 285]; они называют не конкретное время суток, а «философски обобщённый отрезок жизни, где сконцентрированы ощущения автора» [Коршкова 2005: 43]. Например: «Однажды поздним летом иностранку // Я встретила в лукавый час зари» (Анно Домини); «И только раз мне видеть удалось // У озера, в глухой тени чинары, // В тот предвечерний и жестокий час - Сияние неутолённых глаз // Бессмертного любовника Тамары» (Тростник).

В состав ФЕ, называющих времена года (7 ФЕ) входят фразообразующие субстантивные компоненты *время, зима, весна, осень*, которые актуализируют из своих лексических значений сему «период». Грамматически зависимые компоненты конкретизируют фразеологические значения, внося семы, которые указывают на основные этапы в жизни природы (*времена года, склон зимы, дни весны, праздничный беспорядок*) или философски обобщённые периоды человеческой жизни (*священнейшие вёсны, плодоносная осень, трагическая осень*). Например, индивидуально-авторская единица *трагическая осень* является метафорическим обозначением периода зрелости в жизни человека: «И ты пришёл ко мне, как бы звездой ведом, // По осени трагической ступая, // В тот навсегда опустошённый дом, // Откуда унеслась стихов казнённых стая» (Бег времени).

Таким образом, в лирике Ахматовой находят отражение основные универсальные представления о времени и единицах его измерения. При помощи предметных фразеологизмов с темпоральной семантикой в стихах поэтессы создаётся уникальный образ художественного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры. - М.: Наука, 1984.
2. Коршкова, Е. А. Фразеология в поэзии Владислава Ходасевича: дисс. ... канд. филол. наук. - Курган, 2005. - 240 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. - Минск: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.
4. Панова, Л. Г. Поэтический узус миги... дни... века в русской поэзии от А.С. Пушкина до акмеистов / Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 281-296.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, ин-т лингвистических исследований. Под ред. А.П.Евгеньевой. - 4-е изд., стереот. - М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И.Фёдоров. - М.: Астрель: АСТ, 2001. - 720 с.
7. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М., 1994.- 344 с.

*О.В. Куныгина,
Челябинск*

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ ОМОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЧАСТИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Любые языковые единицы не существуют в языке изолированно, а вступают в различные отношения с языковыми единицами другого уровня и между собой. Понятие системности фразеологического состава предполагает наличие связей и отношений между фразеологизмами и взаимосвязанность фразеологических единиц с лексическими. Названные отношения и связи фразеологических единиц обуславливаются особенностями семантики фразеологизмов.

Наличие омонимических отношений в классе фразеочастиц свидетельствует о том, что последние, как и другие единицы языка, не существуют изолированно, а системно связаны с другими единицами и между собой.

Как языковое явление, омонимия изучается с античных времен. За это время исследованы и описаны многие стороны омонимии: семантическая природа, грамматические свойства, типы омонимии в языке.

В отечественном языкознании внимание к проблеме омонимии было привлечено работами Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Л.А. Булаховского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, О.С. Ахмановой и многих других.

В.В. Виноградов говорил о важности вопроса омонимии, отмечая последовательность в описании семантической системы слова: «Толковые словари русского языка сплошь и рядом вместо системы значений одного слова предлагают произвольный набор омонимов» [Виноградов: 13].

Вслед за В.В. Виноградовым, Н.А. Павлова развивает мысль о том, что проблема омонимии как часть большой проблемы системности фразеологического состава русского языка «не может быть решена без всестороннего изучения языковых свойств типологически однородных фразеологических объектов» [Павлова: 21].

Первые замечания об омонимии фразеологических единиц находим в трудах В.В. Виноградова. Именно он выделил два вида омонимии - внутрифразеологическую (звуковые совпадения двух и более разных фразеологизмов) и омонимические соответствия (звуковые совпадения фразеологизмов и свободных сочетаний слов).

Вопросами фразеологической омонимии занимались такие исследователи, как В.М. Глухов, В.В. Истомина, Л.И. Ройзензон, А.М. Эмирова, М.И. Сидоренко, А.М. Чепасова, В.А. Лебединская и другие.

Особый вклад в исследование фразеологической омонимии внесла Н.А. Павлова, которая вскрывает закономерности омонимии как общего языкового свойства системности, описывает разные типы фразеологических омо-

нимов (внешнюю и внутреннюю омонимию).

Как показывают исследования Н.А.Павловой и её учеников, большинство фразеологизмов русского языка имеют омонимические соответствия со свободными сочетаниями. Но и межкатегориальная омонимия между фразеологизмами одного или разных семантико-грамматических классов также имеет место во фразеологии русского языка.

Процесс омонимизации обогащает качественно и количественно фразеологический состав русского языка новыми единицами. При образовании фразеологических омонимов остаётся неизменным компонентный состав, но происходит преобразование семантики, морфологических категорий, синтаксических функций.

Актуальным внутри данной проблемы остаётся выявление закономерностей существования омонимических отношений служебных частей речи, в частности, омонимия фразеологических частиц с единицами других семантико-грамматических классов. Омонимия лексических непрямых, лексических производных предлогов, а также фразеологических предлогов исследована Г.А.Шигановой. Омонимические отношения фразеологизмов-союзов проанализированы М.А.Авериной.

Под фразеологическими омонимами, вслед за Н.А.Павловой, мы понимаем языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но различающиеся типом семантики, синтаксическими свойствами, функциями и сочетаемостью [Павлова: 10].

Способность фразеологизмов вступать во внутренние омонимические отношения определяется такими свойствами, как цельность значения, тождественность звучания и написания, одинаковое количество компонентов, тождественность синтаксической модели.

Межкатегориальные фразеологические омонимы имеют одинаковый компонентный состав, тождественную синтаксическую модель, но различаются типом категориального значения, синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью.

Например, *будто бы*¹ (фр. с.) - *будто бы*² (фр. ч.); *если бы*¹ (фр. с.) - *если бы*² (фр. ч.); *как будто*¹ (фр. с.) - *как будто*² (фр. ч.); *как бы*¹ (фр. с.) - *как бы*² (фр. ч.); *не только*¹ (часть фр. с.) - *не только*² (фр. ч.); *во всяком случае*¹ (фр. ч.) - *во всяком случае*² (мод.); *вон как*¹ (фр. ч.) - *вон как*² (мод.); *вот еще*¹ (фр. ч.) - *вот еще*² (мод.); *да ну*¹ (фр. ч.) - *да ну*² (мод.); *еще бы*¹ (фр. ч.) - *еще бы*² (мод.); *в особенности*¹ (к-о) - *в особенности*² (фр. ч.); *так или иначе*¹ (к-о) - *так или иначе*² (фр. ч.) и др.

Фразеологизмы приведенных омонимичных цепочек имеют одинаковый компонентный состав, характеризуются тождеством структурной модели, относятся к морфологически неизменяемым фразеологизмам, но различаются типом категориального значения и обнаруживаются в разных синтаксических условиях.

*Ещё бы*¹ (фр. част.) - *ещё бы*² (мод. фр.)

Кириллов посмотрел на него с удивлением и сказал: - Ещё бы! не спросили, конечно, спросят (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

- *Ещё бы!*² - поспешно подхватил её брат. - Я тебя в Петербург увёз, а Фёдор

Иваныч всё жил в деревне (И.С.Тургенев. Дворянское гнездо).

В первом предложении **ещё бы**¹ относится к классу фразеочастиц, занимает присловную позицию в предложении, имеет единое, цельное, слитное интонационное оформление с глаголом *не спросили*, семантику которого усиливает.

Во втором предложении **ещё бы**² имеет обособленное пунктуационное оформление, выражает отношение говорящего к действительности, следовательно, относится к модальному фразеологизму.

Семантические различия у фразеологизмов-омонимов отчетливо проявляются в синтаксической и лексико-семантической сочетаемости, так как «анализ сочетаемости фразеологизмов-омонимов, имеющих разные категориальные значения, дает основание утверждать, что синтаксические связи обусловлены значением фразеологизмов, которое, в свою очередь, обнаруживается через синтаксические свойства и связи» [Павлова: 245].

Фразеологические союзы выполняют связующую функцию в предложении, оформляют отношения между предложениями или его членами; качественно-обстоятельственные фразеологизмы в предложении относятся к сказуемому, сочетаются с глаголами и функционируют как обстоятельство; призначные фразеологические единицы сочетаются с предметными единицами, а фразеологизмы-частицы являются средством усиления, уточнения понятия, названного глаголом или именем.

Внутрифразеологическая омонимия возникает как следствие формального совпадения единиц с разными категориальными значениями. Существование таких единиц качественно и количественно обогащает фразеологический состав русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Аверина М.А. Структурно-семантические и функциональные свойства фразеологизмов-союзов: Дисс. ... канд. филол. наук. - Челябинск, 2004. - 195 с.
- 2.Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях// Исследования по русской грамматике. Избранные труды. - М., 1975. - С. 295 -312.
- 3.Куныгина О.В. Фразеочастицы русского языка: структурно-семантическое описание: Монография. - М.: Прометей, 2006. - 164 с.
- 4.Павлова Н.А. Омонимия в сфере фразеологии: Монография. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. - 292 с.
- 5.Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. - Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. - 454 с.

М.И. Лебединская,
Курган

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СРАВНЕНИЯ В КОМПАРАТИВНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ К. БАЛЬМОНТА

Основываясь на образе, сравнение несет в себе большую художественно-изобразительную ценность, создает неповторимый стиль поэта. Объектом сравнения в поэтической речи может стать любое явление природы, человеческие отношения, действия, эмоции, желания и т.д. Большую роль в формировании смыслового и выразительного потенциала компаративных фразеологизмов играет отнесенность компонентов не только к лексико-грамматическому разряду, но и к той или иной лексико-семантической группе.

В качестве объектов сравнения компаративных поэтических фразеологизмов К. Бальмонта могут выступать одушевленные и неодушевленные существительные (34 и 112 соответственно). Фразеологизмы, объект сравнения которых является неодушевленным, могут характеризовать как конкретные предметы, события, явления, так и абстрактные понятия, отвлеченные сущности.

Абстрактные существительные, использующиеся К. Бальмонтом как объекты сравнения, относятся к следующим семантическим группам: 1) названия человеческого состояния (*как хохот стократный, как сон таинственный*); 2) названия восприятия человеком окружающей среды при помощи органов чувств (*как шелест камышей, как шум грозы*); 3) окружающая действительность (*как тонущая даль, как очертания причудливой волны*); 4) отрезок времени (*словно в детстве, точно годы*); 5) названия явлений природы (*как волны морские, как ветра шум среди угрюмых гор*).

Во фразеологизмах, объект сравнения которых выражен абстрактным существительным, сопоставляются понятия, которые обозначают свойства, качества, а также действия и состояния.

Самую распространенную группу составляют названия человеческого состояния. Очень часто К. Бальмонт использует в качестве объекта сравнения сон - состояние непознанное, неизученное, таинственное. Автор может уточнить, дать качественную характеристику этому явлению - *как легкий сон, как сон таинственный, как сон пустой, как вещей сон волшебника-Халдея*. Имена прилагательные, вошедшие в компаративные поэтические фразеологизмы, характеризуют сущностные внутренние и внешние признаки предметов, конкретизируют то качество сна, которое важно подчеркнуть в том или ином случае.

Среди конкретных существительных, которые употребляет К. Бальмонт как объекты сравнения, можно выделить такие семантические группы:

1) название предметов, созданных руками человека (артефакт) - *как жернов, точно саркофаги, точно свеча*; 2) название предметов, созданных природой (натурфакт) - *как ветка сирени, как звезда, как весеннее облачко, как ключ в пустыне*.

Среди объектов сравнения, относящихся к натурфактам, преобладают фразеологизмы, называющие различные растения. В этой группе особняком стоят единицы, называющие цветы. Автор использует как родовое понятие цветок, цветы (*как цветок, точно снежные цветы, как цветок под водою, как цветок садов гигантских*), так и видовые понятия (*как ветка сирени, как гвоздика лесная, как ландыш, как лилия, смущенная волною*). К. Бальмонт обращает внимание на цветовую характеристику цветов только один раз, причем использует для этого не совсем типичное определение - **снежные** (цвет-

ты).

Объекты сравнения, выраженные одушевленными существительными, называют лиц (по роду деятельности, по отношению к другому лицу, по возрасту и др.), мифических персонажей, а также животных и птиц.

Объекты сравнений К. Бальмонта в той или иной степени связаны с человеком (как вор, как гитана, как жалкий ребенок, как враг обычной красоты, как враг, как будто дух больной). Антропоцентричность компаративов и лирики в целом напрямую зависит от внутреннего состояния самого поэта, его принадлежности к поэтическому течению.

Мифические персонажи, появляющиеся в сравнениях К. Бальмонта, стали орудием художественной организации материала, приемом, помогающим автору донести до нас главную идею своих произведений. Поэт обращается к мифу не как к вечной модели искусства, а как к источнику поэтической образности. Таким образом, для Бальмонта важен не только реальный мир, но и мир вымышленный, в котором особое место занимают образы, связанные с религией:

Вот, мы блаженны, как ангелы, вот мы с тобою вдвоем.

Друг мой, какое признание вижу во взоре твоём!

К. Бальмонт. Нет и не будет.

Животные и птицы в качестве объекта сравнения немногочисленны, но эта группа несет в себе определенный семантический потенциал, так как чаще всего с животными сравнивается лирический герой, часто вместе со своей возлюбленной, которых автор наделяет теми или иными качествами живых существ:

Мы стремились к горам из Испанской столицы.

Мы с тобой улетали, как вольные птицы.

К. Бальмонт. В окрестностях Мадрида.

Таким образом, при выборе объекта для сравнений К. Бальмонт не останавливался на общепринятых и известных образах. Одной из главных черт идиостиля поэта является персонификация, которая приводит к осознанию возможности существования явлений как управляющих миром и постоянно воздействующих на человека. Поэта интересует только отвлеченная субстанция природы как целого. В его стихотворениях происходит одушевление природы, олицетворение вещей и явлений, перенос на природные объекты свойств человека, животных, предметов, событий, это в полной мере передается через компаративные фразеологизмы, которые создают неповторимый стиль поэта.

*Т.Н. Лоскутова,
Челябинск*

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ», ВЕРБАЛИЗОВАННОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ

ЕДИНИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Концепт «жизнь» в русском языке может быть вербализован фразеологическими единицами. Данные языковые единицы наиболее интересны с лингвокультурологической точки зрения, поскольку именно фразеология народа, определенного культурного сообщества, в полной мере раскрывает богатство его языка и культуры, его менталитет.

Анализ словарей русского языка показывает, что количественный состав ФЕ русского языка, включающих в свой состав компонент «жизнь» и являющихся вербализацией концепта «жизнь», составляет 180 единиц. Изучив весь спектр семантики данных языковых единиц, мы выделили в семантическом поле концепта «жизнь», вербализованного ФЕ, 22 семантические группы, представленные нами в виде схемы (рис. 1).

Ядро семантического поля концепта «жизнь», вербализованного ФЕ, - **16-ая семантическая группа** (22 единицы): «Смерть кого-либо». Данное значение вполне обосновано, если соотнести это с представлениями древних о смерти, оставшимися в сознании людей до сих пор. Образное обозначение данного явления встречается в речи в качестве прямого лексического синонима, что как бы оберегает человека, порой даже поэтизируя смерть. *Он (Суза - Т.Л.) избрал древний изуверский способ ухода из жизни, к которому самураи прибегали, либо попав в плен, либо чувствуя себя очень виноватыми. (Б. Акунин. Алмазная колесница.)*

Периферию семантического поля концепта «жизнь» составляют 5 семантических групп - основная часть рассматриваемого семантического поля.

4-ая семантическая группа насчитывает, по нашим данным, 10 единиц. Данное определение концепта «жизнь» является одним из основных и встречается в словарных статьях толковых словарей. *Лишь бы только любили меня*

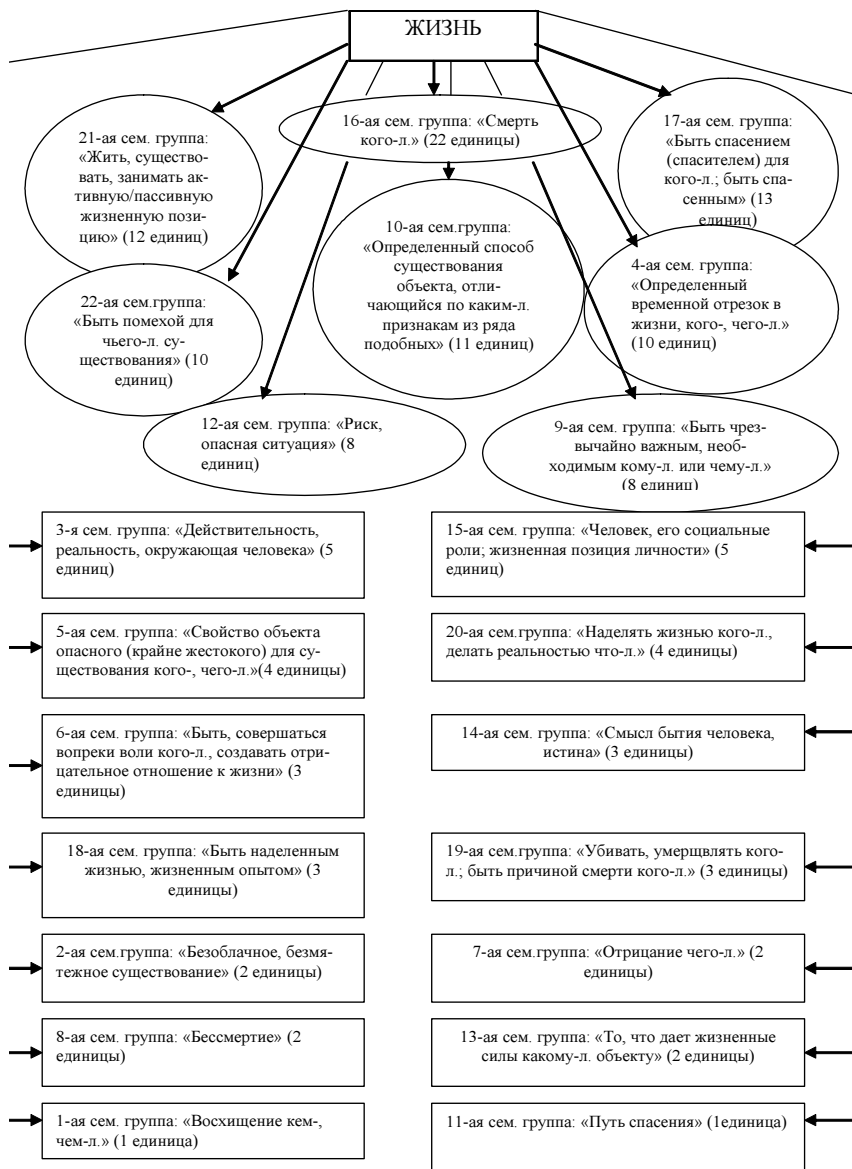

Рис. 1. Семантическое поле концепта «жизнь», вербализованного ФЕ

русского языка.

эти мерзлые плахи! / Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, / Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе / И для казни петровской в лесу топорнице найду. (О. Мандельштам. Сохрани мою речь навсегда...)

Наиболее многочисленная в нашей картотеке **17-ая семантическая группа** (13 единиц). Сам концепт «жизнь» предполагает вычленение данного значения, так как жизнь обладает такими признаками, как темпоральность и изменчивость. *Некоторые ученые утверждают, что икота - это всего лишь остаток безусловного рефлекса, который был когда-то необходим человеку для сохранения жизни* (Мама, это я! № 4, июль, 2006, с.15).

Жизнь - это не только признак живого существа, способ существования личности, определенное место, которое человек занимает в социуме, взаимодействию с ним. «Жить, существовать, заниматься активной/пассивную жизненную позицию» - это то общее значение, которым мы объединили **ФЕ 21-ой семантической группы** (12 единиц). *Жена Шацкого принадлежала к той категории женщин, какие всю жизнь вкладывают в служение близким* (К. Паустовский. Кара-Бугаз).

К ареалу семантического поля концепта «жизнь» мы отнесли 16 семантических групп. Они в своем численном составе насчитывают от 8 до 1 единицы, и с точки зрения частотности употребления встречаются довольно редко.

15-ая семантическая группа характеризует «человека, его социальные роли; жизненную позицию личности» и насчитывает 5 единиц. - *Любовь к будущему спутнику жизни, к мужу, должна превышать любовь к брату, - произнес он сентенциозно.* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание.) Вообще впечатление эти *хозяева жизни* производили самое омерзительное. (Комсомольская правда № 113-т / 31 (23750-т), 3-10 августа, 2006, с. 10).

Общее количество **ФЕ 12-ой семантической группы** семантического поля концепта «жизнь» - 8 единиц. Некоторые из ФЕ данной группы содержат в своем составе компонент «смерть», указывая на пограничное состояние между жизнью и смертью. *«Не врет, - определил Василий Александрович, - решил обе красненьких себе оставить» - и взгляд снова стал обыкновенный, без прищуря. Так канцелярист и не узнал, что его маленькая жизнь только что висела на тонком-претонком волоске* (Б. Акунин. Алмазная колесница).

По представлениям многих народов, жизнь дается человеку свыше, ею могут наделяться и живые и неживые объекты, приходящие в наш мир. Подобное значение имеют **ФЕ 20-ой семантической группы** рассматриваемого материала (4 единицы) *Ужас был не в том, что он интересовался теорией фашизма, а в том, что воплотил эту теорию прямо в нашу жизнь.* (Коллекция: Караван историй № 3, 2006, с. 67.) *Но как же практически провести мероприятие в жизнь, подвести, так сказать, базу?* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Жизнь - это еще и окружающая человека действительность, она существует, изменяется вместе с человеком и под его влиянием. Таково значение **3-ей семантической группы** (5 единиц). *Жизнь кипела и переливалась через край* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

5-ая группа со значением «Свойство объекта опасного (крайне жестокого) для существования кого-либо» насчитывает 4 единицы. *До революции театр и пресса стояли спиной друг к другу, враждовали не на жизнь, а на смерть* (В. Мичурина-Самойлова. *Шестьдесят лет в искусстве*).

Жизнь для любого человека - высшая ценность и восхитительный дар мироздания. Ею восхищаются, она бесценна. Именно поэтому среди ФЕ с компонентом «жизнь» мы выделили **1-ую семантическую группу** ФЕ (1 единица) с модальным значением: «Восхищение кем-, чем-либо». - *Любимая, мы будем потом навсегда, навсегда... Будет ваш парк в Таврии, пруды, солнце... Мы будем одни! Парк, звезды твоих глаз... Как хочется забыть, жизнь мою!* (А. Малышкин. *Падение Даура*).

ФЕ 14-ой семантической группы объединены общегрупповым значением: «Смысл бытия человека; истина» (3 единицы). *Суровая школа жизни, с мудрыми уроками ждала ее у порога родительского дома* (С. Аксаков. *Наташа*).

Жизнь дает свои уроки каждому человеку, проходя свой путь мы совершаем ошибки, получаем определенные знания. Именно это свойство думающей личности объединяет **ФЕ 18-ой семантической группы** (3 ФЕ). *Тут он вне конкуренции, представить его на месте солидного, умудренного в жизни человека и невозможно, сплошные конфликты могли дома начаться* (Комсомольская правда, 21 марта, 2002, с. 18).

11-ая семантическая группа семантического поля концепта «жизнь» включает в себя 1 фразеологическую единицу со значением: «Путь спасения». Она используется в художественных текстах военной прозы и публицистике. *Победы под Ленинградом помогли создать Дорогу жизни по льду Ладоги, которая спасла многих ленинградцев от голодной смерти, помогла накопить в кольце блокады резервы, которые так пригодились в последующих боях* (И. Курчавов. *Салют над Невой*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология* / Под ред. В.П. Нерознака. - М., 1997. - 410 с.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, В.Г. Слышкин // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр.* / ред. И.А. Стернин. - Воронеж, 2001. - С. 75-80.
3. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М., 1997. - 992 с.
4. Литературная речь: толковый словарь современной общелитературной фразеологии / сост. В.З. Овсянников. - М., 1933. - 362 с.
5. Русские ФЕ признака: словарный опыт / Т.Е. Помыкалова / Челябинская гос. акад. культуры и искусств. - Челябинск, 2005. - 387 с.
6. Словарь русского языка: 70 000 слов / С.И. Ожегов / под ред. Н.Ю. Шведовой. - 22-е изд., стер. - М.: Рус. Яз., 1990. - 921 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. - М.: Школа: Языки русской культуры, 1996. - 285 с.
8. Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской / РАН, Институт лингвистических исследований. - СПб.: «Фолио-Пресс», 1998. - 700 с.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX в. / под ред. д-ра филологических наук А.И. Фёдорова. - Новосибирск: ВО «Наука», 1995. - 396 с.
10. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков / под ред. А.И. Молоткова. - М.: «Советская энциклопедия», 1967. - 543 с.

КТО ТАКОЙ ДЕД ПИХТО? (ОТВЕТНЫЕ ФРАЗЕОРЕПЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ)

Наверняка каждый человек в разные периоды своей жизни (и будучи ребенком, и во взрослом состоянии) слышал или сам использовал в процессе общения на некоторые вопросы такие ответы: «Кто? - Дед Пихто!» «Почему? - По кочану!».

Ответные фразеореплики - одно из самых интересных явлений, свойственных устной речи. Область изучения ответных фразеореplik достаточно молодая, исследовались они чрезвычайно мало, поэтому их изучение представляется нам достаточно перспективным. Существуют разные точки зрения на ответные фразеореплики, на их природу, состав, особенности функционирования. Можно сказать, что, в определенной степени, описание таких единиц, как ответные фразеореплики, представляет собой своего рода лагуну в современных исследованиях разговорной речи, так как они не изучены, не описаны и не имеют лексикографической интерпретации. Насколько нам известно, не существует пока и массива (базы данных) обсуждаемых единиц.

Обратившись к достаточно немногочисленным исследованиям, посвященным ответным фразеорепликам, которые нам удалось обнаружить, мы убедились в неоднозначности точек зрения на природу происхождения рассматриваемых единиц. Среди этих подходов достаточно четко выделяется следующие:

1) ответные фразеореплики - диалогические фразеологизмы, представляющие часто законченное (полное) высказывание, отличающееся строгой подчиненностью действию схемы «стимул-реакция», эту точку зрения поддерживает В.Т. Бондаренко [1:75];

2) ответные фразеореплики - один из жанров клишированной современной городской паремииологии, ответ на вопрос, напоминающий велеризм, по версии П.А. Клубкова [2: 645];

3) ответные фразеореплики - формулы ответа. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский утверждают, что это особый тип речевых формул, который образуется идиомами, представляющими собой второй из двух иллокутивно связанных речевых актов. По классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, формулы ответа являются одной из речевых формул [3:52-53]. Ответные фразеореплики входят в класс «идиом как фактора стабилизации эмоционального состояния»;

4) ответные фразеореплики - совершенно особенные выражения, которые не являются ни пословицами, ни поговорками, ни фразеологизмами, а одним из элементов фольклора, точнее - одним из жанров паремии - присло-

вями, по мнению Н. Макаровой [4];

5) ответные фразеореплики (по Н.Д. Голеву) - эхо-фразы (эхо-маты) - единицы русского фольклора [5:325].

Учитывая неоднозначность позиций в отношении рассматриваемых нами единиц, считаем необходимым обсудить названные подходы. Первая точка зрения принадлежит В.Т. Бондаренко, который, по нашим данным, ввел понятие «ответные фразеологические реплики (фразеореплики)». Он утверждает, что фразеореплики диалогичны и являются ответом на вопрос, например (здесь и далее примеры - н а ш и - Г.М. и Л.Н.):

- Почему помянем? - спросил Шеклтон, мучительно пытаясь не уронить голову на стол, однако с готовностью подставил кружку. - Уай? Почему рашен званыи обед?

- *По кочану, - угрюмо сказал Ломаев. - Выпьем.* (А. Громов. Антарктида online).

Таким образом, ответные фразеологические реплики должны изучаться в единстве с характеристикой соответствующих реплик-стимулов, их ни в коем случае разрывать нельзя. Этот факт и подтверждает отнесенность фразеологические реплик к области фразеологии. Эти единицы не переводятся на другие языки, т.е. они могут быть отнесены к безэквивалентной лексике. Согласно В.Н. Телия, это признаки именно единиц фразеологии.

Перейдем ко второй точке зрения, представленной в работах П.А. Клубкова. Он утверждает, что исследуемые нами единицы - это малый жанр клишированных паремий. Выделяя такие жанры, как «банальности», «этикетные формулы», он относит изучаемые нами единицы к жанру «эхо-реплики». Безусловно, здесь можно говорить об ответе на вопрос:

- Кто-кто? - наконец отозвался Ганс, выплюнув изо рта какую-то жвачку.

- *Конь в пальто, свиное ты рыло - выпалила Клотильда, не понимая даже, из какого источника излились эти грубые слова.* (А. Тюрин. Любовный роман).

При этом автор отмечает, что это не только реплика-ответ, поскольку к этим единицам относят и оценку чужого слова, например:

- *Вы кто? - глухо осведомился капрал сквозь импровизированный кляп Гаркавки.*

- *Дед пихто, - вмешался Канцевич. - Какая тебе разница?*

- *Полезай в кабину! - прорычал Бык.* (В. Ильин. Пока молчат оракулы).

В классификации П.А. Клубкова изучаемые нами единицы представлены как два разных типа клишированных паремий:

- Ответ на вопрос, напоминающий языковую игру:

-Как поживаете?

-Как в автобусе - одни сидят, другие трясутся; Как в сороковом трамвае - по Голодаю, по Голодаю, да на Вояково кладбище.

- Эхо-реплики:

- *Ну, в общем... - не разгибаясь, глухо произнес Егор, - он зовет...*

- *Кто он? - тут же влез с вопросами Кирилл.*

- *Кто-кто, дед Пихто, - огрызнулся Егор. - Не понял, что ли? Этот*

самый... Автор. (В. Каплан. Отработанные).

П.А. Клубков утверждает, что эхо-реплики имеют признаки клишированности, с чем мы не можем согласиться. Если эхо-реплики - это клише, то они должны восходить к каким-либо текстам первоисточникам, что в данном случае не находит подтверждения [2:645]. С мнением П.А. Клубкова согласна и Н. Макарова (3 позиция), которая тоже считает изучаемые нами единицы жанром паремии. Однако у Н. Макаровой это уже не эхо-реплики, а присловья. Н.Д. Голев солидарен с П.А. Клубковым и Н.Макаровой в том, что это единицы фольклора, но, по Н.Д. Голеву, это не просто фольклор, а лингвистический фольклор и называет он эти единицы эхо-фразами (эхо-матами) (ср. с эхо-репликами П.А. Клубкова).

Рассмотрев все названные позиции авторов относительно изучаемых нами единиц, мы можем сказать, что пока не существует общепринятого термина в обозначении рассматриваемого явления. Мы имеем дело с конкуренцией нескольких: **ответные фразеореплики** (В.Т. Бондаренко), **эхо-реплики** (П.А. Клубков), **эхо-фразы** (Н.Д. Голев), **формулы ответа** (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский) и **присловья** (Н. Макарова), с некоторой долей вероятности мы можем отнести к ним еще и **фразеорефлексы** (В.Г. Гак) [7]. Проанализировав все точки зрения на природу ответных фразеореplik, считаем возможным говорить о том, что существуют две позиции по поводу их принадлежности:

- Изучаемые единицы относятся к малым жанрам паремииологии. П.А. Клубков (эхо-реплики), Н. Макарова (присловья), Н.Д. Голев (лингвистический фольклор).
- Изучаемые единицы относятся к фразеологии. Эту точку зрения поддерживают В.Т. Бондаренко (ответные фразеологические реплики), В.Г. Гак (фразеорефлексы). По нашему мнению, данные единицы образуют особый класс в составе фразеологии.

Как бы активно ни изучалась сейчас фразеология, за ее пределами остается еще большая часть реальной фразеологической массы языка, которая не стала объектом отдельного изучения и словарного описания. Одним из таких объектов, на наш взгляд, является класс ответных фразеологических реplik. Можно сказать, что ответные фразеореплики - относительно новые в исследовательском отношении единицы, отбор и описание которых является одной из актуальных задач современной фразеологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко В.Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи // *Русский язык в школе*. - М., 2004. - №6.
2. Клубков П.А. «Языковая игра» и малые жанры городского фольклора // *Современный городской фольклор*. - М., 2003. - С. 645-664.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Понятие речевой формулы: определение и типология // *Русский язык сегодня*. Вып. 2. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. Ред. Л.П. Крысин. М., 2003. - С. 39-55.
4. Макарова Н. Присловья. - М., 2006. <http://klassikpoez.boom.ru/prislovica.htm>
5. Голев Н.Д. Обыгрывание табуизмов в русском лингвистическом фольклоре // «Злая пая матерная ...»: сб.ст./Под ред. В.И. Жельвиса. - М., 2005. - С. 305-333.
6. Бондаренко В.Т. О Деде Пихто и еще кое-ком (фразеология и дискурс) // *Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и методологический аспекты: Международная научно-практическая конференция (17-19 марта 2006г.)*. - М., 2006. - С. 528-531.

О.А. Муллинова, Т.А. Муллинова,
Краснодар

О ТРУДНОСТЯХ, СВЯЗАННЫХ С ОБУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Целью работы над фразеологическим материалом, исходя из общих коммуникативных целей обучения русскому языку как иностранному, является усвоение определенного количества фразеологических единиц для использования их в тех или иных видах речевой деятельности.

Выделение фразеологических единиц (ФЕ) в самостоятельный аспект обучения русскому языку предполагает определение способов организации этих единиц в соответствии с основными принципами практического обучения русскому языку как иностранному.

Взаимосвязь грамматического материала с лексическим производится на семантической основе. Усвоение фразеологизмов предполагает овладение словами как компонентами фразеологизма, так и в некоторых случаях теми, семантика которых близка семантике фразеологизма. Поэтому организация фразеологического материала тесно связана с организацией лексического материала - составлением синонимических, антонимических, тематических и других групп.

При рассмотрении приемов показа новой ФЕ так же, как новой лексической единицы, всегда обсуждается вопрос о ее контекстном и внеконтекстном введении. Введение языковой единицы в составе законченного речевого целого позволяет воспринять эту единицу в окружении других единиц и сделать выводы о ее семантике, сочетаемости, связи с описываемой ситуацией. Однако если звучание, графическое оформление, структурные особенности или какие-либо другие характеристики новой единицы способны вызвать трудности у учащихся, одной контекстной презентации бывает недостаточно.

Обучению фразеологии в иностранной аудитории может препятствовать ряд трудностей:

1. Определение границ фразеологизма: а) наличие членов предложения между его компонентами; б) сочетаемость с контекстом; в) наличие факультативных компонентов.

2. Определение компонентного состава:

а) на уровне компонентов фразеологизма требуется знание всех входящих в него слов, а о фразеологически связанных словах, архаизмах, неологизмах, стилистически маркированных словах, именах собственных учащиеся должны получить соответствующую справку. Такая справка помогает иностранцам

избежать внутри фразеологизма более частотных синонимов вместо малоупотребительных слов, предотвращает употребление последних вне ФЕ;

б) вариативность фразеологизма: ошибки могут быть вызваны как неадекватными синонимическими заменами, так и сохранением без изменения грамматической формы тех компонентов, которые должны видоизмениться под давлением варьирующих компонентов.

3. Определение словарной формы: ограничения на изменяемость фразеологизма, то есть невозможность для компонентов принять собственную словарную форму в составе фразеологизма: «тихой сапой», но не «тихая сапа»; «на седьмом небе», но не «седьмое небо»; «голыми руками», но не «голые руки». Это вызывает большие трудности у иностранных учащихся, поскольку они пытаются дать компонентам ФЕ начальную форму и по этой форме отыскать фразеологизм в словаре.

4. Способы семантизации:

а) переводная семантизация возможна всегда, когда в родном языке учащихся имеется достаточно употребительный фразеологизм, точно совпадающий с русской ФЕ по принадлежности к фразеологическому типу, по номинативному значению и по стилистической принадлежности. Вероятность отрицательной интерференции при этом тем меньше, чем более оригинальный компонентный состав имеют в сопоставлении друг с другом фразеологизмы этих языков;

б) описание семантики фразеологизма признается эффективным способом семантизации. Характер и языковое оформление такого описания определяется возрастом, этапом обучения и другими факторами. Подготовка адекватного значению описания и вместе с тем краткого и доступного - серьезная задача для преподавателя. Толкование фразеологизма представляется неизбежным в тех случаях, когда он не может быть переведен на родной язык учащихся;

в) использование контекста в качестве основного средства семантизации фразеологизмов возможно, если контекст достаточен для этой роли, если учащиеся владеют определенными умениями смыслового анализа контекста данного вида;

г) семантизация новых ФЕ с помощью других (синонимичных и антонимичных) фразеологизмов, ранее изученных учащимися, имеет в обучении русскому языку как неродному ограниченное использование. Это обусловлено прежде всего тем, что в русском языке многие близкие по значению фразеологизмы не являются полностью синонимичными или антонимичными, и их использование для семантизации дает нежелательные результаты;

д) возможность наглядной семантизации должна решаться каждый раз при семантизации конкретных фразеологизмов с учетом роли их внутренней формы в формировании целостного фразеологического значения, а также наличия или отсутствия предметного компонента в самом целостном значении данного фразеологизма.

Наглядная семантизация внутренней формы фразеологизма дает хорошие результаты, вызывая интерес учащихся к языковой единице, внося элементы юмора в обстановку урока и способствуя запоминанию фразеологиз-

мов. Наглядная семантизация внутренней формы возможна тогда, когда в основе значения лежит предметный образ. Изображение должно раскрывать все детали этого образа, иначе он не сформируется в сознании учащихся;

е) этимологический анализ включает в себя объяснение не только отдельных компонентов фразеологизма, но и восстановление прямого значения прототипа, то есть словосочетания, лежащего в основе фразеологизма. Это связано с тем, что в состав многих фразеологизмов входят слова, обозначающие исторические реалии и тем самым несущие информацию о национальной культуре. Объяснение этимологии, семантизация прототипа ФЕ помогает понять современное значение этой единицы.

5. Определение смысловых и формальных связей фразеологизма с контекстом:

а) многозначность значения. В значении большинства фразеологизмов присутствует номинативный (предметный, предметно-логический) компонент, обеспечивающий направленность фразеологизма на тот или иной фрагмент внеязыковой действительности. В зависимости от количества таких фрагментов фразеологизм можно считать однозначным или многозначным (двузначным или трехзначным);

б) фоновая часть значения фразеологизма или его компонентов. Поскольку фразеологическая система любого языка - это яркий показатель его национальной самобытности, специфики образного мышления народа, особенностей духовной и материальной культуры, исторических условий жизни, то именно фразеология в большей степени является отражением своеобразия и неповторимости культуры и быта того или иного народа. Отсюда, фразеология является источником страноведческих знаний. Но в то же время некоторый минимум лингвострановедческой информации необходим для правильного употребления фразеологизмов в речи;

в) отрыв категориального значения от формального лексико-грамматического статуса.

6. Определение коммуникативной функции:

а) коннотативность (эмоциональность, образность);

Эмоциональность фразеологизма, равно как и его стилевая принадлежность, должны быть отмечены всегда, когда для русской единицы нет перевода в родном языке или когда этот перевод отличается от нее по указанным характеристикам.

С точки зрения образности целесообразно уделить время объяснению тех фразеологизмов, которые на родной язык учащихся могут быть переведены сходными по значению, но отличными по форме ФЕ. Объяснение образной стороны русского фразеологизма позволяет уменьшить интерферирующее влияние со стороны компонентного состава ФЕ из родного языка.

б) стилевая принадлежность.

Таким образом, при работе с фразеологическим материалом в иностранной аудитории преподаватель должен учитывать вышеперечисленные трудности, использовать комплекс упражнений, позволяющий их снять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова Е.А. Теоретические основы обучения русской фразеологии в национальной

А.А.Навроцкий,
Челябинск

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ, МАНИФЕСТИРУЕМЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ПРИЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)

Социальный статус личности - категория сложная, многосоставная, исследуемая рядом наук интеграционного типа, в частности, социолингвистикой и психолингвистикой, а также классической социологией и педагогикой. Процесс взаимодействия и взаимовлияния социальных объектов, которые образуют смысловую иерархию и проистекают из циклической причинной обусловленности, идентифицируется как виртуальный код, не подлежащий сведению к субъективному классификационному минимуму, но также и как формально ограниченная совокупность знаков-репрезентантов, находящих отражение в конкретных текстах. Во втором случае социальный статус личности выступает в роли специфического структурообразующего фактора, закономерного для любого общества, а социальная деятельность рассматривается как совокупность действий и конструктивная координация их следствий, находящие свое отражение в речи. Данный феномен - следствие «совместного участия объектов взаимодействия в сложной, подвижной сети социальных отношений», который функционирует, «задавая способы реализации совместной деятельности, оказываясь основанием общественной солидарности» [Новейший философский словарь, 1998:656]. Социальный статус как следствие социальной деятельности может быть проанализирован с нескольких точек зрения, сосредоточивая внимание на различных институциональных или коммуникативных аспектах. Д.К. Хоманс рассматривает социальный статус личности с позиции теории обмена, исходя из способности индивидуумов к максимально конструктивному взаимодействию. Под термином «взаимодействие» понимаются все процессы, проистекающие на институциональном уровне, в то время как поддержание системы в равновесии осуществляется за счет неукоснительного соблюдения сторонами правил обмена. Т.Парсонс конституирует систему социальных статусов и отношений с опорой на следственную производную взаимодействия индивидуумов, каждый из которых одновременно и деятель, преследующий собственные цели (главная из которых - прогрессивное движение и обретение более высокого социального статуса), и объект ориентации для других деятелей. Систематическое, восходящее к исконной исторической традиции воспроизведение ситуаций межличностного взаимодействия, формирует базовые установки, обязывающие участников следовать

утвержденным социальным моделям и выполнять определенные для них социальные роли [Там же]. Таким образом, **социальный статус - результат исполнения специфических ролей, получаемых индивидами в процессе общей коммуникации**. Включение социальных значений в систему культурных детерминант обуславливает рассмотрение социального статуса личности в качестве одной из определяющих составляющих всей системы взаимодействий. Символический интеракционизм смещает смысловой акцент со стандартизации ролевого поведения на закономерности формирования значений и переопределения ситуации в процессе социального взаимодействия. «Социальный мир... актуализируется в виде интерсубъективного мира значений, повседневно конструируемых посредством общих жестов, символов и языка, и интерпретируется в терминах объективированных и осмысленных ожиданий» [Новейший философский словарь, 1998:656].

Фразеологизмы признака, манифестирующие социальный статус личности в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», несмотря на свою компонентно-структурную разнородность, в содержательном плане представляют собой безусловную целостность. В качестве свойств анализируемых фразеологизмов в романе отмечаем: а) особую «центростремительную» дифференциацию единиц на смысловые группы согласно их семантической специфике, способствующую первичной систематизации; б) предельность градации смысловых групп социального статуса, которая выражается в процессах семантической интеграции, превалирующей над стремлением ряда фразем к структурно-содержательной обособленности; в) содержательную сложность, «многослойность»; г) жесткую текстовую закреплённость, прагматическую событийность.

Предлагаемый семантический процесс систематизации фразеологизмов признака, манифестирующих социальный статус личности, учитывает содержательные особенности, валентностные характеристики, дискурсивную соотносённость единиц и в процессе углубления исследования не исключает возможности быть расширенным и уточненным.

Исходными, базовыми являются фразеологизмы со значением **«обладание определенным социальным статусом»**. Представляемые фразеологизмы объединены типовой признаковой семантикой: «принадлежащий к определенной социальной группе, являющийся членом сложившейся общности по праву рождения или по каким-либо иным обстоятельствам». Например, *И смешно: мы всегда были люди **среднего круга**, самого среднего, какого только можно быть; зачем же лезть в тот великосветский круг?* (с.542). *Среднего круга* - «занимающий в общественной иерархии срединное положение, социально успешный, но не принадлежащий к высшим правящим слоям, общественной элите». *Его, впрочем, в свете уже давно знали; это был там уже свой человек, хотя и молодой человек* (с.555). *Свой человек* - «прочно входящий в какую-либо социальную группу, общность, пользующийся равными со всеми ее членами правами». *А между тем, если бы только ведали эти судьбы, что происходило иногда на душе у Ивана Федоровича, так хорошо **знавшего свое место!*** (с.17). *Знающий (-ая; -ие)* (*знавший, -ая; ие*) (*свое*) *место* - «адекватно оценивающий собственное социальное положение».

ние, действующий, исходя из понимания степени своей значимости».

Смысловое поле фразеологизмов признака, репрезентирующих социальный статус личности, у Ф.М. Достоевского неоднородно, что, несомненно, является отражением специфического философского взгляда автора на мир и человеческое общество. В данном поле представлены также фраземы, манифестирующие смысл: «прогрессивное, конструктивное движение по социальной лестнице»: *Почти в то же самое время и Афанасий Иванович Тоцкий, человек высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства, опять обнаружил свое старинное желание жениться* (с.41). *С высшими связями* - «крайне авторитетный и влиятельный, покровительствующий, обладающий большими возможностями решения проблем разного рода; знакомый с высшими чинами, способствующими утверждению его социального статуса». Фразеологизм, номинируя социальный статус, выражает позитивную характеристику высокой оценочной градации как следствие деятельности лица в прошлом. Выявленное значение анализируемого фразеологизма *с высшими связями* (кто-либо) поддерживается содержанием фраземы, находящейся с анализируемой в одном контекстуальном ряду и номинирующей также социальный статус, - *высшего света*, а также словосочетанием, характеризующим материальный достаток лица, - *необыкновенного богатства*. Фразеологизм *с большими связями* выделяем как инвариант анализируемой единицы: *Слыл он человеком с большими деньгами, с большими занятиями и с большими связями* (с.16); отмечаем схожее содержательно-контекстуальное наполнение предложения, специфику дискурсивного моделирования автора. Представлены фразеологизмы, номинирующие смысл: «регрессивное, деструктивное движение по социальной лестнице»: *Прежде всего уж то, что «этот князишка» - больной идиот, второе - дурак, ни света не знает, ни места в свете не имеет: кому его покажешь, куда приткнешь? демократ какой-то непозволительный, даже и чинишка-то нет, и... и... и... что скажет Белоконская?* (с.525). *Места в свете не иметь, места нет; нет места (у кого-либо)* - «такой, который в социальном плане не принадлежит ни к какой влиятельной общественной группе, изгой среди представителей высших правящих кругов».

Как видно из текстовых примеров, фразеологизмы признака в дискурсивном пространстве романа Ф.М. Достоевского формируют общее смысловое поле, в котором каждая из фразем выполняет важную конструирующую, конституирующую функцию. Базовая группа фразеологических единиц на фоне остальных выделяется признаковой смысловой ядерной завершенностью, предельностью и интерпретируется автором в целом положительно. По Ф.М. Достоевскому, закрепленность социальных статусов способствует гармонизации общественных отношений и бесконфликтна по определению. Сопоставительно-противопоставительные группы фразеологизмов подчеркнута динамичны, в условиях текстовой картины мира образуют бинарную оппозицию, в которой обладатель обнаруженного социального статуса конструктивно/деструктивно оппозиционен стороннему деятелю, активно способствующему преобразованию его (обладателя) исконной общественной роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / Сост. Г.К.Щенников, А.А.Алексеев. - Челябинск, 1997. - 272 с.
2. Новейший философский словарь / Под ред. А.А.Грицанова. - Минск, 1998. - 1280 с.
3. Помыкалова, Т.Е. Русские ФЕ признака: словарный опыт / Т.Е.Помыкалова. - Челябинск, 2005. - 387 с.
4. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В.П.Руднев. - М., 1997. - 384 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. - М., 1986. - 543 с.

ИСТОЧНИК:

Достоевский, Ф.М. Идиом / Ф.М.Достоевский. - М., 1998. - 640 с.

Е.Б. Никонова,
Курган

СТРУКТУРНЫЕ ЧАСТИ СИНОНИМО- АНТОНИМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Синонимо-антонимическая парадигма процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния - это определенным образом структурированное единство фразеологических синонимов и антонимов, объединенных совокупностью объединительно-различительных признаков. Например:

Ряд А - НАЧАТЬСЯ • Сдвинуться с мертвой точки, заварилось дело (разг.), пошла писать губерния (разг., ирон.), пошло-поехало (разг., неодобр.), сырбор загорелся (горит) (разг., ирон.);

ряд Б - ПРЕКРАТИТЬСЯ • Сойти на нет, сойти к нулю, как не бывало (разг.), [все] как (словно, точно) рукой сняло (разг.).

Фразеологические синонимы в синонимическом ряду имеют различия семантического и/или экспрессивно-стилистического характера. На основе данных дифференциальных признаков можно разделить синонимо-антонимическую парадигму на ядро, центр и периферию. Ядро парадигмы составляют стилистически нейтральные фразеологические единицы с наиболее общим значением. Например:

Ряд А - ЗАПОМНИТЬ • Удержать в памяти, взять на заметку, завязать узелок [на память] (разг.), намотать [себе] на ус (разг.), зарубить [себе] на носу (разг.), зарубить на стене (на стенке) (устар.);

ряд Б - ЗАБЫТЬ • Выпустить из памяти, упустить (выпустить) из виду, вырвать из души (из сердца), выбросить из головы, вычеркнуть из памяти, забыть и думать, сдать в архив (книжн.), предать забвению (книжн., высок.), вылетело (выветрилось) из головы (из ума, из памяти) (разг.), отшибло память (разг.), захлестнуло память (разг.).

Ядро данной парадигмы составляют охваченные антонимическими отношениями фразеологизмы: **удержать в памяти «запомнить» - выпустить из**

памяти «перестать помнить». Рассматриваемые фразеологические единицы обладают наиболее общим значением, нейтральны по стилистической окраске. Данная антонимическая пара является основополагающей в структуре парадигмы, она возглавляет два противоположных по своей семантике синонимических ряда. Однако далеко не во всех синонимических рядах есть стилистически нейтральные фразеологизмы, не осложненные оттенками значения. Это связано с тем, что одной из составляющих семантических компонентов во фразеологических единицах являются коннотативные компоненты, способствующие экспрессивности и эмоциональной окрашенности, стилистической яркости и индивидуальности каждого фразеологизма. В связи с этим, ядро синонимно-антонимической парадигмы может составлять один фразеологизм. Например:

Ряд А - БЛАЖЕНСТВОВАТЬ • Охватило блаженство, быть (чувствовать себя) на седьмом небе, быть (чувствовать себя) на веру блаженства (книжн.), кружиться в вихре блаженства (книжн.), летать на крыльях блаженства (книжн.), ловить кайф (прост.);

ряд Б - СТРАДАТЬ • Выпала горькая доля, испить (выпить) [полную] чашу (книжн., высок.), испить (выпить, допить) [горькую] чашу [до дна] (книжн., высок.), хватить (хлебнуть) горя (разг.), хватить (хлебнуть) горького до слез (разг.), хватить (хлебнуть) лиха (разг.), жизнь изжевала (исчавкала) (разг.).

Ядро данной парадигмы составляет стилистически нейтральный фразеологизм **охватило блаженство** «блаженствовать». Остальные фразеологические единицы стилистически окрашены или осложнены оттенками значения, они формируют центр и периферию парадигмы, выступая в качестве одного из факторов, определяющих функционирование парадигмы.

Важнейшим различительным признаком между фразеологизмами в синонимическом ряду является различие по значению, традиционно именуемое различием в оттенках значения. В синонимических словарях фразеологизмов это различие передается толкованием значений отдельных синонимов внутри синонимического ряда.

Так, например, в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой: «**Держать себя в руках (в узде); держать себя в кулаке.** Сдерживать свои чувства, быть спокойным. **Умерить свой пыл.** Сдерживать свои порывы, заставлять себя быть спокойным. **Зажать волю в кулак.** Сильным усилием воли заставлять себя сдерживаться (или делать что-л.)» [Словарь; 220]. Внимание обращается на отличие в значениях толкуемого синонима и других синонимов. В то же время эти толкования индивидуальны, неповторимы, в них трудно обнаружить какие-либо типовые отличительные признаки, какие-либо закономерности, которые можно было бы распространить на другие синонимические ряды.

Семантические синонимы образуют центр синонимно-антонимической парадигмы. Например:

Ряд А - Потерять сознание, упасть в обморок, впасть в беспамятство (книжн.), лишиться чувств (книжн.), упасть без чувств (книжн.), выбило (вышибло) из ума (разг.);

ряд Б - ОЧНУТЬСЯ • Прийти в сознание, прийти в чувства, вернулось созна-

ние, вернулся рассудок, прийти в себя, светает в мозгах (разг.), прийти в рассудок (устар.).

Ядро данной парадигмы составляют фразеологизмы: **потерять сознание, упасть в обморок - прийти в сознание, прийти в чувства**. Центр парадигмы образуют стилистически нейтральные фразеологизмы второго синонимического ряда, осложненные оттенками значения (семантические синонимы): **вернулось сознание, вернулся рассудок** «обретать возможность здраво рассуждать»; **прийти в себя** «выйти из обморочного состояния, из забытья, из состояния сильного опьянения и т.п.». Остальные фразеологические единицы стилистически окрашены, они формируют периферию парадигмы.

Таким образом, центр синонимо-антонимической парадигмы составляют осложненные оттенками значения стилистически нейтральные фразеологизмы (семантические синонимы).

Ближнюю периферию образуют стилистически маркированные фразеологизмы (стилистические синонимы), дальнюю периферию составляют смешанные синонимы, на окраине периферии находятся устаревшие фразеологические единицы. Например:

Ряд А - ОБОДРИТЬСЯ • Воспрянуть духом, воспрянуть ото сна, воскреснуть духом, поднять борт (разг.), воспарить духом (устар.);

ряд Б - ПРИУНЫТЬ • Упасть духом, опустить руки, опустить крылья, вешать голову (разг.), вешать нос [на квинту] (разг., иногда шутил.).

Ядро данной парадигмы составляют охваченные антонимическими отношениями фразеологизмы: **воспрянуть духом - упасть духом**.

Центр парадигмы формируют осложненные оттенками значения стилистически нейтральные фразеологизмы: **воспрянуть ото сна, воскреснуть духом** «выйти из состояния апатии, подавленности, застоя; оживиться, пробудиться»; **опустить руки** «утрачивать способность или желание действовать, делать что-либо»; **опустить крылья** «становиться пассивным, инертным, бездеятельным».

На ближней периферии находится разговорный фразеологизм: **поднять борт**.

Дальнюю периферию составляют стилистически маркированные фразеологические единицы, осложненные оттенками значения (смешанные синонимы): **вешать голову, вешать нос [на квинту]** (разг., иногда шутил.) «приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться».

На окраине периферии находится устаревшая фразеологическая единица **воспарить духом**.

Таким образом, структура синонимо-антонимической парадигмы представляет собой сферу, фразеологизмы располагаются слоями на разном удалении от ядра. Интегральные семантические компоненты способствуют объединению фразеологизмов в одну парадигму, с помощью дифференциальных компонентов происходит разделение парадигмы на ядро, центр и периферию. Интегральные признаки - категориальное значение процессуальности, субкатегориальное значение процессуального состояния, групповое значение (психическое, физическое, биологическое, социальное состояние); диф-

ференциальные признаки - индивидуальное фразеологическое значение, стилистическая и экспрессивно-эмоциональная окрашенность фразеологической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 7000 фразеологизмов, свыше 900 синонимич. рядов / Под. ред. В.М. Мокиенко. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 496 с.*

Н.В. Обвинцева,
Челябинск

ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Объектом нашего исследования является семантическое поле глаголов восприятия в английском и русском языках. По семантическому признаку это поле включает в себя три микрополя, которые отражают основные типы восприятия:

- 1) микрополе зрительного восприятия
- 2) микрополе слухового восприятия
- 3) микрополе осязания.

Микрополе глаголов зрительного восприятия в составе фразеологизмов представлено большим количеством в отличие от двух других в сопоставляемых языках. Всего в этом микрополе мы исследуем 52 русских и 43 английских фразеологизма.

Фразеология этих двух языков достаточно богата, и в данном микрополе можно найти фразеологические единицы, имеющие полные или частичные эквиваленты в обоих языках. Наряду с ними также в сопоставляемых языках существуют фразеологизмы безэквивалентные.

- *Дареному коню в зубы не смотрят* - *Look not a gift horse in the mouth*
- *Смотреть сквозь пальцы на что-либо* - *To look through one's fingers*
- *Видеть все в розовом цвете* - *To see something through rose-colored glasses*
- *Смотреть в корень* - *Get to the root of something*
- *Смотреть кому-нибудь в рот* - *To hang on someones' every word*
- *Смотреть в оба* - *Keep one's eyes open\skinned*
- *Не видеть дальше своего носа* - *Not see an inch before one's nose*
- *I'll see you damned (как бы не так)*

Если рассматривать классификацию фразеологизмов с точки зрения В.В. Виноградова, то в этом микрополе в русском и английском языках можно выделить фразеологические единства:

- Смотреть [глядеть] в корень \ to get to the root of something*
- Смотреть [глядеть] в глаза [в лицо] правде \ to face the truth*
- Смотреть в рот \ to hang on someone's every word*

Смотреть сверху вниз \ to look down your nose at something
Смотреть сквозь розовые очки (видеть в розовом цвете) \ to see something through rose-coloured glasses

и фразеологические сочетания:

Не видать [видеть], как своих ушей \ to see neither hide nor hair of something
Как [будто, словно, точно] в воду глядел [смотрел].

Смотреть прямо в глаза \ to look somebody in the eye/face

Смотреть [глядеть] в глаза [в лицо] чему \ to look something in the face

Конца-краю не видать \ no end in sight

Рассматривая фразеологические единства и сочетания, имеющие полные или частичные эквиваленты в русском и английском языках, можно заметить различия в их семантической структуре.

Смотреть в корень

1) Этимологически является известным афоризмом Козьмы Пруткина, восходящим к латинскому *Respice finem!* - буквально «Гляди в конец!».

Значение фразеологизма - вникать в суть чего-либо, обращать внимание на самое существенное, главное в каком-либо деле, явлении, обстоятельстве.

2) Значения, в которых реализуются компоненты фразеологизма:

Смотреть - направлять взгляд куда-либо, чтобы увидеть, осматривать, обозревать с целью ознакомления, проверки, выяснения чего-либо.

Корень понимается не как часть растения, а как главное, основное, без чего не может существовать предмет, актуализируется значение - начало, основа, источник чего-либо.

В основе образа фразеологизма лежит основанное на смежности понятий метонимическое отождествление «корень - начало, основа, источник чего-либо, основное, без чего не может существовать предмет, основание».

To get to the root of something

1) Значение фразеологизма - *to look deep into the matter, to investigate the matter thoroughly, to try to grasp the crux of a matter.*

2) Значения, в которых реализуются компоненты фразеологизма:

Get to - прилагая усилия, узнать или понять что-либо.

Root - начало, основа, источник чего-либо.

В основе образа фразеологизма, как и в русском языке, лежит метонимическое отождествление, но следует обратить внимание на различия в семантической структуре русского и английского фразеологизма. Оно заключается в том, что в русском языке глагол *смотреть* подразумевает лишь созерцание субъектом объекта (сути чего-либо, «корня»), тогда как в английском языке глагол *get* подразумевает активную деятельность субъекта по отношению к объекту.

Видеть все в розовом цвете [свете]

1) Является калькой с фр. *Voit tout couleur de rose*. Значение фразеологизма - смотреть на мир благодушно, неоправданно оптимистически.

2) Значения, в которых реализуются компоненты фразеологизма:

Видеть - воспринимать зрительно и интеллектуально, эмоционально.

Розовый - бледно-красный.

Цвет - сочетание красок, колорит. Словосочетание розовый цвет понимается как особо нежный цветовой оттенок, приятный для восприятия.

To see something through rose-coloured glasses

1) Значение фразеологизма - to be very optimistic, to see facts as better as or more pleasant than they actually are.

2) Значения, в которых реализуются компоненты фразеологизма:

See - воспринимать зрительно и интеллектуально, эмоционально.

Rose-coloured - бледно-красный

Glasses - оптический прибор

Метафорически "*rose-coloured glasses*" подразумевают окрашивание действительности в приятные и беззаботные тона.

В обоих языках образ фразеологизма в целом основан на символике розового цвета. Восходит к английскому обороту *in the pink* «в розовом цвете», «в добром здравии». Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем, благополучием, с благодушием, совершенством.

Различия в семантике русского и английского фразеологизма заключается в том, что в русском языке субъект непосредственно сам, без постороннего вмешательства воспринимает объект «в розовом цвете», в то время как в английском языке содержится указание на то, что между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом есть некоторый посредник (*glasses*), влияющий на характер восприятия объекта и формирующий его образ в сознании говорящего.

Лексический анализ ФЕ этого микрополя показывает, что в большинстве своем они образованы от лексических единиц, которые несут основную смысловую нагрузку всего микрополя: *видеть, смотреть* - в русском языке, *see, look* - в английском. Таким образом, встает вопрос, почему другие глаголы этого микрополя почти не встречаются в составе фразеологизмов. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать данные глаголы с семантической и этимологической точек зрения.

С семантической точки зрения эти глаголы являются многозначными, а также наиболее полно передающими лексическое значение всего микрополя. В синонимических рядах эти глаголы являются лексическими доминантами.

С точки зрения стилистической и словообразовательной они являются нейтральными и производящими, то есть их основа служит для образования новых слов в этом микрополе. Обратившись к этимологии данных глаголов, можно предположить, что они являются одними из первых глаголов в данном микрополе, из чего следует, что исторически они вступали в большее количество синтагматических связей.

На основе вышесказанного можно предположить, что эти глаголы обладают этимологически и семантически большей способностью, чем остальные глаголы этого микрополя, к образованию на их основе фразеологических единиц.

Рассмотрев в сопоставительном плане глагольные фразеологизмы семантического поля глаголов зрительного восприятия в английском и русском языках, мы обнаружили, что среди них преобладают фразеологические единства и фразеологические сочетания, тогда как фразеологические сращения практически отсутствуют. Эта тенденция прослеживается в обоих языках. Таким

образом, встает вопрос о том, в группах фразеологизмов каких глаголов чаще встречаются сращения и почему они практически отсутствуют в русском языке с такими глаголами как *видеть*, *глядеть* и *смотреть*, и в английском языке с глаголами *look* и *see*.

Одним из объяснений может служить то, что эти глаголы являются многозначными и, таким образом, обладают большей способностью как к семантической, так и к словообразовательной мотивированности. Так как парадигматические связи многозначных слов являются особенно многочисленными, сложными и предопределяют конкретные синтагматические связи, то эти глаголы обладают активной валентностью и широкой семантической дистрибуцией.

Тогда возникает следующий вопрос - является ли это закономерностью для всех многозначных глаголов в обоих языках, как зависит тип фразеологических единиц конкретного глагола от количества его значений (и если да, то в какой степени). Ответы на эти вопросы можно найти только после более глубокого анализа глагольных фразеологизмов различных семантических полей.

К.А. Осинцева,
Снежинск

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МНОГОСЛОЙНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА: НОМИНАЦИИ ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ» Б. АКУНИНА)

Современная фразеологическая наука и в своих теоретических поисках, и в практическом материале активно развивает сегодня идею антропоцентризма, то есть идею, подчеркивающую центрацию человека (субъекта) в действительности: в фокусе исследований должен и оказывается человек как центр всего существующего в реальности. Среди аспектов антропоцентрической идеи важнейшим является семантический: все проходит через семантику, все связано с семантикой.

Во фразеологическом тезаурусе, по мнению Т.Е. Помыкаловой, **признаковые** фразеологические единицы являются «такими языковыми компетенциями, которые представляют чрезвычайно развивающуюся часть фразеологического фонда, ибо фраземы признака можно назвать **семантическими дифференциалами**, а также фразеологическими **семантическими феноменами**, так как они отражают семантическое углубление процесса номинаций в сторону усложнения и осложнения **оценочной** характеристики» [Помыкалова 2004: 87].

В представляемой статье одним из основных, опорных, понятий стало понятие «облик». В XIX веке значение этого слова было таковым: «склад и черты лица, общность вида и выражения лица, физиономия» [Даль 1996: 596], в XX

веке определение данной категории было уточнено и расширено: «1. Очертание, наружность, общий вид. 2. перен. Душевный склад, характер» [Ожегов 1997: 430].

Среди фразеологических номинаций особенно часто и активно в выражении антропоцентрических характеристик, по авторскому материалу, используются собственно фразеологизмы признака (аналоги прилагательного), репрезентирующие облик человека, типа: *в шестилетнем возрасте (кто-либо) (кто-либо) в шестилетнем возрасте* (модель - *в (каком-либо) возрасте*); *(очень) (даже) недурен (-а; -ы) собой (собой (собой (собой) недурен, -а; -ы)*; *в шляпе (кто-либо) (кто-либо в шляпе) др.*, а также глагольные (аналоги глагола) ФЕ, изменяющие свою категориальную идею процесса на признак и характеризующие облик человека по оценке процесса, типа: *заливаться хохотом (хохотом заливаться)*; *пить кружками (бутылками) (красное вино) (кружками (бутылками) (красное вино) пить* (фиксируется чаще в форме прошедшего времени).

ПОЗИТИВНЫЕ ФЕ ПРИЗНАКА

По наблюдению, все представленные фразеологические единицы (далее ФЕ - К.О.) признака, номинирующие облик человека в рассматриваемом художественном пространстве, логично распределяются на два объединения по семантической оценке облика субъекта: **негативные** ФЕ и **позитивные** ФЕ. Данные объединения конкретизируются за счет групп, входящих в каждое из них.

Одну из самых представленных количественно и семантически разноплановую составляет в анализируемом семантическом объединении группа единиц, называющих «Позитивную характеристику облика человека по чертам лица». В качестве примера из исследуемого текста приводим фразу (*очень) (даже) недурен (-а; -ы) собой (собой (собой (собой) недурен, -а; -ы)*), которая имеет сокращенную парадигму, то есть не реализует падежных изменений. По валентностной характеристике данная единица, по картотеке, соотносится с именем собственным Гасан-бей, ее частное значение квалифицируем таким образом: «весьма симпатичный, привлекательный». Смысл «привлекательный по облику» связан с позитивными же свойствами, или чертами, характера лица - отважный, а также с проявлениями одаренности человека (интеллектуальная характеристика субъекта) превосходно исполнял итальянские арии. Указанное сращение смыслов выявляется по широкому дискурсу, то есть, как показало наблюдение, частное значение ФЕ, номинирующих облик человека, чаще всего не бывает семантически «чистым»: содержание осложняется в зависимости от дискурсивной ситуации. Например, для анализируемой фраземы важны дискурсивные характеристики: пользовался популярностью у красавиц и др. Сравните, ***Звали офицера Гасан-бей, красавице Михри-ханум он приходился братом и у придворных прелестниц пользовался невероятной популярностью, ибо был очень недурен собой, отважен и превосходно исполнял итальянские арии. Все называли Гасан-бея просто Черкес (с. 55).***

Представляемую группу, таким образом, уточняем по названию «Позитивная характеристика облика человека по чертам лица, которая в гармонии с интеллектуальной характеристикой, свойствами характера, а также и с мо-

ральными принципами лица».

«Красоту, привлекательность, приятность лица человека могут передавать фразеологизмы, в составе которых находятся имена существительные, обозначающие часть тела» [Помыкалова 2006: 91], но при этом данные ФЕ передают не только внешний облик, но и реализуют другие значения, проявляя явную многослойность. Указанные структуры входят также в представляемую группу. Например, *Она увидела бледное и, несмотря на седоватые виски, очень молодое, почти мальчишеское лицо с холодными голубыми глазами, тонкими усиками* (с. 15).

ФЕ *с холодными голубыми глазами; с тонкими усиками* «рисуют» портрет человека через актуализацию содержания: «красивый симпатичный, приятной наружности (внешний облик - **ядерное** значение) + молодой (возрастная характеристика)», что подтверждает дискурс, а именно - фразема *мальчишеское лицо (лицо мальчишеское)*, непосредственно указывающая на возраст. Данное положение аргументирует следующий дискурсивный фрагмент: - Я не про себя, про Фандорина, - объяснил гусар. - Ему ведь двадцать один год всего. - Кому, Эрсту Петровичу!? - ахнула Варя. - Бросьте, мне и то двадцать два....> Но она не слушала, пораженная сообщением. Фандорину только двадцать один? Двадцать один!? Невероятно! (с. 114).

Текстовое представление фраземы *с холодными голубыми глазами* дает основание для выделения добавочных семантических смыслов: «спокойный, сдержанный, переживший большие потрясения, жизненные катаклизмы, необычайный стресс (эмоционально-психологическая характеристика) и, как следствие, не допускающий к себе слишком близко, недоверчивый - как результат, «одинокий» (социальная характеристика)». Последние значения аргументируются содержанием предыдущего романа «Азазель», который также входит в цикл романов о приключениях тайного советника Эрста Петровича Фандорина: в день свадьбы юная жена Фандорина погибла от взрыва бомбы. [«Азазель»: 2005]. Не зная о случившемся, Варя удивленно восклицает: *Отчего же, Эрст Петрович, вас так приморозило?* («Турецкий гамбит», с. 114). Глагол *приморозило* заостряет внимание читателя на облике юноши, буквально «сделало седым».

Помимо непосредственной характеристики облика человека по чертам лица, а также психологической и социальной характеристики лица, в содержании фраземы *с холодными голубыми глазами* актуализируются и дополнительные смыслы: «задумчивый, размышляющий, подвергающий все тщательному анализу» (интеллектуальная характеристика), что также подтверждается развернутым дискурсом: *То-то Казанзак его “вундеркиндом” обозвал* (с. 114).

Значение ФЕ *с тонкими усиками* требует также дальнейшего уточнения; думается, что в содержании указанной фраземы содержится и такая номинация внешнего облика человека, которая заключается в словах-квалификаторах «соответствующий своему времени по облику, стильный».

Проведенный анализ единиц фразеологического признака показал: наиболее активным классным объединением, номинирующим облик субъекта, то есть связанным с современной антропоцентрической парадигмой, оказы-

вается класс, в котором фразеологизмы признака представляют позитивную оценочность. Указанное содержание не является по дискурсу семантически «абсолютно чистым». Семантика таких фразеологизмов признака всегда многослойна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4тт. -Т.2: И-О-Оформл. «Диамант» / В.И. Даль. - СПб.: ТОО «Диамант», 1996. - С. 569
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. - Екатеринбург: «Урал-Советы» («Весть»), 1994. - 800 с.
3. Помыкалова, Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: монография / Т.Е. Помыкалова. - Челябинск: Изд-во РЕКПОЛ, 2006. - 250 с.

ИСТОЧНИК:

Акунин, Б. Турецкий гамбит / Б. Акунин. - М., Захаров, 2005. - 273 с.

И.С. Пануша,
Москва

ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Фразеология современного русского языка - это вся масса устойчивых сочетаний, которые, как и слова, воспроизводятся, «извлекаются из памяти» (Шанский: 1985, 21) в готовом виде в момент построения высказывания, составляя один из его семантико-грамматических элементов, стоящих по лингвистической градации на один порядок выше слова. Более того, фразеологизмы близки к паремиям (пословицам, поговоркам и другим малым жанрам устного народного творчества), занимая «промежуточное место между словами, с одной стороны, и пословицами и поговорками - с другой» (Пермяков: 1970, 50).

Большая часть фразеологизмов русского языка имеет образный характер в отличие от устойчивых выражений деловой речи, фразеологизмов-терминов, которые оказываются единственными для выражения обозначаемых ими явлений: в языке нет слов или других устойчивых словосочетаний, способных передать то же самое; эти фразеологизмы не имеют в языке синонимов; они не содержат оценки, однозначны, обычно употребляются в своих прямых значениях. Образность же возникает обычно тогда, когда между двумя явлениями устанавливается связь, и наряду с семантической емкостью, эмоционально-экспрессивной окрашенностью, разнообразием ассоциативных связей, она составляет специфику устойчивых сочетаний слов. Выражение эмоционального, субъективного начала в речи, оценочность, смысловая насыщенность фразеологизма действуют постоянно, независимо от воли говорящего. Все стилистические особенности данной группы фразеологических единиц делают их активным языковым средством, позволяющим значительно увеличить эффект высказывания. Умение использовать фразеологизмы по-

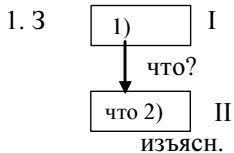
могает немногими словами сказать многое, поскольку они определяют не только предмет, но и его признак, не только действие, но и его обстоятельство. Усложнённость семантики фразеологизмов отличает их от однословных синонимов.

На сегодняшний день существует много методических приёмов, позволяющих расширять фразеологический запас человека и успешно употреблять фразеологизмы в речи. Например, подбор к ним слов-синонимов, слов-антонимов, синонимичных фразеологизмов, антонимичных фразеологизмов; построение ряда фразеологизмов с общим для них словом; сопоставление фразеологизма и свободного словосочетания с одинаковым набором слов; составление небольшого рассказа с использованием фразеологизма; исправление ошибок в использовании фразеологизмов и т.п. Не умаляя роли данных способов расширения фразеологического запаса человека, дающих возможность последующего свободного воспроизведения фразеологизмов в речи, нельзя игнорировать такой приём, как анализ сложного синтаксического целого (ССЦ), содержащего фразеологизм. Сложное синтаксическое целое, являясь средством тематического развертывания текста, его тематической делимитации и интеграции, имеет прямое отношение к композиции, стилевому и художественному своеобразию произведения. Функциональную значимость любой языковой единицы можно выявить, исходя «не из предложения, а из понятия сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, служащей для выражения сложной законченной мысли, имеющей в составе окружающего её контекста относительную независимость, которой обычно лишено отдельное предложение в контексте связной речи» (Поспелов, 1969: 51).

Продемонстрируем данное положение на анализе сложного синтаксического целого из повести В.Аксёнова «Затоваренная бочкотара» (римские цифры обозначают номер предикативной части по порядку, арабские цифры - номер предложения по порядку; Т - тема сложного синтаксического целого, З - его зачин, К - его концовка, условные обозначения членов предложения - традиционные):

К тому же добавляем (I), что старик Мочёнкин дед Иван дал сыну в руки верную профессию: научил кастрировать ягнят и поросят, дал ему, малоактивному, верную шабашку, можно сказать, обеспечил по гроб жизни (II) (1). По сути дела, и радиоло «Урал», и шифоньерка, и мотоцикл, хоть и без хода, - всё дело рук старика Мочёнкина (III) (3).

Тему данного сложного синтаксического целого можно определить по концовке - "Дело рук старика". Его структура может быть представлена следующей схемой:

2) ○ : ○ = , ○ = , ○ =

обособ. опред., выраж. одиноч. им. прил.
вводное слово

2. КТ III

вводное словосочетание

обособ. опред., выраж. оборотом с «хот»

и ○ - , и ○ - , и ○ - - ○

В данном сложном синтаксическом целом можно выделить четыре фразеологические единицы: *(дал) в руки (профессию)*, *по гроб жизни*, *по сути дела*, *дело рук*. Первый фразеологизм не зафиксирован ни одним из фразеологических и толковых словарей русского языка. Авторы «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, определяя компонентный состав фразеологизма и, в частности, трудности отграничения компонентов фразеологизма от слов контекста, отмечают, что означенные трудности «часто бывают связаны с тем, что та или иная фразеологическая единица ещё не получила чётко выраженной лексико-грамматической характеристики» (1987, 10). Фразеологизм *в руки* не имеет в словаре дефиниции «научить» - значение приобретено непосредственно в границах анализируемого сложного синтаксического целого в сочетании с глаголом «дать» и существительным «профессия» в винительном падеже. Фразеологизм *по гроб жизни* соответствует значению, указанному в словаре - «до самой смерти, до конца жизни». Использованный автором вариант *по сути дела* дублирует общепотребительный фразеологизм *на деле* («по существу, на практике, в действительности»): нарочито применён плеоназм (сам фразеологизм + часть толкования, с изменением стилистической окраски и грамматической формы). Словосочетание *дело рук* также словарями не отмечено как фразеологизм: можно говорить о нём как о штампе, клише.

В то же время в рамках одного сложного синтаксического целого все отмеченные единицы воспринимаются как устойчивые выражения, реализуя номинативную функцию. Во-первых, три из них попарно имеют общий член (разные словоформы одного слова): *дал в руки* - *дело рук*, *по сути дела* - *дело рук*, что свидетельствует об исполнении данными фразеологизмами функции собственно межфразового средства связи сложного синтаксического целого. Этот же факт на грамматическом уровне - показатель авторского «акцентирования» данных единиц: они входят в гермы - структурно активные точки ССЦ, отражающие целеустановку автора. Во-вторых, первый фразеологизм входит в состав сказуемого второй предикативной части первого предложения, и пос-

ледний фразеологизм - сказуемое третьего предложения: автор акцентирует внимание реципиента идентичными грамматическими средствами. *Дал в руки* - обобщающий член ряда однородных членов, сказуемое *дело рук* входит в предикативный центр, подлежащее которого - обобщающий член ряда однородных членов; первый обобщающий член находится перед рядом однородных членов, второй обобщающий член - после ряда однородных членов; структуры рядов однородных членов - обратно-параллельны относительно друг друга, что является собственно межфразовым средством связи ССЦ. На схеме можно видеть, как употреблённые фразеологизмы фиксируют форму сложного синтаксического целого, представляя сигналы его зачина и концовки. Сигналом концовки является и вводное сочетание последнего предложения сложного синтаксического целого, выраженного фразеологизмом *по сути дела*. Тема сложного синтаксического целого определена последним использованным фразеологизмом, что бывает крайне редко и свидетельствует о сингулярности авторской матрицы. Все фразеологизмы данного сложного синтаксического целого - средство характеристики «старика Мочёнкина деда Ивана», так как само ССЦ - несобственно-прямая речь. Таким образом, можно говорить о том, что в рамках сложного синтаксического целого фразеологизм выполняет особые функции: является средством собственно межфразовой связи ССЦ, позиционирует целеустановку автора, вносит дополнительные коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - М., 1987.
2. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. - М.: Наука, 1970.
3. Поспелов Н.С. Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях / Н.С. Поспелов // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. - М., 1969.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М.: «Русский язык», 1987.
5. Сорокин Ю.А. Текст, цельность, связность, эмотивность. //Аспекты общей и частной лингвистики теории текста. - М., 1982.

С.А. Песина,
Магнитогорск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИСЕМАНТОВ В МЕХАНИЗМАХ РЕЧЕПРОИЗВОДСТВА

Несмотря на то, что фразеология как лингвистическая дисциплина прошла за короткое время большой путь развития, многие фундаментальные вопросы не только не решены однозначно, но даже приобрели характер «вечных» (например, что считать фразеологической единицей, каковы ее категориальные признаки и т.д.). Сложности вызывают высокая степень влияния экстралингвистических факторов, частая сменяемость одних фразеологизмов другими, внутренняя разнородность, их семантическая избыточность. Выход

из этой ситуации был найден путем соглашения о значительной роли условности в определении предмета фразеологических исследований. «Корпус фразеологизмов - это не данные в языке единицы, а выделенные исследователями в соответствии с теми или иными критериями» [Телия, 1996:81].

Цель данной статьи заключается в изложении нашего представления о механизмах интерпретации фразеологических единиц. Следуя традиционным представлениям, следует признать, что при интерпретации устойчивых словосочетаний в сознании слушающего происходит выбор из множества значений одного, необходимого для адекватного понимания высказывания. Одновременно буквальное значение как бы стирается и фразеологизм «приобретает» новое переносное значение.

Исследование ФЕ в антропоцентричной парадигме осуществляется с учетом когнитивных подходов. Так, в ходе исследований, проводимых психолингвистами, было доказано, что языковое сознание, т.е. лексикон, не представляет собой «склад» значений, следовательно, в ходе коммуникативного цейтнота нет времени на трудоемкий процесс соотнесения предъявляемой языковой формы с множеством значений и выбор единственного из них. Как известно, значение всего фразеологизма не равно буквальным значениям входящих в него слов, тем не менее, не следует недооценивать роль первого номинативно-непроизводного значения. Именно к первым значениям апеллирует сознание коммуниканта при декодировании ФЕ, и на них опирается говорящий, актуализируя, в особенности нетривиальные, устойчивые выражения.

В качестве иллюстрации вышесказанного приведем ряд фразеологизмов со словом sleeve: have an ace up your sleeve/have a card up your sleeve - to have an advantage that other people do not know about. - The new game show has an ace up its sleeve. It will allow viewers to play from home and win prizes; I still had a card up my sleeve in the form of a letter from his father. Данный фразеологизм основан на следующем образе: *a man with a card/ace up his sleeve.* Источником возникновения фразеологизма является карточная игра: шулеры часто прятали нужную карту в рукаве, в результате «карта в рукаве» стала символом тайного преимущества. Значение sleeve в данном сочетании не переосмыслено, генерирование его смысла происходит с опорой на системное значение, равное первому номинативно-непроизводному значению - sleeve (1) *a part of my garment that covers all or part of my arm.*

В толковании следующего фразеологизма исходный когнитивный образ не сохранен, идиома представлена как «стертая метафора», так как традиционный подход ставит своей задачей передачу смысла, не задаваясь проблемами передачи внутренней формы слова – have something up your sleeve - to have a secret idea or plan. - If this trip doesn't work out I've still got a few ideas up my sleeve. Тем не менее, можно утверждать, что и образ рукава и соотнесенность с первым значением сохранены. В противном случае данный ФЕ был бы отнесен в разряд омонимов.

При предъявлении данного ФЕ в соответствующем контексте возникает образ «чего-то лежащего на/в рукаве». Однако возникающий когнитивный образ не соответствует контексту, поскольку в ситуациях, в которых употребляемо данное устойчивое выражение рукава может не быть

вообще. Следовательно, имеет место изменение референции. Слушающий на основе возникшего образа выводит переносный (третий) смысл в рамках смысловой структуры высказывания. Выстраивается образ человека, имеющего какие-то секретные мысли или планы. Следовательно, в основе этого ЛСВ лежит образ рукава и его прямое значение: *If this trip doesn't work out I've still got a few ideas up my sleeve (a part of my garment that covers all or part of my arm)*, i. e. I had a secret idea or plan.

Приведем еще два фразеологизма лексемы *sleeve* - **wear your heart on your sleeve** - to make your feelings and opinions obvious to other people. - *John's always worn his heart on his sleeve, so there's no doubt who he'll be supporting.* Результат взаимодействия системных номинативно-непроизводных значений входящих в данный фразеологизм слов в рамках контекста предполагает образ демонстрации на рукаве сердца как символа открытости помыслов, всего, что есть за душой для всеобщего обозрения. Значение этого выражения основано на взаимодействии номинативно-непроизводных значений входящих в него слов: *John's always worn his heart on his sleeve (где sleeve – a part of his garment that covers all or part of his arm)* i. e. made his feelings and opinions obvious to other people.

sleeve – **be laughing up your sleeve** to laugh at someone secretly, often, in an unkind way. - *He persuaded people to believe in him and all the time he was laughing up his sleeve at them.* В основе фразеологизма лежит образ человека, смеющегося в рукав, т. е. не открыто, а так, чтобы никто не видел. **Образное осмысление sleeve наделено всеми компонентами первого значения:** *He persuaded people to believe in him and all the time he was laughing up his sleeve (1) (a part of his garment that covers all or part of his arm)*, i. e. laughed at someone secretly, often, in an unkind way.

Вот пример нашего толкования фразеологизмов, предполагающий функционирование номинативно-непроизводного значения во фразеологической единице лексемы **bridge**: **I'll/We'll cross that bridge when I/we come to it** - something that you say in order to tell someone that you will not worry about a possible problem but will deal with it if it happens. – *'What if the flight is delayed?' 'I'll cross that bridge when I come to it'.* Генерирование общего смысла высказывания происходит на основе образа человека, направляющегося к мосту, с тем, чтобы его перейти. При использовании данного выражения в речевом контексте, не предполагающем наличие моста, происходит изменение референции. Возникающий когнитивный образ перестает соответствовать речевому контексту. Воспринимающее сознание выводит переносное значение в рамках смысловой структуры высказывания: «пересекать мост или решать какую-либо проблему стоит не заранее, а когда для этого наступает время». Словари приводят следующий способ переосмысления: «не следует создавать себе трудностей заранее». В данном случае все слова употреблены в своих первых номинативно-непроизводных значениях: *I'll cross that bridge when I come to it, which resembles a bridge (1) (a structure that allows people or vehicles to cross an obstacle such as a river, road, railway etc.), i. e. I do not worry about a possible problem but will deal with it if it happens.*

Итак, в данной статье представлены примеры толкования фразеоло-

гических единиц с использованием когнитивного подхода, основанного на учете образности и первых системных номинативно-непроизводных значений входящих в ФЕ слов.

ЛИТЕРАТУРА

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996.

*А.В. Петров,
Архангельск*

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТА ОБЪЕКТНО-СУБЪЕКТНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Среди структурно-семантических разновидностей русских безличных предложений с разным способом представления субъекта выделяются объектно-субъектные конструкции. Семантика данных предложений связана с самопроизвольными процессами в физической среде, направленными на объект, предикат при этом выражен переходными глагольными формами (*потряхивать, разорвать, засосать, качать*). Облигаторным компонентом структуры данного типа предложений выступает объект в винительном падеже, заключающий в себе элемент субъектного значения: ср. *Машину качает. - Машина качается*; который, видимо, следует рассматривать как объект-носитель состояния.

Объектно-субъектные безличные предложения способны выражать также физическое и психическое состояние человека, при этом в качестве производителя действия выступают физиологические и психоэмоциональные стихийные процессы внутри чувствующего субъекта (*знобить, лихорадить, трясти*). В данном случае глагол трудно считать переходным, поскольку он обозначает не действие, направленное на объект, а болезненное, неприятное состояние, которое испытывает субъект.

Как показывает анализ языкового материала, в качестве предиката объектно-субъектных безличных предложений, выражающих физическое или эмоциональное состояние субъекта, выступает ряд глагольных фразеологизмов, глагол в которых употребляется в безличной форме. Рассмотрим примеры.

Субъект одновременно является объектом действия некой стихийной силы, формирующей состояние субъекта:

за нутро (за живое) взять (задеть) - глубоко волновать, захватывать; действовать на самолюбие, гордость и т.п.: *Тут Володимира взяло за живое...* (П. Бажов); *Костьку тут и вовсе за нутро взяло* (П. Бажов); *Тут уж Митюху за живое взяло, затрясло даже. Оно и то сказать, - кому полюбится, коли твою дорожную выдумку диким мясом раздавят* (П. Бажов); *Маковеева боль-*

ше всего **задело за живое**, как это ему, директору, перечил какой-то лесничий! (Н. Лохматов);

ударить в голову - оказать опьяняющее действие: Он снова закашлялся **удушливым кашлем**. - Фу, **ударило в голову**, - сказал он, отдышавшись (К. Паустовский); Таня (выпивает залпом и смеется): **В голову ударило** (Н. Птушкина);

пробрать / пробирать до костей - испытывать холод, замерзнуть: *Дунул ветер, погнав по земле белую труху, и Анисья в его тонком халате **пробрало до костей*** (Б. Акунин); *Мимочке-то еще ничего. Поскольку изображала она княжну, то была в беличьей шубке, в куньем капоте и с муфтой - только щечки размялись, а вот Момуса **пробирало до костей*** (Б. Акунин).

Ментальные состояния: **тянуть за язык** - вынуждать что-либо сказать, ответить: - *Эк **тебя тянет за язык***, - проворчал Онуфрий Харитонович (Н. - Жернаков); **по уму ударить** - о внезапном появлении идеи, мысли: *Кума, хозяйка здешнего, **по уму ударило**, он мне тихим шепотом...* (С. Писахов).

Предикат, выраженный фразеологизмом **с души воротить** обязательно предполагает употребление каузатива, указывающего на конкретную причину активного проявления эмоций - противно, нет сил терпеть, выносить: - ***Меня с души воротит от** этого мерзавца* (Б. Акунин); *Почему-то ужасно не нравится третья строка - **просто с души от нее воротит*** (Б. Акунин); *Отулыбавшись, мсье Аоно отмолил свою обычную штуку, **от которой** соседей по столу **с души воротило*** (Б. Акунин); каузатив является необходимым компонентом многих объектно-субъектных конструкций с фразеологизированными предикатами: *Холодный, неприятный человек, в посторонние разговоры **вступает редко**, а если **вступает**, то непременно скажет что-нибудь такое, **от чего** Варю **просто на дыбы кидает*** (Б. Акунин).

Для передачи различных физических и эмоциональных состояний субъекта в русском языке активно используются фразеологизмы, построенные по следующей схеме: *бросить (кинуть) + В + аккузатив*:

болезненное состояние: *Я гляжу, **меня так в обморок и кидает*** (Б. Шергин); *...**мамоньку в жар бросило** прямо до беспамятства* (П. Бажов);

потливость, испарина: ***Николая кинуло в пот**. А рабочие знай машут себе лопатами, даже не оглянулись* (Б. Акунин); *Была жаркая и душная ночь. От каждого движения **бросало в пот*** (Б. Пастернак); *Больно горяча шуба, **меня в пот бросило*** (С. Писахов);

усталость, сонливость: *Наверно, очень она устала за дорогу, - **ее сразу кинуло в сон*** (Е. Серебровская);

стыд: *Обыск был настолько скрупулезен, что **Эраста Петровича бросило в краску*** (Б. Акунин); *И **в краску бросило все тело*** (И. Северянин); *Встреча, от одного воспоминания о которой **Зиновия Андреевича кидало в холодный пот**, была снята на пленку* (Б. Акунин);

сильное волнение, крайне возбужденное состояние: ***Анисья от смелой***

фандоринской гипотезы аж **в жар бросило** (Б. Акунин); *Фандорина аж в жар бросило*. Ахтырцев! Уж не тот ли, что в завещании душеприказчиком указан! (Б. Акунин); *Стал читать - в испарину кинуло*. Матушки-светы, каких премудростей там только не было! (Б. Акунин);

неустойчивость состояния, связанная с неопределенностью, сложностью ситуации: Алабина **бросало в жар и в холод** (М. Миляков); *Россия тяжело болела, ее лихорадило, бросало то в жар, то в холод, из пор сочился кровавый пот, и дело здесь было не только в японской войне* (Б. Акунин); *Чувствовал он, что она его разглядывает, и самому страсть хотелось на нее вблизи посмотреть, но боялся - и без посмотрелок то в жар, то в холод кидало* (Б. Акунин);

страх: *Сеньку от этих слов в озноб кинуло* (Б. Акунин); *Глаза, словно маслом смазали, заблестели, а самого в дрожь кинуло* (Н. Лохматов); *Теперь дож обратил на замершую девицу свой магнетический взгляд, и Коломбину из холода бросило в жар* (Б. Акунин); *Смолены-ти рожи глаза розлепили, себя увидали, одночасно их в омморок бросило* (Б. Шергин);

брезгливость, неприятие: *А меня от них в оторопь бросат, лихорадкой трясет* (С. Писахов); *Илью Спиридоновича бросало в жар - такое бывает, когда над твоим ухом все время жужжит комар: он и не жалит, но до того тошно и отвратно слушать его привязчивую музыку* (М. Алексеев);

возбуждение, нетерпение: *И вот зло меня взяло на волков, в горячность меня бросило* (С. Писахов); *Сенька представил себе, как она там сидит вся розовая, распаренная, мочалкой плечи трет. и от такой фантазии самого в пар кинуло* (Б. Акунин).

Фразеологизация глагольного предиката и объектного компонента в аккумулятиве для передачи состояния субъекта наблюдается в ряде устойчивых сочетаний, субъект при этом выражается формой генитива с предлогом У:

дух захватывать (захватить, перехватить, занимать) - восхищение, избыток чувств: - *А у меня, когда я вижу березы в зимнем убранстве, дух захватывает*, - заметил Костя. - *Будто невесты стоят! Завороженные счастьем!..* (Н. Лохматов); *Я распахнул продрогнувшую дверцу, и захватило дух от красоты* (Е. Евтушенко); *Хороша была так, что у Эраста Петровича перехватило дух* (Б. Акунин); *...так звонко и занозисто хохочут дивчата на вежорницах, что аж дух занимает у хлопцев* (С. Сергеев-Ценский); ср. окказиональный фразеологизм: *Вован посмотрел повнимательней в ее глаза цвета «мокрый асфальт», и у него вдруг арбуз заклинило*. Блин, какие глаза! (Б. Акунин); предвкушение счастья: *А перед Соболевым нынче такие горизонты открываются, что дух захватывает* (Б. Акунин); *Мазы открывались такие, что дух захватывало* (Б. Акунин) - придаточные степени: *так, что...; такие, что...* подчеркивают силу эмоций;

дыханье (дых) спереть (перехватить) - физическое состояние: *Ну, намаялись и чуют, дыханье спирать стало* (П. Бажов); *На меня обрушились туманы и пинки со всех сторон, от одного, пришедшегося в живот, перехватило дыхание* (Б. Акунин); - *Мутит, аж дых перехватывает*. - *Закрыв глаза, покачал свинцовой головой. - Может, у тебя, начальник, на опохмелку найдется?* (Н. Лохматов); эмоциональное состояние: *Забравшаяся под ру-*

башку рука стала вытворять такое, что у Грина перехватило дыхание (Б. Акунин); *У Клариссы перехватило дыхание, она уже не помнила о романтических свойствах камней, потрясенная астрономической суммой* (Б. Акунин); *Сердце стучало так, что перехватывает дыхание. Как он встретит? Что она скажет ему?* (Н. Лохматов);

сводить челюсть - сильно скучать: *От тоски сводит челюсть, и за модою дикой понимаешь всю прелесть нашей песни великой* (М. Лисянский);

живот подводить (подтянуть) - голодать, жить впроголодь: *- Вот говорили, что у немцев совсем живот подвело. А между прочим коров и свиней тут чертова уйма* (Э. Казакевич); *Вот только мучает голод, подтянуло живот* (В. Шишков).

Глагольные фразеологизмы благодаря своей образности, метафоричности вполне органично выступают в функции предиката объектно-субъектных безличных предложений, выражающих состояние субъекта, поскольку сами такие конструкции обладают немалым образным потенциалом (*Трясет меня; Как его разобрало!; У него схватило зуб*).

*Т.Е. Помыкалова,
Челябинск*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЗНАКОВАЯ СЕМАНТИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. ДРУНИНОЙ)

Все словесные средства оказываются особенными, эстетическими, средствами в языке поэзии, ибо: «Индивидуальное, если оно принимается большинством, многократно повторяясь, отливается в застывшие грамматические формы, устойчивое нормативное словоупотребление» [Новиков Л.А. Т. II, 2001: 18]. Таким экспрессивно-эстетическим средством в языке поэтики становится и специфическая семантика русских фразеологических единиц **признака**, представляющая собой языковой феномен, который объясняется уникальными свойствами этих фразем: быть уникальным **различительным** характеризующим оценочным средством, особыми номинациями-дифференциалами качества в языке поэтики. В поэзии Юлии Друниной активными поэтико-фразеологическими знаками оказались, по анализу, единицы, которые называют **внутренние свойства** характера человека или живого существа. Среди указанных фразеологизмов прежде всего выделены единицы, номинирующие **положительные врожденные** черты характера. Наиболее частотными с точки зрения количественной представленности, по наблюдению, являются в названной группе единицы с ядерным значением **«честный»**.

Как показал анализ, фразеологическое значение «честный» семантичес-

ки необычно выражает в поэзии Ю. Друниной фразема *не кривить душой*: содержательный феномен этой единицы состоит в том, что прагматическое значение, представляемое указанным фразеологизмом, чаще содержит **элемент отрицательной** оценочности. Семантический объём анализируемой единицы, таким образом, можно передать так: *не кривить душой* (с кем-то, перед кем-то) - «честно, правдиво, порядочно». Ср., *С собой душой не криви. Признаться без ханжества надо - Есть боль в умиранье любви, Но есть и свободы награда* (С собой душой не криви).

В эту же группу фразем, называющих **положительные врожденные** качества характера человека или живого существа, входят фразеологические единицы с ядерным значением «смелый», среди которых активным в творчестве Ю. Друниной отмечен фразеологизм *в полный подниматься рост*. Как показал анализ представленных в картотеке стихотворных текстов, элементом которых является указанная фразема, содержательный объём этой фразеологической единицы оказался **сложным**, так как складывается из значений «**смелый** + отважный + ведущий за собой других». Материал картотеки позволяет сказать о том, что в дискурсивном окружении фраземы *в полный подниматься рост* присутствуют номинации, которые указывают на то, что рассматриваемая черта характера «смелый» является **врождённым** качеством. Например, *Бывает в людях качество одно, Оно дано им или не дано - Когда в горячке бьётся пулемёт, Один лежит, другой бежит вперёд... Что делать? Видно так заведено Давайте в рюмки разольём вино. Мой первый тост и мой последний тост За тех, кто в полный поднимался рост* (Тост).

В анализируемую семантическую группу, по наблюдению, включена также фразеологическая единица *брать города*, реализующая конкретное значение «**смелый** + бесстрашный + справедливый, воюющий за Родину». Эта фразема, по анализу материала, оказалась **омонимичной** фраземе глагольного класса: содержание фразеологизма процесса передаётся с помощью глагольных квалификаторов «завоевывать, освобождать». Сравните, *Да и в жизни (вот какое дело!) Я тянулась и тянусь всегда К мушкетёрам, преданным и смелым - Тем, с кем вместе брали города*. (Мушкетёры). (Кто) *брал (берёт) города I* - фразеологизм признака. *Я-то знаю, как это бывало тогда: На восток шли его наградные листы, А солдат шёл на запад, он брал города, У солдата обязанности просты...* (Там же). *Брать города II* - фразеологизм процесса.

Фразеологическое ядерное значение «смелый» представляет в творчестве Ю. Друниной и фразеологизм признака *как металл*, в содержательном объёме которого отмечены дополнительные смыслы - «бесстрашный, закаленный жизнью, мужественный». Ср., *Кто в твоих переплетах, старик, побывал, Должен быть как металл, тугоплавкий металл! Усмехнувшись и*

тронув нетающий снег, Ничего не ответил седой человек (Курит сутки подряд...).

В анализируемое объединение признаков фразеологизмов, обозначающих **врождённые положительные** качества человека или живого существа в поэзии Ю. Друниной, по собранному материалу, входят также единицы, выражающие значение: «обладающий чертой характера или характером в целом **истинным, подлинным**, настоящим, что является следствием благосклонности Бога или кого-то/ чего-то, идущего от Бога, связанного с Богом, являющимся божественным, отмеченным Богом; имеющий характер, приближающийся к идеальному». Единицей с указанным значением является фразема *милостью божьей* (кто-либо), например, *Вот так всегда: ты не рвалась стать первой, Дешёвой славы не искала, нет, Поскольку каждой жилкой, каждым нервом Была ты божьей милостью поэт* (Памяти Вероники Тушновой).

К фразеологическим единицам, называющим внутренние качества характера человека или живого существа, относятся и единицы, представляющие **отрицательные** врожденные или приобретенные черты. В поэзии Ю. Друниной к фраземам признака, называющим **врожденные отрицательные** свойства человека или живого существа, относим активную единицу *нет дела (дела нет)* (до кого-либо/чего-либо), реализующую значение «равнодушный, безразличный», к нему присоединяется оттенок интеллектуально-духовного непонимания личности со стороны общества в целом. Например, *Что Человек в тиши пещеры слышит? Что видит Человек в кромешной тьме? Сын века он. Вот только лоб повыше Да взгляд предупреждает об уме. Ему удачи на охоте нет - То отвлекут его вниманье тени, То привлечёт вниманье лунный свет, То околдует красота оленя. Его собратья обвиняют в лени, им **дела нет**, что в мир пришёл поэт...* (Спит племя...). *Дела нет* - «равнодушный, безразличный + непонимающий необычности другого».

В творчестве Ю. Друниной представлены также, по материалу, фразеологизмы признака, которые номинируют **положительно-отрицательные** черты характера человека или живого существа. К таким единицам относится фразема *далёк (-а; -и) от грешного мира (от грешного мира далёк, -а; -и)*. Одно из значений фразеологизма *далёк (-а; -и) от грешного мира (от грешного мира далёк, -а; -и)* сохраняет небольшой элемент значения «наивный» и содержит временную характеристику **краткосрочности** признака. Содержание указанного фразеологизма при текстовой реализации обнаруженного значения можно интерпретировать через следующие слова и обороты-квалификаторы, представляющие и положительную и отрицательную оценку характера: «в данный период чем-либо увлекшийся, вдохновлённый идеей сейчас (положительно) + забывший о реальности на какое-то время (отрицательно)», например, *Я люблю тебя злого, в азарте работы, В дни, когда ты **от грешного мира далёк**, В дни, когда в наступленье бросаешь ты роты, Батальоны, полки и дивизии строк* (Я люблю тебя...).

Анализ поэтического творчества Ю. Друниной подтверждает идею о том, что русская **признаковая** фразеология обладает уникальными возможностями представлять вербальные манифестации национальных понятий русского народа, составляющих национально-языковую картину мира, связанную с

историческими корнями нации. Признаковые фразеологические единицы как вербальные **характеризующие** сущности предметности оказываются важнейшим составляющим поэтического языка, таким средством, которое позволяет Ю. Друниной выразить индивидуальное понимание и восприятие мира, ибо поэтическое Слово «... не может быть лживым, потому что оно всеобъемлюще; в нем сияет безграничная свобода, готовая озарить все множество зыбких потенциальных синтаксических связей» [Барт 2001: 351].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Семиотика литературы / Р. Барт // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. - М.: Академический Проект; - Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С.327-370.
2. Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. - Т. 1. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков. - М.: Изд-во РУДН, 2001. - 672 с.
3. Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. - Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea / Л.А. Новиков. - М.: Изд-во РУДН, 2001. - 842 с.
4. Серюо П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] / П. Серюо. - М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. - С.549-562.
5. Словарь русского языка: в 4 т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А.П. Евгеньевой. - Изд 2-е, испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984. - Т. 1
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. - М.: Сов. энцикл., 1967. -543 с.

ИСТОЧНИКИ:

- Друнина, Ю.В. Не бывает любви несчастливой / Ю.В. Друнина. - М.: Сов. Россия, 1977. - 224 с.

Н.Е. Почиталкина,
Челябинск

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПРИЗНАКА - НОМИНАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РАЗНОГО ЖАНРА)

В современной лингвистике активно развивается семантическое направление, описывающее через языковые знаки образ человека - его внешний облик и разнообразные состояния субъекта. Среди состояний, так или иначе характеризующих лицо, наиболее экспрессивным в современной семантике оказывается состояние **эмоциональное**, репрезентируемое единицами разного уровня, но особенно выразительно такое состояние называют фразеологические единицы признака. Анализируемые признаковые фразеологизмы аргументируют идею различительной характеризующей оценки, что является имманентным свойством рассматриваемых фразем. «Семантика фразеологического признака в современном русском языке содержательно широка: практически любое свойство предмета и состояние субъекта может быть выражено этой семантикой, которая носит в языке креативный характер уже потому, что пересекается в своей квалификации с таким явлением, как интерпретация» [Помыкалова 2006: 157].

«Эмоции (лат. *emovere* - возбуждать, волновать) - аффективная форма

проявления моральных чувств (в отличие от волевой формы их выражения - побуждений). Если чувство представляет собой устойчивое субъективное отношение человека к чему-либо (любовь к родине или к другому человеку, ненависть к врагу), то эмоции - это переживание того или иного чувства в определённый момент, в конкретной ситуации...» [Словарь по этике 1981: 402].

Анализ авторской картотеки позволил разделить обнаруженные фразеологизмы признака-номинации эмоциональности в текстах разных жанров, прежде всего, на основании отрицательного или положительного названия эмоционального состояния. По материалу, более активными единицами среди рассматриваемых признаков знаков оказались ФЕ, выражающие **негативное** эмоциональное состояние лица. С точки зрения выраженного содержания выделяем в указанном объединении фраземы, дающие характеристику анализируемого состояния **опосредованно**, то есть представляющие оценку эмоциональности как причину, следствием которой становится, прежде всего, **облик** человека. Например, таким фразеологизмом является, по анализу, изменяемая фразема *бледный (-ая; -ые) как смерть (как смерть бледный (-ая; -ые))*. Конкретное значение названной фразеологической единицы таково: «**взволнованный**, встревоженный, чрезвычайно потрясенный (причина), а потому - имеющий облик, который отражает внутреннее негативное эмоциональное состояние (следствие)». Выявленное значение имеет сложный характер и классифицируется как значение, номинирующее причинно-следственные отношения. Как правило, широкий контекст точно указывает причину названного негативного состояния, и эта причина определяет разную степень «серьезности» происходящего, то есть содержание рассматриваемого фразеологизма может быть расширено, усложнено за счет введения в семантику единицы наречий степени - *очень, чрезвычайно, крайне*, которые способствуют номинированию высокой или высочайшей степени проявления эмоций человеком как отражение ситуации объективной действительности. Например, *Остановите поезд! - накинута экзальтированная дамочка на обер-кондуктора, бежавшего в сторону головного вагона. - Там раненые! Тонущие! Нужно спасать! Схватила его за рукав, да так цепко, что железнодорожнику пришлось остановиться. - Какой там "спасать"! Кого спасать? Такая каша! - пытался вырваться **бледный как смерть** начальник поездной бригады. - Что мы можем? На станцию нужно сообщить. Не слушая, Гликерия Романовна била его кулачком в грудь.* (Б. Акунин. Алмазная колесница). Причина негативного эмоционального состояния лица, выраженного фразеологизмом *бледный (-ая; -ые) как смерть (как смерть бледный (-ая; -ые))* - раненые, тонущие, крушение поезда. Ситуация носит трагический характер, поэтому первая часть конкретного содержания анализируемого фразеологизма усиливается наречием **чрезвычайно** «чрезвычайно взволнованный, встревоженный, чрезвычайно потрясенный», что подчеркивает **высочайшую** степень проявления **негативного** эмоционального состояния лица, названного опосредованно.

Фразеологическая единица *пунцовый(-ая; -ые) от смущения (от смущения пунцовый, -ая; ые)* номинирует эмоциональное состояние субъекта, следствием которого становится также физический облик человека; внутреннее

эмоциональное состояние лица - причина; описание облика анализируемым фразеологизмом - следствие переживаемого состояния, то есть анализируемое состояние называется опосредованно. Причина данного состояния, как правило, раскрывается контекстуально. Например,

- Вам плохо? - напряглась я. - Я великолепно себя чувствую, - заверила врач, - вот только, ой-ёй-ёй! Не вынимаются! - Кто? - Что? - Откуда? - начали задавать вопросы присутствующие. - Ноги, - призналась **пунцовая от смущения** врач, понимаете, когда он таякнул... - Я молчал! - живо оправдался полковник. - Я говорю про собаку, - побагровела Ирина Петровна, - я испугалась, сунула ноги под диван и теперь не могу их вынуть, ну никак! (Д. Донцова. Личное дело женщины-кошки, с.288). Содержание названной фраземи раскрываем так: «в высшей степени, крайне, **взволнованный**, очень смущённый (причина), вследствие этого - покрасневший из-за прилива крови к лицу». Причиной данного состояния является неудобное положение, невозможность самостоятельно, без помощи посторонних людей, изменить ситуацию. Фразеологическая единица подчёркивает смущение человека, но причина в данном случае связана с юмористической ситуацией, поэтому, считаем, в содержании рассматриваемого фразеологизма есть и небольшой элемент **положительного** эмоционального состояния.

Другим примером подобных ФЕ является фразема *ни жив ни мёртв* (*ни жива ни мертва, ни живы ни мертвы*). Она описывает состояние сильного эмоционального потрясения, испуга, результатом которого оказывается физическая неспособность человека двигаться. Например, «Чтобы лошадь тронулась с места, надо дать ей шенкель - ударить пятками в бока», - шёпотом просветила меня инструктор. Я так и сделала. Но, видимо, пнула несчастное животное чересчур сильно. Конь на секунду удивлённо замер, а потом как понёсся во весь опор в сторону Женьки и его отца! Я на нём **ни жива ни мертва**, на шею ему легла и болтаюсь. В таком виде я лихо промчалась мимо Жени, так как остановить коня не смогла. И тот галопом вместе со мной, находящейся на грани обморока, унёсся в ближайший лес. (Всё для женщины, 6 ноября, 2007, с. 30). Конкретное значение «**чрезвычайно испуганный**, потрясённый + элемент удивленный», эмоциональное состояние подчёркивается всем описанием ситуации, а также другими лексемами и фраземами текста, например, *находящейся на грани обморока; болтаюсь; остановить не смогла*. Рассмотренная фразеологическая единица в своем объеме имеет ярко выраженный коннотативный компонент, опирающийся в целом на ситуацию юмористически-драматическую.

Фразема *как окаменевший* классифицируется как единица, выражающее опосредованно негативное эмоциональное состояние человека, следствием которого стал внешний вид лица, то есть содержание анализируемого фразеологизма передаем таким образом: «потрясённый, растерянный, шокированный страшными неприятными известиями (причина) + неспособный двигаться, **недвижимый, застывший**». Контекст подчёркивает, называет причину

¹ Ср.: Beutker, Kurt, „Erich Kdstner. Eine literaturpädagogische Untersuchung“. S.76.

² Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002. С. 258.

³ Он бежал и сбежал заботу со своих подошв.

эмоциональности, а семантика фраземы усиливается такой текстовой единицей, как *горькая правда*. Например, - *Ладно, - согласилась я, - сначала горькая правда о Ларисе, рождении Нasti и убийстве её отца Анатолия Илюшина. Пока я излагала факты, Медведев сидел как окаменевший, он только один раз посмотрел на Елену Сергеевну и спросил: - Значит, ты в моё отсутствие давала Ларе ещё одну порцию таблеток.* (Д. Донцова. Личное дело женщины-кошки, с.347)

Анализ фразеологических единиц признака, характеризующих негативное эмоциональное состояние лица **опосредованно** (оно причина физического облика субъекта), показал, что они частотны в текстах разного жанра. Как правило, их значение усиливается другими текстовыми единицами. Эти текстовые единицы усиливают степень признакового эмоционального значения объема фразеологизма, что в целом иллюстрирует важнейшую характеристику фразем признака - быть дифференциалами, различителями, в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь по этике. Под ред. И.С.Кона. Изд. четвертое. - М.: Изд. «Полит. лит-ра», 1981. - 430 с.*
2. *Помыкалова, Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке /науч. ред. Л.П. Гашева/ - Челябинск: Изд-во «РЕКПОЛ», 2006. - 225 с.*

Источники

1. *Акунин, Б. Алмазная колесница: в 2 т. Т. 1 / Б. Акунин. - М.: «Захаров», 2007. - 208с.*
2. *Донцова, Д. Личное дело женщины-кошки / Д. Донцова. - М.: «Эксмо», 2007. - 384 с.*
3. *Всё для женщины, 2007. - № 45.*

М.Г. Притворова,
Москва

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЭРИХА КЕСТНЕРА «ФАБИАН»)

Большинству читателей Эрих Кестнер знаком как детский писатель или поэт для взрослых. Роман «Фабриан» написан для взрослого читателя, он носит острый социально-критический характер. В центре авторского внимания - немецкое общество на исходе Веймарской республики. Персонажи - современники Кестнера, а изображаемый им мир охватывает всё множество «ми-

⁴ *И вот здесь и живу из живота в рот.*

⁵ *«Не упади!» - воскликнула дама, которой Калигула велел заткнуть пасть.*

⁶ *Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1998. - С. 8.*

⁷ *Оставшиеся бумаги он кинул в корзину, прибавив: «А ну марш в кровать!»*

ров» немецкого общества того времени: от университетской профессуры и богемных вечеров до уличных сцен и публичных домов.

Как отмечают исследователи, к моменту написания «Фабiana» стиль писателя окончательно сформировался. Кестнер вторит тону среды, тону людей, с которыми говорит¹. Речь персонажей соответствует общему рисунку разговорной речи, она богата разговорными синтаксическими структурами и лексическими оборотами.

Фразеологизмы характерны и для разговорной, и для художественной речи. Это объясняется, с одной стороны, их высокой экспрессивностью, с другой - сложной, «вторичной» структурой. При нормативном употреблении фразеологизма его «внутренняя форма» большой роли не играет, но для создания определённого эффекта может «реанимироваться» говорящими². И в художественной речи, и в публицистике, и в разговорной речи обыгрывание фразеологизмов довольно распространено, это явление характерно для русского, английского, немецкого, чешского и других языков.

В романе Кестнера встречается множество ФЕ, при этом примерно треть из них (31% проанализированного материала) употреблена в изменённом виде. Модификации, происходящие с ФЕ, можно разделить на формальные и семантические и дальше классифицировать по характеру изменений.

1. Среди формальных изменений наиболее частотны следующие:

а) **Расширение** устойчивой синтаксической формы фразеологизмов может вызывать определённый эффект - комический, усилительный и т.п.

• *Er lief und rannte sich den Kummer an den Stiefelsohlen ab*³. (< “sich die Sohlen ablaufen” - ‘сбиться с ног, досл. - сбегать себе подошвы’) На основе фразеологизма создаётся новая метафора - беспокойство, которое жжёт ступни героя и принуждает его метаться по городу. Этот пример интересен ещё и тем, что в нём соседствуют два синонимических глагола, один из которых, впрочем, входит в состав фразеологизма. А значит, глагол “rennen” даже в составе модифицированного фразеологизма воспринимается как его неотъемлемая часть.

б) Поскольку форма фразеологизма фиксирована, его элементы устойчивы и к синонимическим заменам. Поэтому минимальные **замены** привлекают к себе внимание:

• *Na ja, nun bin ich hier und lebe vom Bauch in den Mund*⁴. (< “von der Hand in den Mund leben” - ‘быть ограниченным в средствах, бедно жить, досл. - из руки в рот’). Эту фразу произносит девушка лёгкого поведения. Замена, произведённая ею во фразеологизме, позволяет и лаконично обрисовать суть ситуации, в которой она оказалась, и одновременно подчеркнуть обречённость, ограниченность как средств к существованию, так и возможностей их

⁸ Когда человек болен той же болезнью, от которой сейчас страдает наш мир, то говорят, что у него паралич. И, конечно, всем известно, что на это безрадостное состояние есть одно только лекарство, и тогда речь идёт о жизни и смерти. Как же лечат наш земной шар? Его лечат ромашковым чаем. Все знают, что это полезное средство, но им не вылечиться. Но от него не больно. «Подождем, попьём чайку!» думают люди, а общее размягчение мозга продолжается.

добыть.

в) Кестнер часто обращается с ФЕ вольно, например, при передаче косвенной речи фразеологизмы, даже имеющие твёрдую форму, могут её изменять:

• „*Fall nicht runter!*“ rief die Dame, der von Caligula eigentlich befohlen war, **die Schnauze zu halten**.⁵ Выражение „Halt` die Schnauze!“ (заткни пасть!) употребляется в форме повелительного наклонения, в этом же примере оно включено в состав придаточного определительного и преобразуется согласно своей синтаксической роли.

2. Семантические модификации:

а) В.Н. Телия указывает на особую роль образного значения фразеологизмов, называя их «"основным нервом" функционирования в речи».⁶ Метафора, лежащая в основе ФЕ, под влиянием контекста может «разглаживаться». Сохраняя привычный формальный состав, фразеологизм претерпевает семантические изменения. Обычно при этом актуализируется его прямое значение или обыгрывается многозначность одного из компонентов.

• *Den Rest warf er in den Papierkorb. „Marsch, ins Kцrбchen“, sagte er dabei.*⁷ В данном примере обыгрывается многозначность слова “Korb”. С одной стороны, оно может иметь значение «корзина». С другой, фразеологизм „Husch, ins Kцrбchen“ или его вариант „Marsch, ins Kцrбchen“ значит «А ну марш в кровать!» и говорится маленьким детям. Таким образом, под влиянием контекста слово „Kцrбchen“ в составе фразеологизма переосмысливается.

б) Может обыгрываться и сам контекст:

• *Die Frauen tranken, als hцtten sie acht Tage nichts gegessen, ‘женщины пили так жадно, как будто не ели восемь дней’* - В результате наложения устойчивого словосочетания „als hцtten sie acht Tage nicht gegessen“ и глагола *trinken* возникает алогизм, хотя понятия «голод» и «жажда» имеют общую сему.

в) Особую роль играет фразеологизм, включённый в развёрнутую метафору. Следующий пассаж строится на метафоре «наш мир - больной человек, лекарство для которого нам необходимо найти». Таким лекарством становится ромашковый чай.

„*Wenn das, woran unser geschцtzter Erdball heute leidet, einer Einzelperson zustцhrt, sagt man schlicht, sie habe die Paralyse. Und sicher ist Ihnen allen bekannt, daЯ dieser duЯerst unerfreuliche Zustand mitsamt seinen Folgen nur durch eine Kur heilbar ist, bei der es um Leben und Tod geht. Was tut man mit unserem Globus? Man behandelt ihn mit Kamillentee. Alle wissen, daЯ dieses Getrцnk nur bekцmmlich ist und nichts hilft. Aber es tut nicht weh. **Abwarten und Tee trinken**, denkt man, und so schreitet die цffentliche Gehirnerweichung fort, daЯ es eine Freude ist*“.⁸

Сама идея отпаивать больного чаем возникает из фразеологизма „*abwarten und Tee trinken*“ поживём - увидим. Благодаря этому приёму герой показывает, что «срочное лечение» оказывается лишь видимой мерой, на самом же деле положение дел в мире пускается на самотёк, что опасно.

г) Что касается частотности фразеологизмов и их компонентов, то в общем

Кестнер употребляет множество самых разных фразеологизмов, а их компоненты повторяются очень редко. По мнению Добровольского, это свидетельствует о высокой степени фразеологизации речи и об общей тенденции к аналитизму.

Однако фразеологизмы с отдельными компонентами могут нанизываться один на другой, «вязнуть» в зубах. Таким компонентом является „Leib“ тело, туловище, живот, утроба. В некоторых отрывках романа можно встретить до 4-5 фразеологизмов с этим словом в одном-двух абзацах (например: „den Teufel im Leibe haben“ иметь чёрта в теле, „seinen Leib pflegen“ бездельничать, „durch Erfahrung am eigenen Leibe“ через опыт на собственной шкуре. При их употреблении изменений ни в смысле, ни в форме не происходит. Но так как действие в этих отрывках происходит в публичных домах, то возникает ощущение, что герои «проговариваются по Фрейду», тема нагнетается и на подсознательном уровне.

д) Фразеологизмы могут служить и для характеристики персонажей: указывать на социальное положение персонажа, его образование и т.д. Также может переосмысливаться внутренняя форма фразеологизмов. Так, персонажи часто употребляют ФЕ, связанные по внутренней форме с их профессиональной деятельностью, как бы проговариваются:

- *Wir haben die Anweisung, der Regierung nicht in den Rücken zu fallen*⁹. - журналисты, воспринимающие себя как главные творцы новостей;
- *Da brat mir einer einen Storch!* - 'Мне испекли аиста' (= ну ничего себе) повариха („Das doppelte Lottchen“).

Таким образом, около трети фразеологизмов, употреблённых, около тексте романа, обыгрываются так или иначе: во-первых, их замкнутая структура, во-вторых, неразложимость на отдельные лексемы.

В контексте разных подходов, существующих сегодня в науке, данное явление может получать различную интерпретацию. При когнитивно-дискурсивном подходе речь идёт о соотношении языка и дискурса и проявлении языковой метафоры в тексте. При типологическом подходе это явление рассматривают на фоне общей тенденции к аналитизму, т.к. обыгрываемая конструкция настолько очевидна для носителей языка, что и в модифицированном виде ими узнаётся.

Целью дальнейшего исследования может стать подробный анализ функциональных стилей, в которых фразеологизмы подвергаются такой формальной и семантической модификации, а также проследить, как она воспринимается носителями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beutker, Kurt. *Erich Köstner. Eine literaturpädagogische Untersuchung.* - Weinheim und Berlin, 1967.
2. Erich Köstner. *Ausgewählte Prosa und Gedichte.* - М., 1985.
3. Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры.* - М., 2002.
4. Телия В.Н. *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* - М., 1998.

*Е.В. Радченко,
Челябинск*

ПАРАДИГМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГЛАГОЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ БИТЬ, ЛОМАТЬ, РЕЗАТЬ, ХВАТАТЬ

Изучение глагола и его грамматических категорий - тема, постоянно привлекающая к себе внимание исследователей. Каждый ученый обращается к проблеме изучения глагола со своей целью. В центре нашего внимания - парадигма грамматических форм процессуальных фразеологизмов с глагольными компонентами *бить, ломать, резать, хватать*.

Понятия форма слова и форма фразеологизма во многом отличны друг от друга. Форма слова - это, как известно, и его внешняя единственная оболочка (у морфологически неизменяемых), и функциональная оболочка слова при его морфологических и фонетических изменениях. Форма слова "начинается" с одного слова. В отличие от формы слова, форма фразеологизмов - это всегда синтаксическая конструкция, синтаксическая модель.

Как показывает анализ нашего материала, процессуальные фразеологизмы не всегда могут иметь полную парадигму грамматических форм, как и глаголы вне фразеологизма.

Отдельные замечания, касающиеся неполноты парадигмы грамматических форм глагола, встречаются в современных грамматиках, учебных пособиях, монографиях крупных отечественных лингвистов, посвященных проблемам морфологии.

Так, "Русская грамматика" дает следующие определения парадигмы слова: "Система форм слова, то есть вся совокупность его форм называется его парадигмой. Совокупность всех форм слова и, следовательно, всех частных парадигм слова называется полной парадигмой. Неполная парадигма - это парадигма, в составе которой отсутствует либо частная парадигма, характерная для слова данной части речи, либо одна или несколько форм слова, традиционно неупотребительных или таких, образование которых почему-либо затруднено" [2, т. 1, с. 455].

П.А. Соболева в своей монографии использует термин "дефективность парадигмы". Ученый называет три основные причины этого явления: структурную, узуюльную и семантическую.

По замечанию автора, основной причиной дефективности грамматической парадигмы является семантика слова: "явление грамматической дефективности чаще всего встречается там, где значение данной грамматической категории вступает в противоречие с лексическим значением соответствующих слов" [3, с. 111].

По наблюдениям коллектива авторов монографии "Межкатегориальные

связи в грамматике”, по отношению к парадигме следует говорить лишь о схеме связи функций-потенциалов: “...в процессе использования языковой системы указанные “общие схемы” функциональных связей ГК (грамматических категорий - Е.Р.), заложенные в глагольной парадигме, наполняются богатым семантическим содержанием, разворачиваясь как целые серии конкретных реализаций межкатегориального функционального взаимодействия. При этом актуализируются такие факторы, как лексическое и лексико-грамматическое содержание глагольной словоформы...” [1, с. 51].

Неполнота грамматической парадигмы процессуальных фразеологизмов связана с особенностями значения и формы названных единиц. В отличие от глаголов свободного употребления, они представляют собой раздельнооформленные единицы с цельным значением. Глагол в составе фразеологизма утрачивает свое самостоятельное значение и участвует вместе с другими компонентами в образовании индивидуального фразеологического значения. Formой выражения морфологических категорий процессуального фразеологизма является глагольный компонент, а в нем то средство, которое характерно для данного глагола, употребляемого вне фразеологизма. Значение же фразеологизма отличается большей сложностью и отвлеченностью по сравнению с глаголами свободного употребления, так как включает в себя несколько лексем.

Так, в абсолютном большинстве употреблений процессуальные фразеологизмы нашего материала в качестве компонентов включают в себя глаголы со значением активного физического действия. Физическая деятельность проявляется в телодвижениях человека, в мимике. Она воспринимается зрением, слухом.

Семантика фразеологизмов, напротив, отличается сложностью, отвлеченностью. Все единицы нашей картотеки имеют абстрактную семантику, обозначают деятельность, состояния, отношения, относящиеся к идеально-духовной сфере жизни человека в обществе и природе. Духовная деятельность человека чрезвычайно разнообразна и богата.

Преобразования глагольного компонента сопровождаются сменой первоначального образа. Как правило, конкретный образ - физический, двигательный - сменяется более абстрактным - акустическим, зрительным, эмоционально-рациональным.

Глаголы *бить*, *ломать*, *резать*, *хватать* являются самыми активными во фразеобразовании процессуальных фразеологизмов нашего материала. Вне фразеологизма они обозначают активное физическое действие, направленное на какой-либо объект с целью его изменения.

Так, глагол *бить* вне фразеологизма относится к семантической группе “нанесения удара” и имеет значение “ударять кого-либо чем-либо, заноса руку, палку или какое-либо другое орудие и опуская его с размаху на кого, что-либо”. При образовании фразеологической единицы анализируемый глагол утрачивает субкатегориальную сему “физического действия”, групповую сему “физического воздействия на объект”, подгрупповую сему “нанесения удара”, оставляя самую абстрактную - сему активного действия.

В нашем материале встречаются процессуальные единицы с глагольным

компонентом **бить**. Шесть из них имеют значение активной, целенаправленной социальной деятельности или поведения: **бить в колокол** (чего), **бить тревогу** (относительно чего) “обратиться к окружающим с какой-либо проблемой с целью привлечь к ней внимание”, **бить в одну точку** “направлять свои усилия на достижение одной цели”, **бить мимо цели** “напрасно предпринимать что-либо”, **бить баклуши** “бездельничать”, **бить себя в грудь** “действовать напоказ”.

В приведенных фразеологизмах глагольный компонент от своего индивидуального значения сохраняет периферийную, самую абстрактную сему активного действия, а ядерную сему физического воздействия на объект утрачивает. Первичный образ физического действия заменяется другим, более сложным образом. Чаще всего это зрительный, эмоционально-оценочный образ - **бить в одну точку**, **бить себя в грудь**, или акустический - **бить в колокол**, **бить тревогу**.

В связи с вышеперечисленными причинами фразеологизмы, устойчиво сохраняющие свою процессуальность, далеко не всегда могут иметь полную парадигму форм.

Так, глаголы **бить**, **ломать**, **резать**, **хватать** вне фразеологизма свободно образуют форму страдательного причастия прошедшего времени. Но фразеологизм с одноименным глагольным компонентом не может образовать формы страдательного причастия:

бивший в колокол, но * **битый в колокол**

бивший мимо цели, но * **битый мимо цели**

бивший в глаза (кому), но * **битый в глаза (кому)**

ломающий дурака, но * **ломемый / ломанный дурак**

режущий душу (кому), но * **резанная душа (кем)**

хватаящий за сердце (кого), но * **хватаемый за сердце (кем)**

Как видно из фактов, фразеологизмы с глагольным компонентом **бить**, **ломать**, **резать**, **хватать** всегда обозначают активный процесс. При попытке образовать форму страдательного причастия, обозначающую пассивный признак, приписываемый субъекту, фразеологическая единица разрушается.

Таким образом, неполнота парадигмы грамматических форм процессуальных фразеологизмов связана с двумя основными причинами.

Во-первых, с преобразованием значения глагольного компонента. Входя в состав фразеологической единицы, он утрачивает субкатегориальное, групповое, индивидуальное значение, сохраняя самое отвлеченное значение процесса.

Второй причиной неполноты парадигмы грамматических форм процессуальных фразеологизмов является структурность, сложность, отвлеченность цельного значения фразеологической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межкатегориальные связи в грамматике / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, Н.А. Козинцева и др. - Санкт-Петербург: Российская Академия наук: институт лингвистических исследований, 1996. -230 с.
2. Русская грамматика. - М.: Наука, 1980. - Т. 1. 783 с.
3. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева. - М.:

*Е.Р. Ратушная,
Курган*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ

Многие лингвисты занимаются изучением сложной и дискуссионной проблемы формирования фразеологического значения, семантических преобразований компонентов в составе фразеологизма. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли В.П. Жуков, Н.Ф. Алефиренко, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.А. Лебединская, А.М. Чепасова и другие.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Алефиренко, в процессе фразеобразования происходит «...перераспределение ранговых позиций фразеобразующих сем, иное их взаимодействие, деактуализация одних и возникновение других. В результате такой качественной трансформации семного состава компонентов синтезируется обобщенно-целостное значение фраземы» (1, с. 81). Сложный механизм превращения слова в компонент фразеологизма, по мнению А.М. Чепасовой, заключается в том, что при формировании фразеологизма на основе свободного словосочетания каждое слово словосочетания утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое ядро новой языковой единицы - фразеологизма (4, с.48). В.А. Лебединская описывает механизм фразеобразования как трансформации лексических значений компонентов, которые в процессе фразеологизации подвергаются разнообразным преобразованиям, в результате чего «...они исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения» (2, с.12). Таким образом, сущность механизма фразеобразования заключается в том, что отдельные семы из лексических значений слов-компонентов актуализируются, взаимодействуя друг с другом, и формируют новую, фразеологическую семантику; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются.

Проведенное нами исследование показало, что в процессе формирования семантической структуры фразеологизмов-антропономинантов (т.е. фразеологизмов, имеющих категориальное значение предметности и обозначающих лицо) слова-компоненты испытывают различную степени семантические трансформации на разных уровнях: на уровне категориального, субкатегориального, группового и индивидуального значения. При этом характер и степень семантических трансформаций непосредственно связаны с ролью компонента в синтаксической структуре фразеологизма. Структурная модель фразеологизма играет важнейшую роль в процессе фразеобразования.

Рассмотрим специфику формирования группы фразеологизмов-антропо-

номинантов с компонентом-наименованием человека по профессии, роду занятий. По нашим данным, фразеобразовательную активность проявляют такие лексемы, как мастер, артист, инженер, профессор, страж, извозчик, художник и др. (*золотых дел мастер, страж порядка, артист своего дела, инженер человеческих душ, воздушный извозчик, жрец науки, свободный художник* и др.). Интегральным семантическим свойством названных лексем является наличие в их семантической структуре групповой семы «профессия, род занятий». Дифференцирующие семы указывают на конкретный вид профессиональной деятельности человека.

Фразеологизмы данной группы структурно организованы по двум синтаксическим моделям, в которых роль грамматического центра выполняет субстантивный компонент - наименование человека по профессиональному признаку: «прилагательное + существительное» и «существительное + (прилагательное) + существительное». Субстантивный компонент предопределяет категориальную семантику фразеологизма, так как в процессе формирования фразеологического значения он сохраняет свое категориальное значение предметности и распространяет его на весь фразеологизм в целом, сообщая последнему предметную семантику. Кроме того, под непосредственным воздействием субстантивного компонента у фразеологизма формируется и субкатегориальное значение одушевленности и лица.

Групповое значение существительных-наименований человека по профессии в большинстве случаев также сохраняется: фразеологизм, как и существительное, номинирует лицо по профессиональной деятельности. Однако подчеркнем, что фразеологизм всегда обозначает иную профессиональную деятельность, нежели лексема в свободном употреблении. Например: инженер - «специалист с высшим техническим образованием» и *инженер человеческих душ* - «писатель, педагог-воспитатель». В данном случае компонент-личное существительное сохраняет свое групповое значение профессиональной деятельности и вносит его во фразеологическую семантику. Однако индивидуальное значение подвергается существенным преобразованиям: на первый план выходят потенциальные семы «создающий», «строящий», которые находятся на периферии индивидуального значения лексемы «инженер», в то время как семы, указывающие на конкретную профессиональную деятельность, погашаются. В процессе фразеобразования потенциальные семы взаимодействуют с элементами лексических значений других компонентов, в результате чего формируется фразеологическое значение, номинирующее совершенно другой вид профессиональной деятельности.

Лексема *мастер* формирует несколько фразеологизмов-антропонимантов, актуализируя в процессе фразеобразования семы «профессиональная деятельность», «специалист», «высокая квалификация». Все эти единицы обозначают лицо, достигшее высокого уровня профессионального мастерства в различных областях деятельности, например: *золотых (серебряных) дел мастер* - «искусный ювелир», *часовых дел мастер* - «искусный часовщик». Однако в некоторых фразеологизмах отсутствует указание на конкретный вид деятельности: *мастер своего дела* - «человек, очень искусный в какой-либо профессии», *мастер на все руки* - «человек, искусный во всяком

деле». Высокая степень обобщенности семантики последних единиц предопределяется широтой значения лексемы *мастер*, в лексическом значении которой конкретизирующие семы отсутствуют.

Можно выделить и другие фразеологизмы с высокой степенью обобщенности семантики, в индивидуальном значении которых отсутствуют конкретизирующие семы. Однако они имеют несколько иной механизм фразеобразования: субстантивный компонент, сохраняющий групповую сему «профессия», полностью утрачивает дифференцирующие семы, характеризующие вид профессиональной деятельности лица. Поэтому фразеологизм приобретает более обобщенную семантику, становясь номинацией человека, занимающегося какой-либо профессиональной деятельностью либо деятельностью вообще. Например: *художник* - «творческий работник, занимающийся публичным исполнением произведений искусства» и *художник своего дела* - «человек, выполняющий свое дело с большим искусством и любовью»; *и швец, и жнец, и на дуде игрец* - «человек, способный выполнять любую работу, заниматься различной деятельностью».

Иной способ формирования семантики наблюдается во фразеологизмах с компонентами жрец, служитель, слуга. Специфика данных компонентов заключается в том, что они образуют фразеологические серии, однотипные по своей синтаксической структуре, построенные по модели «существительное + существительное». Отметим, что аналогичная особенность наблюдается у ряда компонентов-терминов родства (сын, отец и т.д.). Грамматическим центром в таких сочетаниях является компонент-личное существительное, выступающее во фразеологически связанном значении, реализуя только при наличии зависимого компонента в форме Род. падежа. В роли грамматически подчиненных компонентов обычно выступают абстрактные существительные, указывающие на область, сферу профессиональной деятельности человека: *жрец искусства, жрец науки, служитель культа, служитель муз, служитель Аполлона* и другие. Таким образом, грамматически зависимое слово становится семантическим центром фразеологизма, сохраняя при этом свою семантическую полноту: «...признак связанности отображает ограниченные сочетаемостные свойства семантически реализуемого слова, не касаясь семантики ключевого слова» (3, с.58).

В некоторых фразеологизмах-антропонимах наблюдается иной процесс формирования фразеологической семантики. Компонент-личное существительное утрачивает не только индивидуальное, но и групповое значение, вследствие чего фразеологизм становится наименованием человека не по профессиональному, а по другому свойству, например, по качеству характера. Так, основой создания фразеологизма *модница-огородница* - «щеголиха, франтиха» послужило фонетическое созвучие, рифмованность компонентов, причем второй компонент полностью утратил свою групповую семантику.

Таким образом, формирование семантики фразеологизмов-антропонимов - сложный семантический процесс, осуществляемый разными способами. При этом наблюдаются различные семантические преобразования слов-компонентов, причем важнейшая роль принадлежит грамматически главному субстантивному компоненту, который предопределяет в значительной

степени категориальную, субкатегориальную и групповую принадлежность фразеологической единицы и вносит важнейший вклад в формирование индивидуального фразеологического значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеомообразующее взаимодействие языковых уровней (на материале украинского и русского языков): Дис. ...д-ра филол. наук. - Полтава, 1989. - 502 с.
2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. - Челябинск: ЧГПИ, 1987. - 80 с.
3. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. - М.: Наука, 1981. - 286 с.
4. Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов: Дис. ...д-ра филол. наук. - Санкт-Петербург, 1996.

М.В. Савельева,
Курган

ПЕРФОРМАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Высказывания, содержащие процессуальные единицы с императивной семантикой, являются иллюкутивными речевыми актами, и сами процессуальные единицы являются иллюкутивными. Иллюкутивный акт - это речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления; другими словами, это действие, совершаемое человеком в процессе речи и посредством речи с какой-то определенной целью. Иллюкутивная цель речевого акта, по определению З. Вендлера, - это ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего [Вендлер, 243]. Дж. Серль называет иллюкутивную цель побудительных речевых актов директивной. Она заключается в том, чтобы «заставить кого-либо другого (других) сделать нечто: в произнесениях говорящий пытается побудить слушающего реализовать линию действий, репрезентируемую пропозициональным содержанием» [Серль, 252]. Таким образом, императивный иллюкутивный речевой акт - это действие, совершаемое говорящим в процессе речи и посредством речи с целью побудить слушающего к выполнению определенного действия. Это может быть просьба, приказ, мольба, принуждение и т. д.

Дж. Остин и его последователи делят иллюкутивные единицы на дескриптивные и перформативные. Перформативные единицы (перформативы) называют действие и являются центральным звеном в его осуществлении (Я приказываю вам действовать). Дескриптивные (дескриптивы) описывают содержание речевого акта (Он приказал нам действовать). Дж. Остин в работе «Слово как действие» утверждает, что предложение является перформативным, когда производство высказывания является осуществлением действия,

т.е. в этом случае происходит не просто говорение, а высказывание, содержащее перформативные единицы, эквивалентно действию. [Остин, 27]. Как правило, для перформативов наиболее характерно употребление в форме 1 лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения.

Все иллокутивные процессуальные единицы с императивной семантикой являются дескриптивами, но далеко не все могут быть перформативами. Отметим, что от общего числа употреблений процессуальных единиц с императивной семантикой перформативы составляют около 10% (около 150 из 1500). Наиболее частотным является глагол *просить*, причем от общего числа употреблений (около 300), как в форме перформатива, так и в форме дескриптива, перформативы составляют около 37% (более 110). Это объясняется тем, что глагол *просить* обладает общей, нейтральной семантикой - «обращаться с просьбой, побуждая выполнить ее» [МАС, т. 3, стр. 520], «склонять к исполнению желаемого» [БАС, т. 11, стр. 1353]. Глагол лишен сем «авторитарности», «силового воздействия», «настойчивости», «категоричности», поэтому в рамках теории вежливости глагол *просить* является наиболее оптимальным для использования в высказываниях, направленных на создание ситуации неконфликтного общения. Например,

- Мне надо осмотреть место преступления. - Захлопнув планшетку, я (сыс-ной воевода - прим. автора) поднялся и кивнул царю: - **Прошу следовать** за мной (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). В этот момент оглушительный трезнов над ухом оборвал разговор. Филипп Филиппович сказал в трубку: «да»... Покрыснел и закричал: - **Прошу не отрывать** меня по пустякам. Вам какое дело? - и он с силой всадил трубку в рогульку (Булгаков «Собачье сердце»). В.В.Путин: «**Прошу рассматривать** прошлогоднее и нынешнее послания Федеральному Собранию как единую программу действий, как нашу совместную программу на ближайшее десятилетие» (из послания Федеральному Собранию РФ).

Перформативами также являются глаголы *молить, умолять, заклинать, требовать, призывать, велеть, повелевать, приказывать, предписывать, предлагать, наказывать, советовать, рекомендовать, приглашать, от-правлять, посылать, звать, позволять, разрешать, запрещать, поручать, обязывать, агитировать*. Анализ словарных дефиниций показал, что некоторые перформативы с императивной семантикой имеют синонимичное толкование, что позволяет объединить их в синонимические ряды или группы.

Группа ПРОСЬБА: *призывать, агитировать, предлагать, просить, мо-лить, умолять, заклинать* образуют группу с глаголом *просить* в роли нейтрального или исходного члена ряда. Единицы *молить, умолять, заклинать* представляют собой настойчивую страстную просьбу с ярко выраженным униженным положением говорящего. В этом случае явной становится субъективность интересов говорящего, что и мотивирует необходимость осуществления адресатом каузируемого действия. Единицы *призывать, агитировать, пред-лагать* выражают категорическое побуждение, несмотря на отсутствие авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено или нет. Дифференцирующи-ми семемами здесь являются «настойчивость, повелительность, воздействие с

целью склонить к выполнению какого-либо действия». Например:

Сыскной воевода в беседе с царем: - Вы бы кроме этого слова выучили ещё и правильное понимание законности, правопорядка и презумпции невиновности! - поугрожал я, хотя Горох уже забыл о вездесущем дьяке, переключась сугубо на собственные проблемы. - Ладно, **предлагаю** тело польской принцессы пока никуда **не переносить**, ничего **не трогать** и лишнего **шуму не поднимать**. Кстати, она одна приехала? (Белянин «Отстрел невест») Настоятельно **агитирую** всех **пойти** к врачу! Хотя бы к психиатру в поликлинике (Сообщение из форума «Дневник худеющей дамы» от 6/9/2002). У детей кровотечения, переливать НЕЧЕМ. Пожалуйста, если Вы можете сдать кровь этой группы, позвоните нашему координатору по донорам Лидии (495) 517-2286, info@donors.ru. **Я Вас просто умоляю распространить это объявление. (Сообщение на форуме «Сон разума» от 9 декабря 2007г.)**

Группа ПРИКАЗ: *приказывать, велеть, повелевать, наказывать, предписывать, поручать, обязывать, требовать, направлять, отправлять, посылать* обладают семантикой «авторитарности» и «категоричности» и образуют высказывания, в которых побуждение направлено «сверху вниз»: говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат побуждения выполнит каузируемое действие. Эта уверенность основана либо на социальном праве говорящего, либо на возможности говорящего в данной ситуации применить определенные санкции по отношению к адресату. Например:

Эраст Петрович Фандорин, статский советник: <...> Как полномочный представитель его сиятельства («авторитарность» - указание на социальную позицию) **приказываю** немедленно (усиление категоричности) **освободить** задержанных (Акунин «Статский советник»). «Я не прошу, а **требую раскрыть** это преступление», - заявил глава республики («авторитарность» и «категоричность»). (Статья на сайте www.riadagestan.ru). Вследствие приказа казанского коменданта [господина] генерал-майора Чертова от 13-го [числа] марта сего за № 12-м **предписываю** начальникам отделений и командиру гарнизонной артиллерийской 2-й роты **уволить** по возможности в понедельник на один день, то есть 16 ч[асов], нижних чинов и кантонистов магометанского исповедания для празднования и приношения жертвы по установленным магометанского закона правилам. Подписал: генерал-майор Мазараки (подпись). (**Приказ командира Казанского порохового завода № 71** от 14 марта 1836 г.). Президент РФ не обошел вниманием и вопрос о защите мирного населения: «**Обязываю** всех должностных лиц, ответственных за проведение мероприятий по восстановлению в Чеченской Республике конституционного порядка, **не применять** насилия против мирного населения, **взять** его под защиту». (Хроника вооруженного конфликта. 1994. Декабрь.) В.В. Путин: «Ни Пелагея Григорьевна, ни другие наши пенсионеры таким нашим усилиям не порадуются, - сказал президент. - Считаю необходимым и **поручаю** правительству **пересмотреть** планы по темпам роста доходов пенсионеров. И не в следующем, 2008 году, поднять пенсии в целом на 285 рублей совокупно, а уже с 1 декабря текущего 2007 года поднять базовую часть пенсии, как минимум, на 300 рублей». (Статья на сайте www.newsru.com от 11 октября 2007г.).

Я, султан, сын Мухаммеда, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога, владелец царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, необыкновенный рыцарь, никем непобедимый воин, неотступный хранитель гроба Господня, попечитель самого Бога, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан, - **повелеваю** Вам, запорожским казакам, **сдаться** мне добровольно безо всякого сопротивления и меня Вашим нападками не заставлять беспокоиться». Султан турецкий Мухаммед IV. (Переписка султана Мухаммеда IV с запорожскими казаками Предложение Магомета IV-го). - Всё понятно, немедленно **отправляю** стрельцов **разыскать** человека с огнестрельной раной в ногу. Устанавливаем за ним слежку, но под бездоказательный арест не берём. (Белянин «Дело трезвых скоморохов»).

Группа РАЗРЕШЕНИЕ / ЗАПРЕТ: *разрешать, позволять, запрещать* не содержат семы «необходимости» каузируемого действия. Семантико-прагматической особенностью глаголов этой группы является наличие следующих обязательных условий: 1) адресат заинтересован в выполнении или невыполнении определенного действия; 2) существуют препятствия или ограничения для выполнения или невыполнения этого действия; 3) говорящий способен и компетентен ликвидировать или не ликвидировать эти препятствия; 4) говорящий предполагает или доподлинно уверен в том, что адресат заинтересован в выполнении или невыполнении каузируемого действия. Например:

- И Митьке сказал, и тебе настрого приказываю - за территорию отделения не выходить! Может быть совершена вторичная попытка отбить у нас ценного свидетеля... Ждать! Утром **разрешаю действовать** по обстановке. А сейчас - пропусти! (Белянин «Летучий корабль»). - Вот и ладушки... - кивнула Баба Яга. - Садись, герой, **дозволяю** тебе с нами чаю **откушать**. Хорошо рассказывал, честно, а я уж грешным делом подумывала, будто опять про свои подвиги врать будешь. (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Я **запрещаю** вам **отлучаться** из Москвы до особого распоряжения. (Акунин «Статский советник»).

В последнем примере у единицы *запрещать* есть семы «авторитарности» и «категоричности», что сближает эту единицу с единицами группы «приказ», что было отмечено еще А. Вежицкой [Вежицка, 263]. Изотов называет запрет «прохибитивным коррелятом» как приказа, так и разрешения [Изотов, 15]. Мы не станем относить процессуальную единицу *запрещать* к группе «приказ», так как от приказов она отличается наличием в значении оттенка «заинтересованности адресата в выполнении или невыполнении определенного действия».

Группа СОВЕТ: *советовать, рекомендовать* обладают семой «полезности для адресата» и имеют в структуре своего значения «совершение каузируемого действия в интересах адресата».

- А теперь, - улыбаюсь, - будем продолжать в том же духе... Это, кстати, дрянной пирог. Из полуфабриката. **Советую** поступить, как я: сливки слизать, желе и клубнику - в рот, а тесто - в трэш!.. Помнишь шарлотку, которую готовила Ленка? (Фрай «Энциклопедия мифов»). Перед началом работы я **рекомендую прийти** на консультацию, т.к. для того, чтобы работа была эффективной, нужно детально просмотреть ситуацию. (Сайт Ирины Рэй)

Группа ПРИГЛАШЕНИЕ: *приглашать, звать* обладают семемами «способность говорящего заинтересовать адресата выполнить определенное каузизируемое действие» и «правомочности говорящего обеспечить успешное выполнение адресатом этого действия».

- Я **приглашаю** вас **пообедать**. (Фрай «Энциклопедия мифов»).

Перформативы являются одним из средств максимально быстрого и успешного достижения цели общения. Иллокутивные процессуальные единицы с императивной семантикой в их перформативном употреблении четко описывают намерение говорящего, классифицируя речевой акт как приказ, просьбу, разрешение, запрет, совет или приглашение, и тем самым настраивают адресата побуждения на определенную реакцию, они задают, программируют дальнейшее поведение адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицка А. Речевые акты (перевод с англ. С.А. Крылова) // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. - Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. - М.: Прогресс, 1985. - С. 251-275.
2. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство (перевод с англ. А.А. Зализняк) // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 16: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. - М.: Прогресс, 1985. - С. 238-250.
3. Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Автореф. дис. ...доктора филол. наук. - М., 2007. - 53 с.
4. Остин Дж.Л. Слово как действие (перевод с англ. А.А. Медниковой) // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 17: Теория речевых актов / Общ. ред. Б.Ю. Городетского. - М.: Прогресс, 1986. - С. 22-129.
5. Сёрль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов (перевод с англ. А.А. Блинова) // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник статей. Выпуск 18: Логический анализ естественного языка / Общ. ред. В.В. Петрова. - М.: Прогресс, 1986. - С. 242-263.
6. [MAC] *Словарь русского языка в 4-х томах.* / Гл. ред. А.П. Евгеньева. - М.: Русский язык, 1983.
7. [BAC] *Словарь современного русского языка в 17-ти томах.* - М.: Академия наук СССР, 1951-1964.

Л.А. Савёлова,
Северодвинск

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО НАРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВИДОВОЙ ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА)

Фразеологизация сочетаний, выступающих в наречной функции, в русском языке процесс активный. Одной из причин этого является развитие адвербиальной системы русского языка, предопределяющее пополнение наречного состава новыми единицами.

С точки зрения социально-исторической и национально-культурной обусловленности прагмасемантических свойств номинативно-экспрессивных единиц, показательно то, что выделяются определённые фразео-семантические

группы, в которых фразеологизация имеет регулярный характер. Рассмотрим некоторые из них, в частности двухкомпонентные номинативные единицы наречного типа, объединяемые значением 'видовой признак предмета'.

Группа двухкомпонентных номинативных единиц со значением 'с рисунком в виде чего-либо' лексически замкнута, ее образуют наименования в *горох* / в *горошек*, в *ёлку* / в *ёлочку*, в *клетку* / в *клеточку*, в *крапинку*, в *линейку* / в *линеечку*, в *полоску* / в *полосочку*, в *цветочек* и некоторые другие. Сложность частеречной идентификации приведенных единиц вызвана их синтаксическими свойствами - типовым для них является присубстантивное употребление: *сарафан в горох*, *паркет в ёлочку*, *костюм в крапинку* и т.д. В «Словаре наречий и служебных слов русского языка» [Словарь наречий 2005: 55, 59, 66, 68, 88, 108] данные номинации квалифицируются как наречия. Однако в ряде случаев они допускают присоединение адъективного распространителя: *синий ситец в белый горошек*, *тетрадь в узкую (широкую) линейку*. В подобных контекстах рассматриваемые единицы функционируют как существительные. Данное обстоятельство, тем не менее, не отрицает наличия у них адвербиальной семантики, так как в системе русского наречия имеют место случаи подобного рода функционально-грамматической омонимии, ср.: *весной* и *ранней весной*. Основанием для отнесения единиц типа *в клеточку* к адвербиальным, на наш взгляд, служит их синтаксическая и категориально-семантическая изофункциональность однословным наречиям, составляющим лексико-семантическую группу 'видовой признак предмета', например в кулирной терминологии: *кофе по-восточному*, *яйцо вкрутую*. Наречия *по-восточному*, *вкрутую* неприимчивы, в отличие от причисляемых нами к наречиям единиц типа *в клеточку*, но они также могут занимать приименную позицию, что предопределяет синтаксическую функцию несогласованного определения.

Наречные единицы *в клетку*, *в полоску* и т.п. представляют собой результат фразеологизации сочетания модели *в + N₄*. Их смысловыми аналогами являются неадвербиализованные сочетания модели *с + N₅* (*с клетками*, *с полосками*, *с цветами*); прилагательные (*клетчатый*, *полосатый*, *цветастый*); менее распространены в этой функции формы творительного падежа существительного (*цветами*, *шашками*, ср. диалектное *лапами* 'о ярком, крупном узоре на ткани' [Нефёдова 2001: 64]).

Лексическая сочетаемость единиц модели *в + N₄* ограничена, что объясняется суженностью круга референтов, для характеристики которых могут использоваться данные номинации. Большая часть из них употребляется при описании расцветки ткани или изделия из ткани: *костюмная ткань в клетку*; *ситец в цветочек*; *блузка в горошек*; *юбка в полоску*; *Дед неуклюже поднялся было с места, но что-то замешкался, что-то завозился, и тут она увидела, что на стуле стоит туго стянутый узел - красный платок в горошек* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). Реже рассматриваемые номинации служат для описания других предметов: *паркет в ёлку / ёлочку*; *обои в полоску / в полосочку*; *тетрадь в клетку / в клеточку (в линейку / в линеечку)*. Общим для вещественного значения распространяемых слов является то, что они называют конкретные предметы (материалы), имеющие относитель-

но ровную поверхность. В геометрическом измерении характеристика этих предметов даётся в проекции на плоскость. Сочетаемость с такого рода лексическими единицами в свою очередь ведёт к специализации значения адвербиалов в *горошек*, в *кружочек* и т.п.

Фразеологизация значения определительного в *клетку* / в *клеточку* может осуществляться иным способом, что находит проявление в сочетании со словом *небо*. Выражение *небо в клетку* передаёт разные смыслы в зависимости от характера обобщения: 1) оно может быть образно-изобразительным, реализующим метонимическое значение компонента в *клетку* (небу приписывается признак 'с рисунком в виде клеток' в силу особых условий его зрительного восприятия - через тюремную решётку / клетку); 2) оно может наделяться более абстрактным значением - обозначать состояние несвободы человека, вызванное тюремным заключением. В первом случае в *клетку* сохраняет самостоятельность значения и в функционально-синтаксическом плане может быть определено как наречие в роли несогласованного определения. Во втором случае самостоятельность значения утрачивается: в *клетку* становится компонентом семантически и синтаксически цельного фразеологизма *небо в клетку*.

Коротко остановимся на характеристике ещё одной группы двухкомпонентных номинативных единиц со значением 'будучи приготовленным определённым способом': (*яйцо*) в *мешочек*, (*картофель*) в *мундире*, (*рыба*) под *маринадом* и т.п. Надо отметить, что смысловое единство данных фразеологизированных наречных единиц в значительной степени создается благодаря их лексическому окружению - сочетаемостью с наименованиями продуктов питания. На собственно семном уровне такая однородность, как в предыдущей группе единиц (идентифицируемых по семе 'в виде рисунка'), уже не наблюдается.

Семантическая слитность компонентов единиц данной группы также имеет разный характер: как цельные наречные номинации легче воспринимаются те из них, в основе которых лежит перенос, переосмысление первичного значения слова: в *мешочек* (адвербиальная природа этой единицы подкрепляется его семантико-парадигматическими связями с наречиями *всмятку*, *вкрутую*), в *мундире*, под *шубой* и т.п.

Функционируя как составляющие терминологических обозначений блюд, наречные единицы данной группы редко пересекаются по своей типовой сочетаемости. Они, так же как и характеристики поверхностей по типу рисунка, выражают квалификационное значение, обозначая видовой признак предмета.

Рассмотренные двухкомпонентные единицы имеют переходный характер, они представляют собой «потенциальные наречия» и «грамматические идиоматизмы» (в терминологии В.В. Виноградова), находясь на периферии наречной системы русского языка. Показательно, что бо́льшая часть такого рода идиоматизмов имеет морфолого-синтаксическую природу как-наречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефёдова Е.А. *Экспрессивный словарь диалектной личности*. - М.: МГУ, 2001.

Г.Н. Сергеева,
Владивосток

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЗМА С ГАКОМ

С гаком принадлежит к числу фразеологизмов, которые мы рассматриваем как составную часть лексикализованных предложно-падежных словоформ (далее - ЛСФ). Входит в структурно-семантическую группу модели $c + N_5$ с количественно ограничительным значением, наряду с ЛСФ *с копейками*, *с лишком*, *с лишним*, *с небольшим*, *с хвостиком* и др., обладающими «повышенной лингвоспецифичностью» (А.Д. Шмелёв). В настоящей статье наше внимание будет сосредоточено на выявлении категориального статуса и синтаксических возможностей одного из слов этой группы - *с гаком*.

Подчеркивая семантическую общность ЛСФ *с гаком*, *с лишком*, *с лишним*, *с хвостиком*, БССРЯ делает отсылку (см.) к лексеме *больше* [3, т. II: 264, 265, 266]. Второе значение *больше* - «*свыше*» - и будет объединяющим для приведенных ЛСФ: « \diamond БОЛЬШЕ »<...> 2. *свыше*, ~ с гаком (*прост.*); с лишком (*прост.*); с лишним; <...> / о *возрасте*; ~ с хвостиком (*разг., шутл.*) <...>» [3, т. I: 63]. ЛСФ *с гаком* зафиксирована в БТС в словарной статье исходного существительного под значком фразеологизма \diamond [1: 192]. Из специальных словарей *с гаком* представлено в «Словаре русской фразеологии» и в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» под ред. В.В. Бурцевой; в последнем оно квалифицировано как наречие; оба словаря подчёркивают его стилистическую сниженность - *прост.* Значение *с гаком* толкуется через синонимы: *с лишним*, *с лишком*, [6: 272]; *с излишком* [7: 106]. Таким образом, значения ЛСФ в разных словарях определяются примерно одинаково: в них присутствует сема *сверх* и более.

В нашем материале, кроме перечисленных ЛСФ, встретились не зафиксированные в словарях разговорные - окказионально-авторские *с маленьким*, *со многим*, *с пустяком* и др., принадлежащие к безэквивалентной лексике, приемы передачи которой в двуязычной лексикографии представляют большой практический интерес для изучения иностранного языка. «Незнание соответствующих иноязычных параллелей затрудняет общение. <...> Представляется целесообразным составить тематические словари примерных приемлемых соответствий» [2: 567]. Мы не ставим цель решить этот вопрос в плане переводоведения; остановимся лишь на русских параллелях.

ЛСФ *с гаком* в устной речи встретилась с определением, подчеркивающим неполную лексикализацию сочетания: *Она [путевка] стоит 11 - с небольшим гаком* (Устная речь. Преподаватель вуза - лингвист. Петропавловск-Кам-

чатский. 2002. 21 июня). Единично употребление с *гаком* при «авось» (в зн. сущ. Случайная удача, везение [9: 21]): *Уж если звенк скажет, что до такогото места «один день пути на оленях», то это не какой-то «авось» с гаком, а реальное расстояние (Изв. 1980. 24 июля).*

Очень образно говорит о значении с *гаком* В.М. Мокиенко: «Как ни велико было расстояние или размеры чего-либо, всегда можно представить себе нечто еще большее. Особенно когда под рукой - специально для этого созданное выражение с *гаком*. Нет, пожалуй, ничего более приблизительного, чем этот самый фразеологический *гак*» [5: 91].

Эта «приблизительность и относительность» наглядно показана при употреблении с *гаком* в диалогической речи героев в одной из повестей о войне: *Давай в бричку, - сказал Левушкин и крикнул сплавщикам: - Молодежь, сколько времени у немцев просить? _/ Минут пятьдесят с гаком, - ответил Сивкун. _/ А в гаке сколько будет? _/ Та десять минут! (И. Болгарин, В. Смирнов. Обратной дороги нет). Употребление существительного в сочетании с «гаком» в кавычках также свидетельствует об образной неопределенности этой ЛСФ: *Он охранял мост на горе, от которой до ближайшего ручья было километров десять с «гаком» (Комс. пр. 1992. 31 дек.).**

БТС подчеркивает особенность употребления с *гаком*: при указании на количество чего-л. [1: 192]. В.М. Мокиенко развертывает это определение: «1. О значительном превышении какого-л. расстояния. 2. О значительном превышении какого-л. количества, с излишком» [7: 106]. В другой работе он пишет: «Он [фразеологический *гак*] применим практически к любому измеряемому объекту и может характеризовать добавку или излишек как расстояния, так и веса или времени. Чаще всего, однако, этот оборот употребляется именно с мерами длины, причем традиционные меры - такие, как верста, - уже давно уступили место современным метрическим <...>» [5: 91-92].

Наш материал подтверждает справедливость этих наблюдений В.М. Мокиенко. С *гаком* может сочетаться с количественными числительными и количественно-именными сочетаниями со значением возрастной характеристики: *Жена. Я не знаю, что мне делать. Я запуталась. Помогите мне. _/ Муж. Тьфу. Послушать, так прямо Анна Каренина какая-то. Будто ей не пятьдесят с гаком, а двадцать два года (Л. Пантелеев. Анечка);* со значением веса: *<...> - Простите, - Булгаков подходит к бидону и пытается двумя руками поднять с места, но тщетно, - удивительно, сколько же в нем кээз? _/ Тридцать с гаком, - отозвался Маницин. _/ Этот бидон, я смотрел, вы одной левой поднимаете? - Булгаков качает головой (М. Деменок. Кедровый осмол);* со значением стоимости: *Я не жалуюсь, <...> я иду в универсам и люблюсь на чавычу - 200 с гаком - килограмм (Красное знамя. 1992. 7 марта);* со значением количества людей: *Причины, по которым десять с гаком миллионов сограждан купились на ловко перегоняемый из-под одного «наперстка» под другой «шарик обещанного счастья...» (Утро России. 1993. № 6).*

Чаще всего с *гаком* употребляется с количественно-именными сочетаниями со значением меры времени: *Нынче без ног остался сам Борис Данилович, замечательный врач, который 30 с гаком лет стоял у операционного стола, составляя из кусочков сломанные кости, зашивая раны, спасая (Вла-*

дивосток. 1999. 22 июня) и со значением меры пространства: *И ехать не двадцать, не тридцать километров, а шестьдесят с гаком* (В. Шукшин. Там, вдали).

Значение превышения, которое свойственно с гаком, может подчеркиваться акцентирующими частицами: *Хотим мы пожелать полвека или даже с гаком шагать* [вместе] (*Поздравление с юбилеем. Радиопередача. Владивосток. 2004. 21 нояб.*); *До боя [Потапов] шутил: «Ну, «козявочка», если что, зови тягач». Сто с гаком все-таки* (Комс. пр. 1980. 12 июля). Сема и даже больше выявляется в конструкциях уточняюще-присоединительных и присоединительных: *Проживши тридцать да еще с гаком годочков, ясно, что они [Алена и Иван Петрович] немало перелились друг в друга и тем уже стали роднее, что в каждом из них прибавлялось плоти другого, которая не может не проникать к своему изначальному крову* (В. Распутин. Пожар). Местоименное прилагательное *свой*? при числительном или количественно-именном сочетании акцентирует отношения уступки-несоответствия: *Замечу, что он [Василий Александрович] и сегодня весьма бодр и выглядит моложе своих семидесяти с гаком* (АиФ 3д. 2003. №51).

Закрепленность позиции - при словах, обозначающих количество или меру, - делает невозможным причислить с гаком к наречиям. Нет этого слова и в списке фразеологизмов субкатегорий образа действия и степени признака, составленном А.Д. Соловьевой [8: 450-456]. По функции оно приближается к служебному слову - частице со значением больше, свыше (значение превышения) или со значением приблизительности (около). Именно как частицу со значением приближенного равенства на грани неравенства со стороны превосходства квалифицирует с гаком С.А. Крылов [4: 57]. Стилистическая окрашенность (*прост.*) определяет и сферу употребления с гаком - разговорная, часто диалогическая речь.

Мы проанализировали только одну ЛСФ из группы количественно-ограничительных слов модели $c+N_5$. Не меньший интерес как лингвоспецифическое явление современного русского языка представляют и другие ЛСФ, в частности с хвостиком. Но это - материал для другой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб: Норинт, 2001. - 1536 с. (БТС)
2. Девкин В.Д. Немецкая лексикография: Учеб. пособие для вузов. - М.: Высш. шк., 2005. - 670 с.
3. Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: В 2 т. - СПб: Нева, 2003. - Т. 1 448 с.; - т. 2. - 480 с. (БССРЯ)
4. Крылов С.А. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. - М.: Индрик, 2005. - С. 44-65.
5. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии: Науч.-попул. - М.: Высш. шк., 1990. - 160 с.
6. Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В.В. Бурцева. - М.: Рус. яз. Медиа, 2005. VI, 750, [10] с.
7. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А.К. и др. - СПб: Фолио-Пресс, 1998. - 704 с.
8. Соловьева А.Д. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы русского языка. - Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005. - 459 с.
9. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. - СПб.: Норинт, 2004. - 768 с. (БСРРЭ)

*А.А. Соколова,
Тюмень*

МНОГОЗНАЧНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ СОДЕЙСТВИЯ

(Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ «Молодой кандидат - 2007». № МК - 1327.2007.6)

По данным нашей картотеки, многозначными являются около четверти из 1500 процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения (ПФСО). Критерием для выделения нескольких значений является характер субъектно-объектной сочетаемости процессуальной единицы. Разные фразеосемантические варианты могут характеризовать разные типы отношений: межличностные (*находить/найти поддержку у кого-л.*); лично-предметные (*охранять как зеницу ока что-л.*); предметно-личные (*вселять/вселить надежду кому-л.*); межпредметные (*идти/пойти на пользу чему-л.*).

Внутри каждого типа отношений представляется необходимым выделение подтипов. В один из таких подтипов мы объединили фразеологизмы, выражающие отношения содействия, то есть доброжелательные отношения, построенные на взаимопонимании, продуктивные отношения, которыми довольны оба участника: *носить на руках кого-л., отводить/отвести душу с кем-л., поднимать/поднять настроение кому-л., подставлять/подставить плечо кому-л.* и т.д.

Из 100 рассмотренных единиц 60 ФЕ способны выражать только какой-либо один тип отношений, т.е. являются однозначными. Из них 35 процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения выражают отношения содействия между лицами: *приходить/прийти на выручку к кому-л., протянуть руку помощи кому-л., сдувать пылинки с кого-л.* и др. 15 ФЕ выражают отношения лица к предмету: *вкладывать/вложить душу во что-л., охранять как зеницу ока что-л.* и под. 10 ФЕ выражают отношения предмета к лицу: *внушать/внушить доверие кому-л., приносить/принести удовлетворение кому-л.* и т.д.

Интересен фразеологизм *ставить/поставить на ноги* кого-л. Несмотря на то, что эта единица способна выражать только межличностные отношения, она имеет два значения, которые выявляются из контекста:

1. Вылечить кого-л., сделать здоровым, способным стоять на ногах (*Врачам, по сведениям того же Райца, удалось **поставить на ноги Маркуса Шоппа**. Спорт-экспресс, № 262, 1998. Антон Сихарулидзе, катавший тогда в паре с Марией Петровой, счел делом чести и долгом своей жизни **поставить** девушку*

на ноги и вернуть ей радость жизни. *АиФ, № 5, 1999*).

2. Вырастить кого-л., сделать способным самостоятельно жить, подготовить ко взрослой жизни. (Только лишь **поставят на ноги молодца**, то есть, когда нянька станет ему не нужна, как в сердце матери закрадывается уже тайное желание приискать ему подругу - тоже поздравнее, порумянее. *Гончаров. Обломов*. Надо **его** вырастить, **на ноги поставить**. *Гладков. Повесть о детстве*).

28 ФЕ являются двузначными, т.е. способны выражать два типа отношений. Из них 15 ФЕ являются одновременно межличностными и предметно-личными: *находить/найти путь к сердцу кого-л., приходится/прйтись по душе кому-л.* и др.

13 двузначных ФЕ могут быть как межличностными, так и лично-предметными: *беречь как зеницу ока* кого-что-л., *отводить/отвести душу* с кем-чем-л. и т.д. Все эти единицы объединены тем, что могут сочетаться только с субъектом-лицом, т.е. отношения всегда иницирует человек. А направлены эти отношения могут быть как на человека, так и на неодушевлённый объект:

Вторую беременность она отлежала в Центре матери и ребенка и, когда Игорь родился, **берегла его как зеницу ока**. *Работница, № 10, 2003*. Храбрый, опытный пилот и самолет свой **берег как зеницу ока**... *А. Куманичкин. Чтобы жить...*

10 ФЕ способны выражать три типа отношений, следовательно, возможно выделение у этих единиц трех значений: *приносить/принести пользу* кому-чему-л., *принимать/принять участие* в ком-чем-л. и др.

Фразеологизм *принимать/принять участие* в ком-чем-л. имеет 3 значения, но выражает всего два типа отношений: межличностные и лично-предметные. Третье значение относит фразеологизм к субкатегории деятельности, т.к. обозначает активный процесс субъекта-деятеля:

1. В ком. Межличностн. отн. Кто-либо помогает кому-л. (*Я принимаю сердечное участие в Горшкове, родная моя, соболезную ему. Ф. Достоевский. Бедные люди.*)

2. В чем. Лично-предметн. отн. Кто-либо заинтересован чьим-либо положением, судьбой и т.д. (*Моя Анюточка принимала большое участие в его танте. А. Чехов. ПСС. Т.3, с.108.*)

3. В чем. Деятельн. Кто-либо совершает какое-либо действие, является участником какого-либо процесса. (Даже гр. Толстой **принял участие в заговоре** против униженных и оскорбленных. *Л. Шестов. Достоевский и Ницше.*)

Мы считаем, что разные субкатегориальные значения фразеологизма - это не омонимия, а так называемая внешняя многозначность, т.к. у единицы в разных значениях сохраняется общее категориальное значение процессуальности.

Наибольшее количество значений выявлено у фразеологизмов *уделять/уделить внимание* кому-чему-л. и *делать/сделать честь* кому-чему-л. в зависимости от того, какой тип отношений выражает единица в контексте. Фразеологизм *делать/сделать честь* кому-чему-л. способен выражать все четыре типа отношений:

1. Кому. Номин. Межличн. отн. Кто-либо оказывает кому-либо особое вни-

мание, проявляет особое уважительное отношение к кому-л. какими-либо действиями. (Думают балбесы, что **честь мне сделали**, дав место за своим столом, тогда как не понимают, что это я, я им делаю честь, а не мне они! *Ф. Достоевский. Записки из подполья.*)

2. Чему. Номин. Лично-предметн. отн. Кто-либо делает что-либо более весомым, достойным внимания, придаёт значимости чему-либо. (Он хочет называть каждую вещь ее собственным, настоящим именем, а не принимать журавля за соловья. “Свистуны” не считают, например, что уж и того довольно, если они **сделают честь** литературе своим в ней участием. *Ф. Достоевский. Ряд статей о русской литературе.*)

3. Кому. Номин. Предметно-личн. отн. Что-либо характеризует кого-либо по достоинству, выявляет в ком-либо особые качества, достоинства, умения, таланты. (Психологическая проницательность ее удивительна, постройка речи сделала бы честь любому оратору, даже из древних. Но, согласитесь, ведь очень заметно, что Наташа говорит слогом г. Достоевского? *Н. Добролюбов. Забытые люди.*)

4. Чему. Номин. Межпредметн. отн. Что-либо служит украшением чего-либо, является его достоинством, достоянием. (Цирк сделал бы честь и не такому городу, как наш. *С.Г. Островой. Журнал “Юность”, №3, 1983. Возражение* его прекрасно, я согласен, и **делает честь** его бесспорному уму; прекрасно уже тем, что самое простое, а самое простое понимается всегда лишь под конец. *Ф. Достоевский. Подросток.*)

Фразеологизм *делать/сделать честь* кому-чему-л. способен выражать все четыре типа отношений, т.к. является наиболее абстрактным.

Наряду с номинативным процессуальным фразеологизмом *делать/сделать честь* кому-чему-л. в русском языке существует омонимичный ему релятивный фразеологизм *делать/сделать честь*. Он обозначает эмоционально-положительное отношение к совершаемому действию:

Прежде всего трепещущий и заискивающий Шенелон почтительнейше объявил графу, который **сделал ему честь удостоить его аудиенцией**, что он явился от комитета вовсе не для того, чтобы “сметь предлагать графу какие-нибудь условия”, но лишь для того, чтобы, так сказать, “почтительнейше разъяснить положение дел” (буквальные выражения отчета). *Ф. Достоевский. Иностранные события*. Признаться, я до такой степени презираю всех обвинителей, настоящих и будущих, что никогда не соглашусь **сделать им честь** защищаться перед ними. *Ф. Достоевский. Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями.*

Н.Б. Усачёва, исследуя проблему фразеологических связей, отмечает: «От номинативных процессуальных фразеологизмов следует отличать релятивные фразеологизмы (фразеологизмы-связки), которые собственно процессов не обозначают, а выражают отношение говорящего лица к процессам, которые названы глаголами и процессуальными фразеологизмами в форме инфинитива. В функции фразеологизмов-связок входит выражение грамматических категорий лица, залога, вида, наклонения и времени, которые семантически принадлежат инфинитиву основной части сказуемого» [Лебединская, Усачёва 1999: 134].

Таким образом, одним из критериев разграничения многозначности у ПФСО является субъектно-объектная характеристика. С одной стороны, наличие или отсутствие объекта влияет на субкатегориальное значение единицы. С другой стороны, появление новых значений у исследуемых фразеологизмов может зависеть от типов отношений, которые выражают единицы.

ЛИТЕРАТУРА

Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. - Курган, 1999. - 186 с.

*О.А. Степаненко,
Курган*

КОНЦЕПТ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

Концепт, используемый в нашей работе как средство раскрытия особенностей картины мира немецкого народа (этноса), понимается в современной лингвистике вариативно. В связи с тем, что существуют самые различные подходы к изучению концептов, в научной литературе выделяются несколько основных направлений, среди которых - лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Учитывая сложную специфику концепта, представляется правомерным сочетать в данной работе оба направления. Необходимость интегрального подхода, содержащего результаты исследований в разных областях науки о человеке, подчеркивает А.А. Залевская [3:33]. В когнитивном плане функционирование языка представляется в его связи с окружающей действительностью. Отличительной чертой когнитивного процесса является оперирование концептами, которые возникают в мышлении, хранятся в памяти, определяют ментальность и выражаются в языке [2]. Концепты рождаются в процессе восприятия мира, в них проявляются индивидуальные, коллективные и общенациональные особенности. Мы рассматриваем концепт в рамках проблемы «язык - сознание - культура» с точки зрения его места в системе ценностей и функций в жизни человека как индивида и целого этноса. Сегодня говорят о множественности картин мира, в том числе, об индивидуальной картине мира и картине мира определенного этноса (см., например, работы Г.Д. Гачева, О.А. Корнилова, Е.С. Кубряковой, Г.В. Колшанского и многих других ученых). Картина мира является ядром, то есть базисным компонентом мировидения народа. Национально-специфические особенности картины мира обусловлены тем, что каждый народ отражает и воспринимает окружающую действительность в соответствии со своей «сеткой координат», в основе которой лежит национальная культура. Под концептом мы понимаем оперативную содержательную единицу концептуальной системы и всей картины мира. Принципиальными положениями, на наш взгляд, являются следующие: концепт принадлежит области сознания, объективируется в различных языковых

формах и наделен национальной спецификой. Изучение концепта «свой-чужой» ведется на основе анализа репрезентирующих его вербальных средств, а именно - фразеологических единиц и паремий немецкого языка. Мы исходим из широкой трактовки концепта, согласно которой концепт существует в ментальном мире не в виде четких понятий, а в виде пучка представлений, знаний, ассоциаций, переживаний [5]. Концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они - предмет эмоций, симпатий, антипатий, а иногда и столкновений. В качестве одного из исходных положений нашего исследования выступает положение о постоянной динамике структуры концепта как на уровне индивидуального, так и на уровне национального сознания. Поскольку содержание культурного концепта (в данном случае подчеркивается лингвокультурный подход к пониманию концепта) определяется и личным опытом индивида, концепты находятся в постоянном движении, изменении, как и человеческий опыт, легко подвергаются различного рода изменениям среды: социальным, культурным, историческим, политическим.

Следует отметить довольно сложную и разветвленную структуру концепта «свой-чужой», состоящую из множества составляющих ее компонентов, которые, в свою очередь, являются концептами, как например:

Heimat (Vaterland), Staat, Nation, Freiheit, Unabhdngigkeit, Toleranz, Vereinigung, Entfremdung, Osis-Wessis и многие другие. Все эти составляющие концепты образуют в своей совокупности подвижную структуру сознания, реагирующую на основные изменения в жизни лингвокультурного общества, другими словами, в разные периоды истории немецкого этноса может варьироваться релевантность того или иного концептуального признака. Вне сомнений, данный концепт является всеобщим, универсальным, он существует в любой культуре в виде инварианта. Как любой универсальный концепт, «свой-чужой» реализуется в национальной картине мира немецкого этноса в виде соответствующего этнического варианта и познается, будучи научной абстракцией, на основании анализа конкретных языковых данных - фразеологизмов и паремий.

Фундаментальное значение данного концепта для раскрытия специфики культуры соответствующего этноса, его самосознания, очевидно, поскольку оппозиция «свой-чужой» присуща человеческому сознанию во все эпохи, ее содержание меняется в зависимости от исторических, политических и прочих условий. Содержание концепта также изменчиво, что подтверждает открытость и неустойчивость его структуры. Если обратиться к уникальной историко-политической ситуации в Германии, когда существовали два государства с различной политической и идеологической системой в течение долгих 40 лет, а затем «воссоединились», то можно убедиться в изменчивости стереотипов, имеющих самое непосредственное отношение к данному концепту, т.к. они (стереотипы) представляют собой основу отношения к «своему» и «чужому». Именно в период существования ГДР и ФРГ начал свое формирование так называемый «расщепленный» стереотип немца для «чужих»: для русских, поляков и других этносов формировался «положительный во всех отношениях» немец ГДР и «фашист, реваншист» - немец ФРГ [1:250]. С течением времени стереотип восточного и западного немца в рамках концепта «свой-чужой»

кардинально меняется в связи с изменением исторической и политической ситуации: согласно анкете журнала «Шпигель» восточный немец для «чужих» - ленив и провинциален, а западный - находчив, оборотист [1: 276].

Отметим и «внутреннюю расщепленность», когда «свои» оказываются «чужими» среди «своих». Приведем в качестве примера следующие сочетания, подтверждающие вышесказанное: Западные немцы «Wessis», обращаясь к восточным немцам «Ossis», заявляли: *Wir sind ein Volk*. Немцы ГДР реагировали так: «*Wir auch*» - то есть вместо объединения налицо стремление к разъединению.

Граница между «своими» и «чужими» не определена раз и навсегда, контакты с другой культурой приводят к ее изменению и как результат - новое самоопределение культуры. Исходя из собственной картины мира, немецкий этнос, как и любой другой, формирует образ «чужого», при этом «свое» воспринимается как «нормальное», «естественное» по сравнению с «чужим». Основное содержание национального самосознания составляют представления о характерных чертах своей и отчасти чужой нации.

Фразеологизмы, объективирующие концепт «свой-чужой», дают, как правило, положительную характеристику представителям своего этноса: «*gan gehen wie Blycher*», «*auf gut deutsch*», «*das deutsche Wunder*» (ряд примеров может быть продолжен). Это вполне объяснимо стремлением немецкого этноса, как и любого другого, к самоутверждению, для этой цели подчеркиваются самобытные черты национального характера: решительность, открытость, искренность, умение достигать успехов в определенной области (см. приведенные выше примеры). Для «чужих» наряду с симпатией выражаются и негативные характеристики - осуждение, неприятие, неприязнь: «*stolz wie ein Spanier*», «*büchmischer Zirkel*», «*schottisches Blut in den Adern haben*», «*Zustände wie im alten Rom*». Наряду с фразеологизмами национально-культурная специфика языкового сознания немецкого этноса эксплицирована в пословицах, представляющих неповторимый склад мышления данного этноса, прежде всего в сфере нравственно-ценностной интерпретации мира. В рамках анализируемого нами концепта вербализованы ценностные ориентиры немецкого народа, прежде всего, это любовь к Отечеству, родному дому, привязанность к тем местам, где родился и вырос: «*Zu Hause ruht man am besten aus*», «*Zu Hause ist zu Hause, und wdr es noch so schlecht*» [B:127], «*Jedem Vogel gefdilt sein Nest*» [A:50], «*Osten und Westen, zu Haus ist s am besten*». Только в родном доме можно чувствовать себя защищенным «*Eignes Dach gibt Mut*» [A:40]. Стремление к единодушию, согласию «проповедают» следующие пословицы: «*Eintracht baut das Haus, Zwietracht reisst es nieder*» [B:127], «*Eintracht vermehrt, Zwietracht zersturt*» [B:403]. Уважение не только к своим традициям эксплицировано далее: «*In Rom tu, was Rom tut*» [A:21]. Исходя из своего жизненного опыта, немецкий народ ценит порядок, бережливость, осуждает нечестность: «*Ordnung im Haus ist halbes Sparen*» [B:195], «*Sparsamkeit erhdlt das Haus*» [B:127], «*Ordnung hilft haushalten*» [B:195], «*Unrecht Gut tut nicht gut*» [A:119].

Исследование одного из базовых концептов «свой-чужой» в немецком этническом варианте дает определенные представления о специфике языкового сознания немецкого этноса, его ценностных ориентирах. Мы далеки при

этом от мысли относительно простоты выявления содержания данного концепта, так как необходимо (по меньшей мере) сопоставить, по мнению авторитетных ученых [4], «все доступные фиксации репрезентирующих его языковых средств - в системе языка, в речи и текстах».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартминский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. - М.: Индрик, 2005. - 528с.
2. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Панкратц Ю.Г. Словарь когнитивных терминов. - М.: 1996.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. - Тверь: ТГУ, 2001. - 177с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж: Воронежский ГУ, 1999. - С.2-29.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. - М.: 2001. - С.43-83.

ИСТОЧНИКИ

- А.Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений.- М.: Наука:Флинта. - 2006. - 344с.
В. Вeyer Н. und А. Sprichwörterlexikon.- Leipzig:VEB, - 1989. - 392 с.
Бинович Л.Э.и Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь.- М.: Русский язык. - 1975. - 656с.

Б.В. Туркина,
Курган

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ КАК КОМПОНЕНТ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Имя прилагательное является той частью речи, которая добавляет еще один признак в семантику существительного. Этот признак оказывается дополнительно-уточняющим, но не избыточным. Прилагательное можно назвать той частью речи, которая употребляется для языковой содержательности.

Имя прилагательное, входя в состав процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, привносит в индивидуальное фразеологическое значение ту сему из своего бывшего лексического значения, которая делает это значение более глубоким.

В компонентный состав процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния могут входить имена прилагательные, всего их 55. В структурном отношении компонент-прилагательное всегда удлиняет фразеологизм, делает его громоздким. По всей вероятности, именно этим объясняется небольшое количество процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, включающих в свой состав прилагательное.

В подавляющем большинстве случаев во фразеобразовании участвуют качественные прилагательные: мерные (*делать/сделать большие глаза, делать/сделать круглые глаза, дышать полной грудью, иметь равные права, рассыпаться мелкой дробью, смотреть большими глазами*); качественно-оценочные (*встать на верный путь, сделать кислую мину, иметь тор-*

жественное выражение, лежать мертвым грузом, мыкаться по чужим углам, обливаться холодным потом, отделаться легким испугом, питаться святым духом, садиться/сесть на любимого конька, уйти в лучший мир, идти прямой дорогой, выходить/выйти сухим из воды, родиться под счастливой звездой, чувствовать ловкую руку и др.).

Он и в стрелецких бунтах участвовал, с Милославским служил против молодого царя Петра Алексеевича - и сухим из воды вышел, кругом оправдался. А. Западов. *Секретный дневник.*

В конце концов все мы имеем здесь равные права. А. Чаковский. *Победа.*

И слава богу, а то как бы она с ребяташками мыкалась по чужим углам. В. Юровских. *Журавлиные корни.*

Вдвойне для нас, русских, горька весть о смерти фельдмаршала... Сверстники мои уходят в лучший мир, скоро вслед за великим последует его скромный почитатель. Л. Никулин. *России верные сыны.*

Активно участвует в создании процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния качественное прилагательное **вечный**, оно входит в состав 5 фразеологических единиц: *заснуть вечным сном, почить вечным сном, покоиться вечным сном, спать вечным сном, уснуть вечным сном.*

Прилагательное **мелкий** входит в компонентный состав 3 процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния так же, как и прилагательное **мертвый**: *лежать мертвым грузом, оставаться/остаться мертвой буквой, пить мертвую чашу.*

Относительные прилагательные пассивны во фразеобразовании (13). Они встречаются в таких процессуальных фразеологизмах субкатегории состояния: *дрожать пуще осеннего листа, заснуть детским сном, выбраться на свет божий, обдать ледяной водой, пройти огонь, воду и медные трубы, строить воздушные замки, ходить на задних лапках* и др.

Относительные прилагательные в процессе фразеологизации утрачивают сему относительности и приобретают разнообразные качественные семы.

Бакунин хотел главенствовать, Виссарион Григорьевич уже понял, что этот виртуоз формальной диалектики, проповедующий обращение к действительности, лично для себя охоч строить воздушные замки. А. Новиков. *О душах живых и мертвых.*

Я познакомлю тебя с Налей Р. Она еще гимназистка, дочка очень чванных родителей, но уже прошла огонь и воду и медные трубы, умна, как бес, весела, как француженка, и может выпить бутылку шампанского без всякой посторонней помощи. И. Бунин. *Жизнь Арсеньева.*

Единично в составе фразеологизмов субкатегории состояния обнаруживается притяжательное прилагательное (1): *лить крокодиловы слезы.*

В составе процессуальных фразеологизмов состояния встречаются бывшие страдательные причастия (3): *жить с завязанными глазами, сидеть у разбитого корыта, терять нить происходящего.*

У некоторых фразеологизмов анализируемой субкатегории именованным компонентом является субстантивированное прилагательное (10): *быть чуть живым, ощущать прошлое, оставаться молодым, пить горькую, терять нить происходящего, удариться во все тяжкие, хлебнуть лишнего, чутья неладное.*

Человек, видя безысходное положение, порой махнет на все рукой и ударится во все тяжкие. *М. Алексеев. Драчуны.*

В одном месте поражает быстрота обслуживания при покупке билетов, изящество и забота о питании пассажиров, а в другом - страшная теснота и нервозность: когда бастуют железнодорожники, западному пассажиру приходится хлебнуть соленого. *В. Белов. Дважды в году весна.*

Сначала она наотрез было отказалась от предложенной роли и согласилась только после долгих упрасиваний. На репетициях я ее почти не видал, но догадывался издали, что Лидочку задело за живое. *А. Куприн. К славе.*

Прилагательные в составе процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния утрачивают свое категориальное (признаковое) значение, но активно реализуют элементы групповых значений. Реализованные семантические элементы значений имен прилагательных делают значение новых единиц более содержательным.

Н.Б. Усачева

Курган

СВЯЗКА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Понятие часть речи, несмотря на многочисленные разногласия в оценке количества и качества составляющих ее элементов, принадлежит к центральным, основополагающим категориям грамматической науки. Разнообразие концепций, описывающих части речи, не отрицает мысль о том, что слова распределяются на грамматические классы, состав и содержание которых зависит от предложенного исследователем подхода к морфологическим явлениям. В русской грамматике разработаны различные научные парадигмы, позволяющие интерпретировать частеречную природу слов: семантическая (А.А. Потебня), формально-грамматическая (Ф.Ф. Фортунатов), синтаксическая (А.А. Шахматов), понятийная (И.И. Мещанинов), лексико-грамматическая (В.В. Виноградов), функциональная (А.В. Бондарко) и др.

Все исследователи признают наличие в языковой системе формирующихся, до конца не сложившихся частей речи и грамматических форм, которые квалифицируются как синкретичные, смешанные, гибридные, образовавшиеся в результате перехода. Диалектическое развитие частей речи отражает системный характер грамматического строя языка, а синкретичные образования являются свидетельством динамического развития языковой системы и характеризуют еще не завершённый процесс перехода одной сущности в другую. Переходные явления затрагивают все, даже самые устоявшиеся, бесспорно выделяемые всеми исследователями, грамматические классы.

Установлено, что общая тенденция в развитии грамматической системы современного русского языка - усиление в нем аналитизма, стремление расчлененно выражать грамматические отношения и грамматические значения.

Именно развитием аналитизма в русском языке объясняется становление и формирование новых морфологических форм и грамматических классов. Активно употребляющиеся аналитические средства выражения обуславливают изменение в современном русском языке соотношения синтетических и аналитических способов выражения грамматических значений, формируют новые правила образования аналитических грамматических форм и аналитических конструкций.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что в современном русском языке происходит процесс формирования особой гибридной служебной части речи - связки. Слова этой части речи выражают грамматические значения возможности, желательности, необходимости, способности произвести то или иное действие, и являются лексическими средствами репрезентации языковой категории модальности. Синкретизм связок проявляется в том, что генетически слова этой части речи связаны с глаголом, но развивают семантические, морфологические, синтаксические и функциональные свойства, характерные для служебных единиц языка. Речь идет о таких словах и фразеологизмах, как *мочь, уметь, иметь возможность, хотеть, желать, гореть желанием, изъявить желание, забыть, отбить охоту, привыкнуть, взять моду, иметь свойство, потерять надежду, любить, почесть за счастье, почувствовать потребность, собираться, лелеять мысль, намереваться, уметь, изъявить готовность, продолжать, получить право, взять моду, сделать попытку, попытаться, иметь цель, найти способ* и мн. др.

Не все ученые признают существование связок как особого семантико-грамматического разряда, например, В.М. Никитин считает, что выделение связки в качестве особой части речи - это «субъективистская вольность», он пишет: «Внимательный анализ тех речевых средств, которые употребляются в роли связок, показывает, что они не составляют особой части речи, не отходят по своим морфологическим признакам от глагола» [Никитин 1967:43].

Наш материал показывает, что связки качественно отличаются от глаголов не только по морфологическим свойствам, но и по ряду других, важнейших для конституирования части речи признаков, главными, основными из которых являются категориальное и субкатегориальное значения, система и характер грамматических категорий, синтаксическая функция и синтаксические связи единицы в тексте, способы и особенности образования, типичные словообразовательные связи с другими частями речи. Все эти признаки лексических и фразеологических связок отличаются от соответствующих признаков глаголов и процессуальных фразеологизмов.

Категориальное значение процессуальных единиц языка - значение процессуальности определено проф. В.А. Лебединской как «способность слова или фразеологизма обозначать признак предмета, выражающий динамику, изменчивость этого предмета» [Лебединская 1987:6]. Это общеграмматическое значение одной из основных самостоятельных частей речи. Нами установлено, что частеречным значением связок является значение копулятивности, выражающее «синтаксические отношения между субъектом речи и предикатом» [Усачева 2005:73]. Выражение отношений - свойство служебных, несамостоятельных единиц языка, то есть значение релятивное. Копу-

лгativity как категориальное значение связей конкретизируется, уточняется семами рациональности и эмоциональности в зависимости от типа отношения говорящего к тому или иному процессу.

Состав грамматических категорий глаголов и связей совпадает, но это совпадение лишь внешнее, формальное, содержательно же категории лица, времени и наклонения глаголов выражают общеграмматическое значение процессуальности, относятся к самой процессуальной единице, тогда как у связей эти категории характеризуют процесс, названный в основной части сказуемого, их индивидуальное значение обуславливает появление аналитических конструкций. [Жирмунский 1965:3].

Специфическими являются и синтаксические свойства связи: единственной морфологизированной синтаксической функцией связи является составное сказуемое, в котором реализуется ее значение - выражать отношения между субъектом действия и предикатом. Важным и требующим дальнейшего раскрытия является сформулированное академиком И.И. Мещаниновым положение о том, что связка «уточняет смысловое содержание основного слагаемого в составе сказуемого, придавая ему ту характеристику, которая соответствует смыслу высказывания. Связка передает различные оттенки высказываемого процесса, принимая на себя детали его выражения» [Мещанинов 1949:162].

Связки пополняются только за счет процессуальных единиц, образуются в результате их грамматикализации неморфологическим морфолого-синтаксическим способом, то есть при сохранении внешней формы появляется качественно новое содержание, значительно более абстрактное, грамматическое по своей природе.

Исследование лексических и фразеологических связей позволит уточнить теорию частей речи современного русского языка, дополнить представления о переходности и аналитизме частей речи и грамматических форм в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях. // Аналитические конструкции в языках различных типов. - М. - Л.: Наука, 1965. - С. 3-4.
2. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. - Челябинск, 1987. - 112 с.
3. Мещанинов И.И. Глагол. - М. - Л., 1949. - 198 с.
4. Никитин В.М. К вопросу о месте связки в системе частей речи и в структуре предложения. // Вопросы общего и русского языкознания. Материалы шестой научно-методической конференции кафедр русского языка педузов Уральского зоны. - Оренбург, 1967. - С. 40-43.
5. Усачева Н.Б. Категориальное значение копулятивности лексических и фразеологических связей // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - Сер. 3. «Филология». 3.2005. - С. 73.

Т.Н. Федуленкова,
Северодвинск

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеология как лингвистическая дисциплина привлекает внимание все более широкого круга исследователей. Если в двадцатые годы впервые ставится вопрос о выделении фразеологии в особую область языкознания [Политанов 1931: 119], то сейчас, благодаря заслугам отечественной лингвистики, признанным и за рубежом, фразеология является вполне сформировавшейся отраслью лингвистической науки, переживающей третий период своего развития, располагающей сложившейся теорией и собственной частной методологией [Кунин 1996: 29-45]. Классификационный анализ современного развития фразеологии позволяет выделить отчетливо сформировавшиеся направления исследований по данной лингвистической дисциплине, а именно:

- 1) морфолого-грамматические особенности фразеологических единиц;
- 2) структурные типы фразеологизмов;
- 3) семантика фразеологических единиц;
- 4) фразеологическая номинация;
- 5) специфика отношений фразеологических единиц с их компонентами и сложными словами;
- 6) когнитивный подход к изучению фразеологического значения;
- 7) стилистическое функционирование фразеологических единиц;
- 8) источники фразеологических единиц и пути и способы фразеологизации;
- 9) фразеология различных территориальных вариантов языка;
- 10) фразеография;
- 11) фразеологическая деривация;
- 12) фразеологический идиостиль автора;
- 13) функционально-коммуникативные особенности фразеологизмов;
- 14) лингвокультурологический аспект фразеологии и национально-культурная специфика ФЕ;
- 15) фразеологическая терминология;
- 16) социолингвистический аспект прагматических функций фразеологических единиц;
- 17) жанровые, стилистические, художественные и др. проблемы перевода фразеологии;
- 18) фразеология в контексте субкультуры;
- 19) лингводидактический аспект фразеологии;
- 20) проблема моделированности в сфере фразеологии.

К приведенному перечню следовало бы добавить пункт о сопоставительно-типологическом изучении фразеологических единиц разных языков как о наиболее интенсивно развивающемся направлении во фразеологии: к концу 60-х годов только начали появляться работы в аспекте собственно фразеологической компаративистики. Среди них отметим диссертационные исследования таких лингвистов, как М.А. Пеклер (1967), А.С. Рагимов (1968), Л.Я. Орловская (1968), чьи работы в некоторых аспектах не утратили актуальности и по сей день.

Лишь к началу 80-х годов XX века в лингвистической литературе появляются указания на потенциальную универсальность того или иного фразеологического явления, в первую очередь, в работах Э.М. Солодухо (1977) и Ю.П. Солодуба (1982). Первые попытки сформулировать фразеологические универсалии также относятся к началу 80-х годов и представлены, прежде всего, в трудах по сопоставительной и типологической фразеологии лингвистов школы В.Д. Аракина (Семенова 1983; Федуленкова 1984) (см. подробнее в: [Федуленкова 2006: 12-24].

Сама логика развития лингвистической науки требует объединения усилий специалистов по фразеологии и типологии. Типологическая релевантность фразеологии не может более оставаться незамеченной. Разработке вопросов, связанных с проблемой типологического изучения фразеологии, уделяется особое внимание в фундаментальном труде Д.О. Добровольского, впервые в лингвистике предпринявшего решительные шаги в формировании основ структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков. На основе теоретического обобщения лингвистических проблем, связанных с явлением дискретности *versus* конгерентности формально-семантической структуры фразеологизмов, и лингвостатистического анализа фразеологических систем немецкого, английского и нидерландского языков по этому параметру была полностью подтверждена гипотеза о наличии прямой зависимости меры регулярности фразеологической системы от степени аналитизма языкового строя.

Многоаспектность инвариантности фразеологической единицы делает ее типологически релевантной, т.к. дает возможность наблюдать особенности важнейших внутрисистемных иерархических отношений в пределах одной фразеологической единицы и устанавливать типы этих отношений на межъязыковом уровне.

Современное развитие науки о языке позволяет констатировать существование сравнительной фразеологии как формирующегося лингвистического направления, в котором намечаются специфические аспекты исследования, такие, например, как сравнительно-исторический, сопоставительный, контрастный, структурно-типологический, контенсивно-типологический, располагающие своими особыми методами, задачами и процедурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка*. - М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. - 381 с.
2. Поливанов Е.Д. *За марксистское языкознание*. - М., 1931. - 209 с.
3. Федуленкова Т.Н. *Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография*. - Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2006. - 195 с.

О.П. Фесенко,
Омск

УСТАРЕВШАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПИСЬМАХ

И.И. ПУЩИНА

Жанр дружеского письма в современной лингвистической науке изучается чрезвычайно активно. Повышенный интерес к эпистолярному связан с тем, что письмо максимально приближено к живой разговорной речи, в которой активнее всего отражается личность автора, основные языковые процессы эпохи, особенности различных уровней языковой системы. Каждая языковая единица, функционирующая в эпистолярном тексте, значима. Автор создает письмо таким образом, чтобы оказать на адресата как можно более сильное воздействие, передать свое эмоциональное состояние, поделиться наболевшим. Фразеология дает возможность реализовать поставленные цели в полном объеме.

Нами было проанализировано эпистолярное наследие И.И. Пущина, в текстах писем которого функционирует 356 фразеологических единиц (около 1500 употреблений). Предметом нашего изучения стали устаревшие фразеологизмы: 32 ФЕ (9 %) в количестве 75 употреблений.

Устаревшую фразеологию, функционирующую в текстах писем, можно классифицировать по степени устаревания и фиксации в словарях современного русского языка: 1). ФЕ и их варианты, квалифицированные современными фразеологическими словарями (список словарей дан в конце статьи) как устаревшие (26 ФЕ): *сделай дружбу, храни (вас, тебя и т.д.) бог, помогай бог (кому), по всем вероятностям, на глаза (кого, чьи), к счастью, благодаря бога, по части (кого, чего), в продолжение (чего), сию минуту, по справедливости, по (какому-либо) обыкновению, по (всей) силе, от времени до времени, о сию пору, некоторым образом, настоящим образом, какими судьбами, присутствие духа, проза жизни, без шуток, без затей, становиться / стать на хлебы, выводить / вывести в люди (кого), класть / положить печать, не приходите / прийти на (в) мысль (кому), жить своим домом.* 2). ФЕ, функционировавшие в эпистолярных текстах первой половины XIX века и не отмеченные современными фразеологическими словарями (6 ФЕ): *давать / дать на волю (кого, что), больше или меньше, большей частью, надлежащим образом, по времени, в воспоминание (кого, чего).*

Все ФЕ второго типа зафиксированы словарями русского языка XI-XIX веков (см. конец статьи). Часть такой фразеологии еще во времена И.И. Пущина имела фразеологические варианты, которые функционировали в текстах дружеских писем первой половины XIX века и квалифицируются современными фразеологическими словарями как активно употребляющиеся, например: (...) *трое только на сем свете состоят со мной в сношениях БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ дружеских: ты, Яковлев и еще третий.* (А.С. Пушкин М.О. Судинке, 15 января 1832 г.). *Не постигаю, почему ты так долго не получил моего письма (...). Во всяком случае, ты из них узнаешь БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, что со мной делается.* (И.И. Пущин П.Н. Свистуну, 25 февраля 1840 г.).

Кроме того, в текстах писем И.И. Пущина отмечается параллельное употребление двух форм ФЕ (устаревшей и современной), что свидетельствует о динамичности процессов устаревания в сфере фразеологии изучаемого пе-

риода: На днях буду крестить его, назвали его Василием В ПАМЯТЬ бедного Ивашева. (И.И. Пущин И.Д. Якушкину, 17 ноября 1841 г.). Марья Александровна просит, чтоб я Аннушку назвал Ниной, В ВОСПОМИНАНИЕ ее дочери. (И.И. Пущин Н.Д. Фонвизиной, 13 февраля 1856 г.).

Устаревшую фразеологию можно классифицировать в соответствие с различными типами варьирования: 1) ФЕ, не подвергающиеся варьированию или являющиеся инвариантами (26 ФЕ): сделай дружбу, храни (вас, тебя и т.д.) бог, помогай бог (кому), на глаза (кого, чьи), благодаря бога, по части (кого, чего), в продолжение (чего), сию минуту, по справедливости и т.д.. 2) Компонентные варианты ФЕ (3): в память / в воспоминание (кого, чего), к счастью / по счастью, надлежащим / настоящим образом. 3) Морфологические варианты ФЕ (4): большей частью (частью), к счастью (счастью), более или менее (больше или меньше), по всей вероятности (по всем вероятностям).

Если сопоставить две приведенные классификации, то обнаруживается определенная закономерность: практически все ФЕ, являющиеся компонентными и морфологическими вариантами, устарели достаточно быстро и современными фразеологическими словарями не зафиксированы. Это еще одно доказательство того, что темпы устаревания фразеологизмов различны, но подчиняются они общезыковым тенденциям, свидетельствующим, что наличие фразеологических вариантов - это переходная ступень в развитии фразеосистемы языка, делающая возможным процессы ее изменения в течение относительно небольшого временного промежутка.

Устаревшая фразеология, функционирующая в дружеском эпистолярном И.И. Пущина, придает авторскому стилю особенный колорит. Она используется для передачи возвышенного внутреннего состояния, торжественности момента: Марья Александровна просит, чтоб я Аннушку назвал Ниной, В ВОСПОМИНАНИЕ ее дочери. (И.И. Пущин Н.Д. Фонвизиной, 13 февраля 1856 г.).

Фразеологизмы помогают не просто назвать событие или явление, которое волнует автора (т.е. ФЕ выполняет номинативную функцию), но одновременно оценить происходящее, заразить эмоциональным переживанием адресата письма: Спасибо добрым товарищам, жертвуют для именинника целым днем; а эти дни как-то тяжелее других: сильнее ощущает желание быть в прежнем кругу. Но этот круг теперь во многом изменился; может быть много из старых знакомых встретишь и во многом не узнаешь. ВРЕМЯ КЛАДЕТ неумолимую свою ПЕЧАТЬ. В последний раз, в 1825 году, я в Москве справлял майские свои дни (...). (И.И. Пущин Е.А. Энгельгардту, 25 мая 1845 г.). В контексте использованы приемы авторского преобразования ФЕ - фразеологическое развертывание и совмещение фразеологизмов. При развертывании, реализуя принцип актуализации, говорящий может заменить в речи обобщенно-номинативное значение конкретно-образным его эквивалентом. В нашем случае ФЕ «класть / положить печать» в значении «оставлять на ком-либо или чем-либо след какого-либо воздействия», конкретизируется за счет наложения ФЕ «печать времени», дополнительные коннотативные оттенки в значении возникают благодаря лексеме «неумолимую», утяжеляющую общее впечатление безысходности происходящего. Наличие аксиологического (оценочного) компонента в значении лексемы дает возможность обозначить лич-

ностное отношение к номинируемой ситуации, выразить свое эмоциональное состояние.

Кроме того, устаревшие фразеологизмы могут создавать непринужденный, домашний характер общения с адресатом: Митьков, ЖИВУЩИЙ СВОИМ ДОМОМ, хозяином совершенным - все по часам и все в порядке. (И.И. Пущин Е.П. Оболенскому, 27 октября 1839 г.). Эта мысль принадлежит покойной Камиле Петровне, она первая пригласила меня к себе НА ХЛЕБЫ. (И.И. Пущин. И.Д. Якушкину, 28 мая 1840 г.).

Таким образом, устаревшая фразеология писем И.И. Пущина не дублирует уже рационально познанное и закрепленное в языке, но дает возможность очень точно, образно обозначить референтную ситуацию, оценить ее, придать ей различные эмоциональные оттенки: от торжественного до дружеского, от печального до беззаботного. Это связано с тем, что устаревшая фразеология редко бывает нейтральной. Она имеет специфическую стилистическую окраску (разговорную, книжную, просторечную), влияющую на специфику передачи и восприятие информации в тексте письма.

ЛИТЕРАТУРА

Современные фразеологические словари:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. - 784 с.
2. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. - М.: Русский язык, 1987. - 543 с.
3. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. Проф. А.Н. Тихонова: В 2 т. - М.: Флинта: Наука, 2004.
4. Фразеологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. - М.: Цитадель, 1997.

Словари:

1. Вейсманнов. Немецко-латинский и русский лексикон. - СПб., 1731.
2. Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита. - Ч. 1-2. - СПб, 1762.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-27. - М.: Наука, 1975. - 2006.
4. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-14. - Л.: Наука, 1984. - 2004.
5. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. - В 4 т. - СПб: Типография Императорской АН, 1867.
6. Целларий Х. Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом. - М.: Суходальская типография, 1819. - 173 с.

Источники текстов дружеских писем:

1. Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова / Под ред. И.А. Шляпкина. В 2-х тт. - Т.1. Прозаические статьи и переписка. - СПб., 1889.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 10. Письма. - Л.: Наука, 1979. - 710 с.
3. Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. - М.: Правда, 1989. - 576 с.

А.А. Чепуренко,
Челябинск

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ

ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Пространство и время представляют собой универсальные философские категории, отражающие основные формы существования материи. Пространство - это форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие объектов во всех материальных системах. Эти объекты находятся в движении, они представляют собой процессы, в них можно выделить определенные качественные состояния, сменяющие одно другое, поэтому второй формой бытия материи является время, выражающее длительность существования материальных систем, последовательность смены состояний и изменений этих систем в процессе развития.

Пространство и время неразрывно связаны друг с другом: «в понятии пространства отражается структурная координация различных объектов в один и тот же момент времени, а в понятии времени - координация длительности сменяющих друг друга объектов и их состояний в одном и том же месте пространства» (З, с. 99-100). Язык, являющийся формой обозначения реальной действительности, в которой существует человек, отражает связь пространства и времени, в частности, во взаимодействии пространственной и временной семантики. Рассмотрим названное взаимодействие на материале обстоятельственных фразеологизмов (под «обстоятельными» нами понимаются единицы одной из субкатегорий качественно-обстоятельного класса по классификации А.М. Чепасовой).

В результате анализа фразеологического материала мы обнаружили три проявления взаимодействия пространственной и временной семантики. Первое состоит в том, что фразеологические единицы со значением времени образуются из компонентов, в свободном употреблении обозначающих место (пространство) или элементы, его составляющие. Во-первых, это фразеологизмы, в состав которых входят бывшие существительные со значением материальных объектов, структурирующих пространство, например: **с порога** - 'мгновенно, сразу', **у ворот** - 'скоро', **за дверями (дверью)** - 'в прошлом', **на смертном одре** (*одр* «кровать, постель, ложе» (1, с. 431)) - 'перед смертью'.

И время такое придет: Останется грусть и разлука за дверью (И. Уткин). *Теща тоже бывает полезна, Если зятю на смертном одре Завещает колечко и подвески...* (мюзикл «Двенадцать стульев», 2005). *Таня встречала Евгения Максимовича возле лифта и с порога умоляла не говорить плохих новостей папе* (Комсомольская правда, 03.12.2004).

Во-вторых, это единицы, компоненты которых в свободном употреблении обозначают процесс восприятия структурных элементов пространства, а также органы чувств, посредством которых это восприятие осуществляется: **не глядя** - 'сразу', **с первого взгляда** - 1) 'сразу', 2) 'вначале', **на первый взгляд** - 'вначале', **краем глаза** - 'недолго', **как своих ушей** - 'никогда', **на носу** - 'скоро'.

Дверь отворилась, и человек, в котором с первого взгляда можно было узнать немца-ремесленника, вошел в комнату и с веселым видом приблизился к гробовщику (А.С. Пушкин). - *Скорей бы рыбаки на лову сбирались.*

Пооди, конец марта на носу (Б. Лавренев). Чтение архивных рукописей - дело, которое **на первый взгляд** кажется необычайно скучным (В. Каверин). - *Если хотите знать, так Платон Васильич не увидит этого письма как своих ушей* (Д.Н. Мамин-Сибиряк).

В-третьих, фразеологизмы со значением времени включают в свой состав компоненты - слова, обозначающие движение, перемещение в пространстве, которое одновременно оказывается перемещением во времени, и все, что с этим движением связано. Так, единицы **на ходу, на бегу, на лету, на скаку** имеют значение 'во время движения', **с ходу, с набега, с разбега, с лету, с налету, с разлету, с наскока** - 'сразу', **забегая вперед** - 'сразу, до какого-либо другого сообщения', **шаг за шагом** (*шаг* - 'движение ногой при ходьбе, беге, а также расстояние от ноги до ноги при таком движении') (2, с. 878)) - 'медленно, в течение длительного времени', **по дороге (пути)** (*дорога* - «полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» (2, с. 171)) - 'в одно время с чем-либо', **по свежим (горячим) следам** (*след* - «отпечаток чего-нибудь на какой-нибудь поверхности, а также полоса, оставшаяся после движения» (2, с. 717)) - 'сразу же, непосредственно после событий'.

Ему [директору] мы кланялись по всем правилам, остановившись, тогда как с учителями мы здоровались на ходу (К. Паустовский). *Как только Васильева пришла на пробы, с порога, с лету что-то показала, как-то пошутила, всех рассмешила, да с таким задором, что мы все просто в нее влюбились...* (Комсомольская правда, 26.12.2003) *Я увидел руководителя, способного очень неординарно мыслить. Забегая вперед скажу, что позднее я часто ловил себя на мысли: почему она не министр культуры* (Комсомольская правда, 12.09.2003). *Когда нужно было по горячим следам собирать доказательства, вы занимались никчемной писаниной* (Л. Ланский). *Жидкое месиво цеплялось за бедра, волоклось за ней, и Лиза с трудом, задыхаясь и раскачиваясь, продвигалась вперед. Шаг за шагом, цепenea от ледяной воды и не спуская глаз с двух сосенок на острове* (Б. Васильев).

Показательно, что даже единицы с компонентом *место* могут выражать значение времени: **с места** (сразу, мгновенно), **к месту** (вовремя, в подходящий момент), **не к месту** (не вовремя, в неподходящий момент).

Наездница гортанно вскрикнула, ударила коня хлыстом, и вороной с места взял резвой рысью (Б. Акунин). *Кто-то, к месту, прочел у нас в автобусе, когда завиделся Халонг, отрывок о нем из географического описания...* (Р. Бершадский) - *Назарова вы тут не к месту вспоминаете, - усмехнулся Полипов. - Жил на земле он... Все мы на земле живем* (А. Иванов).

Вторым проявлением взаимодействия пространственной и временной семантики во фразеологии является существование единиц, которые в разных своих значениях принадлежат к семантическим категориям места и времени. В нашей картотеке представлено 15 таких фразеологизмов. Назовем некоторые из них: **не за горами** - 1) 'неподалеку', 2) 'скоро'; **до сих пор** - 1) 'до определенного места', 2) 'до настоящего времени'; **за спиной** - 1) 'позади', 2) 'в прошлом'; **на каждом шагу** - 1) 'везде', 2) 'всегда'; **под луной** - 1) 'на земле', 2) 'ночью'; **на пороге** - 1) 'близко, рядом', 2) 'скоро'.

Желающие поздравить его с новосельем благоволят пожаловать в дом

известного **под лунной г.** Малкиеля (А.П. Чехов). ...у вас заведено С кем пошло целоваться **под лунной** (А. Ахматова). - Нести целиком такую доску трудно. **На каждом шагу** она будет цепляться за сучья. Вы белый свет невзлюбите, - сказала Поля, прикинув размер доски за спиной Акимова (Г. Марков). Вы даже не можете вообразить, как часто приходится лгать в пансионе, особенно начальству, - **на каждом шагу** (В. Каверин). Он [Пилат] знал, что теперь у него **за спиной** на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давая друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо (М. Булгаков). В Анаше задержался: Енисей еще не стал, а Филимону Прокопьевичу спешить теперь некуда, беда и поруха остались где-то **за спиной**... (А. Черкасов)

Наконец, третьим проявлением указанного взаимодействия мы считаем наличие единицы, в которых значение не дифференцировано, понятия места и времени выражаются одновременно. Например, фразеологизмы **во мраке (мгле), во тьме, в потемках** обозначают 'в темном месте, ночью', **в <этом> мире, на <этой> земле (планете), на <этом> свете** - 'здесь и сейчас', **в тиши (тишине)** - 'в тихом месте, когда тихо':

"Она [Леканида Петровна], думаю, хорошенькая, пусть хоть попервоначалу какое время и погневаается [муж], а как она на глазах будет, авось опять дух, **во тьме** приходящий, спутает; может и забудется" (Н. Лесков). ...Довольно **в мире** есть предметов, Пера достойных твоего! (А.С. Пушкин). В степь, в глушь, еще более заповедную, чем глушь Суходола, увезла [Наташка] любовь свою, чтобы там, **в тишине** и одиночестве побороть первые, сладкие и жгучие муки ее, а потом надолго, навеки, до самой гробовой доски сохранить ее в глубине своей суходольской души (И.А. Бунин). [Астров Елене Андреевне:] Сознайтесь, делать вам **на этом свете** нечего, цели жизни у вас никакой, занять вам своего внимания нечем, и, рано или поздно, все равно поддадитесь чувству, - это неизбежно (А.П. Чехов).

Таким образом, обстоятельственные фразеологизмы представляют нам одно из языковых доказательств тесной взаимосвязи философских категорий пространства и времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 736 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: АЗЪ, 1996. - 928 с.
3. Философия: Курс лекций / Моск. ин-т национ. и регион. отношений; науч. рук. авт. колл. докт. филос. наук В.Л. Калашников. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с.

Н.В. Шведова,
Курган

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

В современной науке состояние служит интегральной характеристикой различных систем. Согласно философскому энциклопедическому словарю, состояние - это «категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями. С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, который в конечном итоге сводится к изменению их свойств и отношений. Совокупность таких свойств и отношений определяет состояние вещи или явления. Поэтому характеристика состояния вещей и их систем имеет важнейшее значение для раскрытия их сущности» [Философский энциклопедический словарь 1983: 627-628]. Более узкое понятие «состояние» дает философ Хайдеггер: это «действующая в человеке настроенность (настроение), на которую он сам не может оказывать воздействие, но которая определяет в данный момент все его чувства, мысли и желания. Состояние человека есть исходный момент нашего существования» [Философский энциклопедический словарь 1997: 427].

В современном русском языке выделяется особый семантико-грамматический класс фразеологических единиц, которые могут номинировать различные состояния одушевленного и неодушевленного предмета (270 единиц), например: *весело как на похоронах, не по себе, шагу некуда ступить, яблоку негде упасть, голодно и холодно, нет живого места, не все в порядке с головой, мозги набекрень, одному богу известно, (белый) свет не мил, хоть караул кричи, надо хуже, да некуда, (всем) чертям тошно, не так, не эдак, без разницы, до фени, ни тепло ни холодно* и др. Например:

- Мне, матушка, теперь не до смеху; зачем вы мою дочь при всем городе в ваш скандал замешали, вот зачем я приехала! *Ф. Достоевский. Бесы.*

Исследуемые фразеологические единицы соотносятся со словами категории состояния и имеют категориальное значение качественного состояния. В нем отражена генетическая связь с качеством, качественными прилагательными, призначными фразеологизмами, с одной стороны, и, с другой - подчеркнута В.В. Виноградовым - «видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету» [Виноградов 1947: 262]. Как отмечает М.В. Дегтярева, «состояния сменяют друг друга в результате процесса изменения. Объект, переживающий процесс как смену различных состояний, меняет свое отношение к другим объектам. Состояние не отождествляется с процессом, оно, как и отношение, не компонент процесса, а его результат» [Дегтярева 2006: 12].

Таким образом, слова и фразеологизмы категории состояния на категориальном уровне обозначают недейственное, непроцессуальное, качественное состояние.

Категориальное значение фразеологизмов категории состояния - это то общее, что интегрирует их в особый класс и дифференцирует от других семантико-грамматических классов фразеологических единиц.

Качественное состояние как категориальное значение фразеологизмов

категории состояния нельзя смешивать с другими категориальными значениями. Фразеологизмы категории состояния по типу семантики противопоставлены призначным, процессуальным, предметным фразеологизмам и одновременно с ними тесно связаны. Так, призначные фразеологизмы на категориальном уровне обозначают постоянный, вневременной признак. Значение состояния у таких фразеологизмов появляется на субкатегориальном уровне, при этом призначные фразеологические единицы, обозначая качество, свойство, состояние грамматического субъекта, проявляют предикативную семантику как разновидность призначной: «...в третьем классе объединяются фразеологизмы, которые обозначают качество, свойство, состояние предмета или субъекта, поэтому призначность есть то семантическое общее, что делает такие фразеологизмы представителями одного класса» (Например: *сам не свой, вне себя, как в воду опущенный, цел и невредим, как в раю* и др.) [Чепасова 2006: 13-14]. В то же время отсутствие фразеоизменительных форм и наличие синтаксических категорий вида, наклонения, времени сближает фразеологизмы данного класса с фразеологическими единицами категории состояния.

Еще одним из способов выражения состояния, реально существующего в действительности, как отмечает проф. В.А. Лебединская, являются процессуальные фразеологизмы. Но и в этих фразеологических единицах семантика состояния проявляет себя на субкатегориальном уровне: «сема состояния - это процессуальный признак (то есть протекающий во времени), который так или иначе характеризует одушевленный или неодушевленный субъект, являющийся пассивным носителем данного состояния» [Туркина 2003: 123]. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния оформляют процессуальное значение морфологическими категориями лица, времени, наклонения, вида, залога, которые находят свое выражение в самой фразеологической единице. Фразеологизмы категории состояния, обозначая на категориальном уровне недействительное, непроцессуальное состояние, неизменяемы, но имеют синтаксические категории времени, наклонения, вида, которые оформляются аналитически. Например: - *Какая, братцы, прить объявилась у него! А ведь мог бы вполне убится: толь спрыгнул, да при его комплектации - верное дело, - говорил один. - А ему было хоть бы хны!* Н. Кочин. *Парни*. Фразеологизм *хоть бы хны* имеет категориальную семантику качественного состояния, выполняет функцию сказуемого в безличном предложении, синтаксические категории изъявительного наклонения, прошедшего времени выражены аналитически - глагольной связкой **было**.

Таким образом, исследуемые фразеологизмы номинируют состояние, существующее независимо от производителя действия или носителя признака; этот признак-действие пассивного субъекта выражен как состояние.

Профессор А.М. Чепасова, анализируя предметные фразеологизмы как отдельный, самостоятельный семантико-грамматический класс, выделяет семантику состояния на групповом уровне у фразеологических единиц субкатегории отвлеченности: «Шестую группу составляют единицы, обозначающие различные состояния человека - нравственные, душевные, физические, внешне не всегда отчетливо выраженные. Например: *бабье лето, летаргический*

сон, зимняя спячка... и др.» [Чепасова 2003: 135]. «К седьмой группе относятся единицы, обозначающие чувства - состояние или чувства - отношения человека, вызванные своими или чужими поступками, отношениями, деятельностью. Например: *угрызения совести, волчий аппетит, горючие слезы, телячий восторг, телячьи нежности, черная зависть...* и др.» [Чепасова 2003: 138].

По данным нашей картотеки, фразеологизмы категории состояния относятся к двум субкатегориям, характеризующим состояние одушевленного предмета (201 ФЕ: *не по себе, до фонаря, все в ажуре, хоть кол на голове теши, (белый) свет не мил, от стыда голова долой* и др.) и состояние неодушевленного предмета (58 ФЕ: *ни зги не видно, все вверх (кверху) ногами, дым коромыслом, еще черт в ладоши не прохлопал, как в парилке (парной), как в пекле* и др.)

Фразеологизмы субкатегории состояния одушевленного предмета на групповом уровне могут обозначать различные состояния человека: 1) психоэмоциональное состояние (101 ФЕ: *все трын-трава, не по себе, ни жарко ни холодно, что с горы, что под гору* и др.); 2) мыслительный процесс как состояние (29 ФЕ: *(и) слепому видно, одному богу известно, на лице написано, на лбу не написано* и др.); 3) физическое состояние (10 ФЕ: *голодно и холодно, хмеля ни в одном глазу, сна ни в одном глазу, дух вон* и др.). По данным нашей картотеки, 38 фразеологических единиц этой субкатегории являются многозначными, т.к. могут обозначать различные (психо-эмоциональное или физическое) состояния человека, например: *хоть караул кричи, хоть ложись да помирай, надо хуже, да некуда, хоть пулю в лоб, (белый) свет не мил, все в ажуре, дальше ехать некуда* и др.

Среди фразеологических единиц второй субкатегории, обозначающих состояние неодушевленного предмета, выделяются следующие семантические группы: 1) состояние окружающей среды (23 ФЕ: *все вверх дном, все вверх тормашками, дым коромыслом, как в пекле, как в леднике, как в Сахаре, как на рынке* и др.); 2) состояние природы (19 ФЕ: *как в тумане, ни зги не видно, хоть глаз (глаза) выколи, хоть волков морозь* и др.); 3) временное состояние (16 ФЕ: *еще черт (черти) в ладоши не хлопал (не хлопали), еще черти в (на) кулачках не бились (не дрались), не до того (этого), есть когда* и др.).

Таким образом, фразеологизмы категории состояния характеризуются номинативной функцией; особым категориальным значением недействительного, непроцессуального, качественного состояния; неизменяемостью; специфическим набором грамматических свойств, в которых наблюдается влияние аналитизма, не свойственного русскому языку; самостоятельной синтаксической функцией сказуемого в безличном предложении. Все это в целом является достаточным основанием для выделения семантико-грамматического класса фразеологизмов категории состояния среди других классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М.: Высшая школа, 1972. - 614 с.
2. Деятарева М.В. Частеречный статус предикатива: Автореф. дис... докт. филол. наук. - Москва, 2006. - 27 с.

3. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу. - Челябинск: ЧГПИ, 1987. - 80 с.
4. Туркина Б.В. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния: Дисс. ... канд. филол. наук. - Курган, 2002. - 216 с.
5. Философский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - 838 с.
6. Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 576 с.
7. Челасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка. - Челябинск: Издательство Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. - 267 с.
8. Челасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. - Челябинск: ЧГПИ, 1983. - 92 с.

Т.М. Шихова,
Северодвинск

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОБРАЗУЮЩИХ ФУНКЦИЯХ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Особенности функционирования устойчивых единиц в художественном тексте в определенной мере предопределяются их семантическими и грамматическими признаками. В свою очередь, дифференциальные признаки фразеологизмов могут быть выявлены с учетом их поведения в разнообразных контекстах, что находит, в частности, убедительное подтверждение в работах профессора Валентины Андреевны Лебединской [5; 6; 7; 8]. Теоретические обобщения исследователя относительно механизмов формирования значения и семантической структуры процессуальных фразеологизмов, составляющих наиболее значительную часть фразеологического фонда современного русского языка, способствуют выявлению и обоснованию разнообразных функций фразеологизмов, в том числе текстообразующих.

Специфика значения фразеологизмов как знаков вторичной номинации, обогащенной «опытом интеллектуально-эмоционального словесного освоения действительности» [7: 11], проявляется в способности фразеологических единиц (ФЕ) выполнять структурно-композиционную, смыслообразующую, стилообразующую и жанрообразующую функции [2]. Особенности реализации данных функций проиллюстрируем, обратившись к анализу устойчивых единиц в «Сказках» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Так, структурно-композиционную функцию фразеологизмы выполняют, в частности, через участие в формировании заголовков сказок («Недреманное око», «Баран непомнящий» - ср. *Иван непомнящий*). Заметим, что многие названия сказок («Вяленая вобла», «Премудрый пискарь», «Дикий помещик», «Игрушечного дела людишки», «Здравомысленный заяц» и др.) употребляются в современном русском языке в качестве крылатых выражений. Вынесение устойчивых сочетаний в сильную позицию заглавий указывает на их особое место среди других языковых средств и несет, тем самым, значительную смысловую нагрузку.

Кроме того, ФЕ могут принимать участие в формировании отдельных фраз

и сверхфразовых единств. Например, выражения *по возможности, в пределах, хоть что-нибудь, применительно к подлости* неоднократно употребляются в сказке «Либерал» и в других произведениях сатирика, отражая эволюцию определенного социально-психологического типа (либерала).

На особую смысловую и композиционную значимость данных выражений указывает и графическое выделение их в тексте (курсив, кавычки). Обобщенное же значение, которое приобретают словосочетания в тексте сказки, раскрывается самим автором: *Вот тут-то, при размене на мелочи и вырабатывается само собой это выражение: “по возможности”, которое, из двух приходящих в соприкосновение сторон, одну заставляет в известной степени отказаться от замкнутости, а другую - в значительной степени сократить свои требования; <...> действуй **применительно <к подлости>** <...>. Значит, идеалами-то не превозносись, а по нашему масштабу их сократи, да **применительно** и действуй.*

Известно, что наибольшей способностью выполнять смыслообразующую функцию наделены пословицы и поговорки. Причем обращение писателя к одним и тем же иронически преобразованным сочетаниям способствовало их превращению в постоянные средства эзоповского иносказания. Среди устойчивых выражений, постоянно выполняющих смыслообразующую функцию в «Сказках» М.Е. Салтыкова-Щедрина, выделяются две тематические группы: 1) устойчивые сочетания, обличающие социальную несправедливость, произвол начальства: *упечь туда, куда Макар телят не гонял, согнуть в бараний рог, ежовые рукавицы, где раки зимуют, приводить к одному знаменателю* и др. Эти и подобные им выражения встречаются в произведениях Щедрина постоянно и приобретают острый политический смысл; 2) устойчивые сочетания, направленные на разоблачение рабьей морали, двоедущия и приспособленчества, обывательского идеала «умеренности и аккуратности»: *уши выше лба не растут, полегоньку да потихоньку, полегоньку - покойнее, а потихоньку - вернее, поспешишь - людей насмешишь, тише едешь - дальше будешь, стерпится - слюбится.*

Заметим, что практически в каждой сказке можно выделить устойчивую языковую единицу, выполняющую смыслообразующую функцию, формирующую смысл всего текста. Например (помимо перечисленных): *Собаке - собака смерть* («Верный Трезор»), *раскидывать улом* (в противоположном смысле - 'о глупости') («Премудрый пискарь», «Вялая вобла»), *На то и щука в море, чтоб карась не дремал* (на развертывании этой пословицы построена сказка «Карась-идеалист»), *С чего бы?* (вокруг этого вопроса, употребленного в небольшой сказке 10 раз, развертывается сказка «Соседи»).

В целом структурно-композиционная и смыслообразующая функции неразрывно связаны друг с другом: повтор, развертывание ФЕ (или пословицы) в контексте, ассоциативные и конструктивные возможности устойчивых сочетаний, лежащие в основе структурно-композиционной функции, всегда несут и особую смысловую нагрузку.

Основу «Сказок» составляют языковые средства разговорного характера. Вопрос об участии стилистически значимых устойчивых сочетаний в формировании текстов того или иного функционального стиля тесно связан с пробле-

мой стилизации и пародирования, а также в целом с особенностями употребления устойчивых языковых средств разных функциональных стилей. Отметим, что в привлеченных к анализу текстах представлено 62 терминологических сочетания в 82 случаях употребления и несколько сотен устойчивых сочетаний книжных стилей русского языка. Причем научная и официально-деловая фразеология, попадая в несвойственную ей среду сатирической сказки, приобретает особые эстетические свойства и экспрессивные возможности: становится средством стилизации и пародирования. Именно прием стилистического контраста получил в «Сказках» наибольшее распространение [см.: 1; 3; 4; 9; 10; 11]. Публицистическая же фразеология, устойчивые перифразы нередко становятся для писателя источником эзоповских формул, средством создания комического эффекта.

На жанровое своеобразие анализируемых текстов указывает само название цикла - «Сказки». На фразеологическом уровне жанрообразующую функцию в цикле «Сказок» выполняют следующие устойчивые сочетания слов: традиционные зачины («*В некотором царстве, в некотором государстве*», «*Жили да были...*»); присказки (*сказано-сделано; по щучьему веленью, по моему хотенью; жить да поживать; ни в сказке сказать, ни пером описать; делать нечего; много ли, мало ли времени прошло; долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, а не скоро сказывается* с нечисловым значением (*тридевятиое царство, из-за тридевять земель*); постоянные народно-поэтические эпитеты и обычные фольклорные инверсии (*пух лебяжий, пряники печатные, красоты неописанной, мать зеленая дубравушка, храпы перекастистые, звери лютые, сыта медовая, пшено ярое, добрый молодец, красные девушки* и т.д.); свойственные фольклору тавтологические сочетания (*думу думает, стоном стонет, криком кричит, волоком волокли, ходуном ходит* и т.д.); гипербола - у Щедрина гипербола доходит до абсурда, переходит в гротеск: *Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает и всё думает: "Кажется, что я жив? Ах, что-то завтра будет?"* («Премудрый пискарь»); пословицы, поговорки и восходящие к фольклору ФЕ (*на бобах разводиться, ухом не ведешь, ума-разума набираются, разбирать по косточкам* и др.). В сатирических сказках перечисленные устойчивые сочетания способствуют, как правило, созданию комического эффекта.

В заключение отметим, что устойчивые сочетания слов формируют целый ряд аспектов художественного произведения. Textoобразующие же возможности ФЕ зависят прежде всего от информативной емкости их семантики, гибкой экспрессивности, стилевой и стилистических характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горячкина М.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. - М., 1965.
2. Губарев В.П. О прагматических потенциях экспрессивных фразеологических единиц // Лингвистическая семантика и прагматика: материалы 5 научной конференции по проблемам семантических исследований. - М.; Харьков, 1991.
3. Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. - М., 1953.
4. Ищенко И.Т. Пародии Салтыкова-Щедрина. - Минск, 1973.
5. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. - Челябинск, 1987.
6. Лебединская В.А. Роль компонентов в создании фразеологического значения // Системные связи и отношения фразеологизмов: сборник научных трудов. - Свердловск, 1989.

7. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. Семантика процессуальных фразеологизмов: научная монография. - Курган, 1999.
8. Лебединская В.А. Функционирование категории наклонения процессуальных фразеологизмов. - Курган, 1992.
9. Николаев Д. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. - М., 1988.
10. Савенкова Л.Б. Лингвистический анализ сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь» // Русский язык в школе. 1995. - № 3.
11. Савинич Л.В. Эзопов язык и приемы создания подтекста // Русский язык в школе. 1994. - № 2.

В.А. Шлепикова,
Челябинск

ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ, ВЫРАЖЕННОЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ НОМИНАЦИЯМИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, В ЯЗЫКОВОЙ ТКАНИ РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗОК С СЕМЕЙНЫМ КОНФЛИКТОМ

Одной из основных проблем в области языковых исследований русской бытовой сказки является проблема функционирования простого глагольного сказуемого (далее ПГС - В.Ш.), выраженного фразеологическими номинациями разнообразной семантической характеристики.

Наблюдение материала оригинальной авторской картотеки позволило выявить в дискурсивных вариантах сказок неосложненное согласуемое ПГС, репрезентированное фразеологизмами-аналогами глаголов, или «вербальными» (второе значение) [Ахманова 2007: 73] фраземами. Эти номинации «вторичной сигнификации» [Алефиренко 2002] оказались частотными в выражении ПГС в русской бытовой сказке с семейным конфликтом.

Неосложненное простое глагольное сказуемое в согласуемой форме, по материалу, выражается фразеологическими единицами объединения «Рече-мыслительная деятельность». Фраземы этого объединения активны с точки зрения количественной представленности и содержательно-грамматических трансформаций.

Как показало наблюдение, частотными оказались фразеологизмы: *сказки сказывать (рассказывать, говорить) (сказывать (рассказывать, говорить) сказки); позвать в гости (кого-либо) (в гости позвать); (едино) слово молвить (промолвить, вымолвить) (молвить (промолвить, вымолвить) (едино) слово); из пустого в порожнее переливать (переливать из пустого в - порожнее); знать да ведать.*

Фразеологическая единица глагольной семантики *сказки сказывать (рассказывать, говорить) (сказывать (рассказывать, говорить) сказки)*, по анализу, в своем содержательном объеме реализует значение рече-мыслительной деятельности, которое является ядерным, но к нему присоединяются и другие смыслы, выявляемые по контексту, опирающиеся на валентную

характеристику. Как правило, в сказке субъект, соотносимый с речевым фразеологизмом, выражается именем существительным, в семантике которого обязательно присутствует элемент «лицо, много путешествующее, много выдававшее, знающее жизнь», таким существительным в текстах бытовых сказок семейного конфликта частотно выступает имя *солдат*. Учитывая семантику имени, выражающего подлежащее, весь контекст, дискурсивную ситуацию сказки, частное значение фраземы *сказки сказывать* (*рассказывать, говорить*) (*сказывать* (*рассказывать, говорить*) *сказки*) можно квалифицировать таким образом: «говорить долгое время о том, что слышал от других + **выдумывать, но не лгать** + увлекать своим повествованием (эмоциональное состояние слушающих) + самому быть увлеченным своим рассказом (эмоциональное состояние рассказчика)». Как правило, значение, связанное с временной длительностью, присутствующей в содержании анализируемой фраземы, поддерживается и другими языковыми единицами разных уровней: в представляемом примере эту функцию выполняет адвербиальный (наречный) фразеологизм *всю ночь*. Сравните: *Увидал он на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» «Пожалуй, пуцу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки»* (Как муж отучил жену от сказок, 448 А).

Анализируемая фразеологическая единица *сказки сказывать* (*рассказывать, говорить*) (*сказывать* (*рассказывать, говорить*) *сказки*) в диахронии продемонстрировала содержательные изменения, которые привели к образованию **фразем-омонимов**. Так, в рассматриваемых сказочных текстах в семантике данной единицы присутствует смысл «выдумывать, но не лгать». Фразеологизм-омоним **2** *сказки сказывать* (*рассказывать, говорить*) (*сказывать* (*рассказывать, говорить*) *сказки*) реализует, особенно выразительно в художественных текстах XIX века, значение «говорить долгое время + рассказывать подробно действительные, **реальные события** другому лицу с целью отвлечь его от каких-либо (плохих или хороших) мыслей + эмоционально воздействовать на другое лицо». Реальность происшедших событий подтверждается текстом, например: *Так сиди смирно. Не извольте шевелиться, не волнуйтесь, - прибавила она* (Елена - В.Ш.), *грозя ему* (Инсарову - В.Ш.) *пальцем. - И зачем вы ваш шлафрок сняли? Рано вам еще щеголять! Сидите, а я вам буду **сказки сказывать**. Слушайте и молчите. Она начала говорить ему о Шубине, о Курнатовском, о том, что она делала в течение двух последних недель, том, что, судя по газетам, война неизбежна...* (И. Тургенев. Накануне).

В современной речи, особенно молодых людей, а также в публицистике, указанная фразема-омоним **3** имеет содержание: «врать, бессовестно обманывать, стараться запутать». *Что ты мне **сказки-то рассказываешь!**?*

Фразеологической единицей, входящей в список номинаций речемыслительной деятельности и выражающей неосложненное согласуемое ПГС в сказочном материале, по анализу, является и фразеологизм *позвать в гости* (кого-либо) (*в гости позвать*). Фразеологическая процессуальная семанти-

¹ Здесь использована классификация ФЕ Чепасовой А.М. // Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. - Челябинск, 2006.

ка указанной номинации зависит от актуализированных сем составляющих компонентов. По наблюдению, в содержании фразеологизма у глагола *позвать* (мотивирующий глагол *звать*) реализуется из первого значения [СРЯ в 4-х т. Т. 1. 1981: 600] содержательный элемент «выразить через приглашение свое желание о встрече», а у существительного *гость* в частном значении рассматриваемого фразеологизма из первого словарного значения «тот, кто навещает кого-либо» [СРЯ в 4-х т. Т. 1. 1981: 339] актуализируется содержательный элемент, который можно в рабочем порядке сформулировать таким образом: «человек, которого хотят видеть, чаще, у себя дома, встреча с которым приятна, человек, которого хотят отблагодарить беседой и хорошим угощением». Выявленные семы компонентов структуры анализируемого фразеологизма *позвать в гости* (кого-либо) (*в гости позвать*) и помогают рождению конкретного фразеологического значения «вежливой речью, обращенной к кому-либо, пригласить, попросить посетить дом субъекта речи + таким образом, выразить благодарность и оценить человека как приятного, такого, с которым хочется встретиться».

Квалифицированное значение фраземы *позвать в гости* (кого-либо) (*в гости позвать*), выполняющей синтаксическую функцию неосложненного согласуемого ПГС, поддерживается в сказках и соотносительностью единицы с подлежащим, выраженным существительным *купец*: для человека такого статуса высшая благодарность за что-либо - увидеть другое лицо у себя в доме. Исторически гостем русские называли «иноземного купца» [СРЯ в 4-х т. Т. 1. 1981: 339], гость - «иноземный или иногородний купец, живущий и торгующий не там, где приписан» [Даль. Т. 1. 1978: 386]. Сравните: *Купец не знает, как старика благодарить: позвал к себе в гости, угостил хорошенько и подарил ему кусок золота величиной с конскую голову* (Меняла, ЮУ).

В сказочных текстах на бытовую тему с семейным конфликтом активным оказался фразеологизм (*хоть*) (*едино*) *слово молвить* (*промолвить*, *вымолвить*) (*молвить* (*промолвить*, *вымолвить*) (*едино*) *слово*), который выступает часто номинацией своеобразного барьера, запрета для тех, кто слушает речь сказочного персонажа. Подлежащее-субъект выражается, как правило, именем существительным, которое характеризуется знанием жизни, определенной житейской мудростью: в бытовых сказках таким субстантивом активно выступает также имя *солдат*, служивый, прошедший много дорог, познавший людей, повидавший многое. Фразеологическая единица, номинирующая процесс речи, говорения, рассказа солдата обладает сложной семантикой, представляющей амальгамацию смыслов, что опирается на валентную характеристику - связь с субъектом - и отражает сложную денотативную ситуацию. Квалифицировать содержание анализируемого фразеологизма можно в рабочем порядке следующим образом: (*хоть*) (*едино*) *слово молвить* (*промолвить*, *вымолвить*) (*молвить* (*промолвить*, *вымолвить*) (*едино*) *слово*) - «прервать речь говорящего вопросом, репликой, замечанием + высказывать нетерпение + надоедать + обидеть говорящего невниманием + рассердить». Сравните: - «Хорошо, - говорит солдат, - я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть **едино слово промолвит**, так уж не погневись - тому и сказки рассказывать до белого дня» (Как муж отучил

жену от сказок, 507). Выражаемая функция запрета, представленная указанным фразеологизмом, подчеркивается, как правило, последующим текстом - угрозой - «не погневись, сам будешь рассказывать, а потому не смей прерывать рассказчика».

Таким образом, фраземы речемыслительной деятельности, номинируя ПГС, в своей семантике могут иметь несколько осложняющих семантических значений, которые присоединяются к прямому значению процесса речи / мысли и, таким образом, позволяют точнее выразить сказочную событийную ситуацию, поэтому часто к значению «производить речь» добавляются значения, характеризующие эмоциональное состояние, т.е. процессуальные фраземы, имеющие нейтральную стилистическую окраску в текстовом окружении бытовой сказки, получают дополнительную коннотативную нагрузку, происходит модификация семантики под влиянием контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. *Словарь лингвистических терминов* / О.С. Ахманова. - Изд. 4-е. - М.: КомКнига, 2007. - 610 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. *Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры* / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Academia, 2002. - 394 с.

Ю.А. Шуплецова,
Челябинск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ТРЕХКОМПОНЕНТНЫХ ИЗМЕНЯЕМЫХ ФЕ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние десятилетия возрос интерес к языку фольклора, что обусловило возникновение особой науки лингвофольклористики, одним из разделов которой является фразеология фольклора как особая разновидность фразеологии русского языка, обладающая рядом специфических черт. Изучение фразеологии фольклора позволяет глубже исследовать особенности функционирования фразеологизмов в русском языке.

Предметом данной статьи стали трехкомпонентные изменяемые ФЕ¹, встречающиеся в песенных фольклорных текстах на территории Курганской области. Трехкомпонентные фразеологизмы песенного фольклора Курганской области занимают второе место по количественному составу после двухкомпонентных фразеологизмов, представлены двумя классами - процессуальным и предметным - и строятся по моделям словосочетания с бывшей синтаксической связью управлением и предложением.

Среди трехкомпонентных изменяемых фразеологизмов 97% составляют ФЕ, построенные по модели словосочетаний с бывшей связью управлением, что отражает общую тенденцию функционирования фразеологизмов этой группы в русском языке. 96% ФЕ этой модели представлены процессуальными фразеологизмами и лишь 4% приходится на долю предметных ФЕ.

Наиболее распространенной (78%) в данной модели в русском песенном фольклоре Курганской области является подмодель, в состав которой входят компоненты: *глагол, предлог и существительное*. Частные модели представлены 5 видами:

1. *Глагол + предлог + существительное в винительном падеже:*

а) *глагол + в + существительное*: бросать в жар, бросится в беги, признать в лицо, слечь в постелю, толкать в шею, войти в годы, выйти в годы, заковать в железа, попасть в снохи, кланяться в землю, отпускать в люди, брать в дом, собираться в рай, сохватать в беремечко, зарыть в землю, опустить в землю, лечь в могилу / в земельку, зажать в рученьки.

б) *глагол + на + существительное*: срисоваться на карточку, посадить на образа, вывести на смех, мечиться на богатство, вешаться на шею, пойти на перебой, появиться на свет, вывести на моду, становить на очередь, поучить на ум, отправить на покой.

2. *Глагол + предлог + существительное в предложном падеже:*

а) *глагол + в/во + существительное*: пересохло в горле, остаться в памяти, лежать во скорби, перемениться в лице, валяться в ногах, принести в подоле, сидеть во беседе, ходить в золоте, помутилось в глазах, поглядеть во следочек, привести в чувство.

б) *глагол + на + существительное*: держать на неге, оставить на бобах, стоять на квартире, валяться на боках, держать на уме, лежать на дне, постоять на квартире, стоять на пути.

3. *Глагол + предлог + существительное в родительном падеже:*

а) *глагол + без + существительное*: остаться без штанов, топить без воды, остаться без души.

б) *глагол + из + существительное*: выпустить из рук, пытать из ума, выбиться из пару, выйти из строя, придти из солдат.

в) *глагол + до + существительное*: довести до слез, довести до гроба, довести до дела.

г) *глагол + с/ со + существительное*: свести/ вывести с ума, умирать со смеху.

д) *глагол + от + существительное*: маяться от тоски, отстать от ума.

е) *глагол + у + существительное*: держать у ворот.

4. *Глагол + предлог + существительное в дательном падеже:*

а) *глагол + к / ко + существительное*: прижимать к сердцу, прильнуть к сердцу, ехать к венцу, идти ко дну.

б) *глагол + по + существительное*: ударить по рукам, пойти по бокам, подавать по душе, прокричать по дымочку, уйти по замужьям, пойти по миру.

5. *Глагол + предлог + существительное в творительном падеже:*

а) *глагол + с + существительное*: обручиться с могилой.

б) *глагол + под + существительное*: стоять под венцом, носить под сердечушком.

Примыкают к этой подмодели ФЕ, включающие в свой состав вместо компонента существительного субстантивированное прилагательное: довести до гробовой, за веселого попасть, на готовеньком жить, в добры войти.

Остальные группы модели словосочетания с бывшей синтаксической свя-

зью управлением встречаются в фольклорных песенных текстах в единичном количестве и составляют 22%. Из них 84% - процессуальные и 16% - предметные:

1. *Глагол + существительное в В.п. + существительное в косвенном падеже:*

а) *Глагол + существительное В.п. + существительное в Т.п.:* пахать землю носом, ухом землю доставать, отвести беду рукой, топтать ногами душу.

б) *Глагол + существительное в Д.п. + существительное в В.п.:* дать душеньке простор.

2. *Глагол + согласуемый компонент + имя существительное в косвенном падеже:*

а) *глагол + согласуемый компонент + существительное в Т.п.:* уснуть крепким сном, жить своим умом, меняться золотыми кольцами.

б) *глагол + согласуемый компонент + существительное в В.п.:* слушать чужие речи.

б) *глагол + существительное в В.п. + согласуемый компонент:* принять Закон Божий.

3. *Не + глагол + существительное в косвенном падеже:* души не чаять, не сводить глаз, не стоить пяты, не давать виду, не смыкать очей, не давать проходу. Во фразеологизмах данной модели, встречающихся в песенном фольклоре Курганской области, компонент-глагол, как видно из приведенных примеров, требует после себя родительного падежа.

4. *Глагол + существительное в В.п. + наречие:* расплести/ разделить косу надвое, завязать рот косяком.

5. *Не + местоимение + глагол:* не так ходить.

6. *Прилагательное в сравнительной степени + существительное в косвенном падеже + глагол:* белее снегу сделаться.

Предметные ФЕ с тремя компонентами в составе состоят из *существительного в И.п., предлога и существительного в косвенном падеже:*

а) *существительное в И.п. + предлог + существительное в П.п.:* пожар в сердце, ушки на макушке.

б) *существительное в Т.п. + предлог + существительное в И.п.:* с наволоками глаза.

в) *существительное в И.п. + предлог + существительное в Т.п.:* лист с травой.

Трехкомпонентные ФЕ, построенные по модели простого распространенного предложения, составляют 13% от общего количества трехкомпонентных изменяемых фразеологизмов и представлены следующими группами:

1. *Предикат + согласуемый компонент + субъект:* окутал пьяный угар, помята девичья краса, пала ночка темная.

2. *Субъект + не + предикат:* сердце не бьется, сердце не воротится, сердце не припало

3. *Субъект + объект + предикат.* В песенном фольклоре предикат этой модели требует творительного падежа: сердце кровью обливается, сердце грусть-тоскою наполняется, пыль столбом пылит.

4. *Субъект + предикат + объект.* Эта группа представлена частными

подгруппами:

а) *субъект + предикат + объект (существительное в творительном падеже)*: сердце вскинется огнем, грудь наполнилась тоской;

б) *субъект + предикат + объект (существительное в винительном падеже)*: складки покроют лицо, румянец покроем лицо.

Позиция компонентов этих ФЕ, как правило, строго закреплена в тексте. Например: *Я бы рада приголубила, ой, дак **сердце кровью обливается. Сердце кровью обливается, ой, дак грусть-тоскою наполняется.***

Вывод: Трехкомпонентные ФЕ песенного фольклора Курганской области, с одной стороны, отражают существующее в русском языке положение о преобладании моделей словосочетания с бывшей синтаксической связью управление в этой группе, с другой стороны, обладают своей спецификой, будучи представлены только двумя классами - процессуальным и предметным - и не включают в свой состав призначные ФЕ.

*И.А. Шушарина,
Курган*

«ПЕРЕБИРАТЬ В ПАМЯТИ» (СЕМА «ПАМЯТЬ» В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

И в русском, и в польском языках содержится значительный по количественному составу корпус фразеологизмов, содержащих сему «память». Эта сема входит в состав общекультурных категорий, в том числе и религиозных, она неразрывно связана с восприятием человеком окружающего мира, самого себя и других людей, то есть связана прежде всего с сознанием, с осмыслением бытия, ментальностью. Не случайно представление о памяти в славянских языках напрямую восходит к представлениям о мышлении. Сама лексема **память / паміж** является производной от общеславянского глагола *тънїтеі: *тънїмеі «думать», «считать», «полагать», «надеяться», в свою очередь берущего начало от общеиндоевропейского *mep- : *mip-, также напрямую связанного с представлениями о размышлении, памяти, мысли, сознании (Черных, 1, 536). В современных русском и польском языках исторические чередования связывают корни слов **память - паміж, помнить - паміктаж, запомнить - зараміктаж, пораміктаж, поминать - wspominаж, мнение - mniemanie, мнить - устар. mnieж, совр. mniемаж** и др., а также **поминки «stupa, tryzna», сомнение - «wNetpienie», zapomnieж «забыть»** (ср. совр. рус. **запомнить** «забыть»), **zapominanie «забывчивость»** и др. Как видим, основной корпус лексем в русском и польском языках совпадает, но это происходит далеко не всегда. Некоторые понятия в русском языке связаны с отношением к бытию, в польском - с древними традициями, в частности с ворожкой на внутренностях животных (wNetpie - Вогуь, s.682). Та же картина наблюдается и во фра-

зеологическом составе.

Рассматриваемые фразеологизмы являются очень употребительными в современной русской и польской речи. Благодаря относительной неконкретности понятий *память*, *помнить*, *мнить*, *мнение* и др., фразеологизмы, содержащие эти форманты, имеют очень широкий спектр значений, причём как очень близких («удерживать в памяти специально», «удерживать в памяти случайно»), так и диаметрально противоположных («удерживать в памяти, помнить» - «не удерживать в памяти, забывать»). Перечислим основные группы значений.

Удерживать (удерживая) в памяти специально: *знать на память - umieć na pamięć*, *делать что-л. по памяти - robić coś na pamięć*, *сохранить в памяти, врезаться в память, держать в памяти, удерживать в памяти - zuchowywać w pamięci, w pamięci (liczyć)* «(считать) про себя, не вслух».

Удерживать в памяти случайно: *всплывать в памяти, не выходит из памяти.*

О недавно запомненном: *на свежую память - za świeżej pamięci*, *(пока) свежо в памяти.*

Для сохранения памяти: *дать (подарить) на память - dać (podarować) na pamiątkę*, *в память чего-либо - na pamiątkę czegoś, rzecz pamiątkowa* «вещь, хранящаяся в память чего-л., кого-л.».

Специально не удерживать в памяти: *выбросить из памяти, вычеркнуть из памяти - rzuścić coś w niepamięć* «предать что-либо забвению», *pominąć milczeniem* «обойти молчанием».

Случайно не удержать в памяти: *выпасть из памяти, выскочить из памяти - uciekło z pamięci* *комуś*, *память обманывает - pamięć nie dopisuje*, *память изменяет - pamięć tyli*, *не помнить себя от чего, не упомянуть всего.*

О недолговременной памяти: *короткая память - krótka pamięć*, *дырявая память - dziurawa pamięć*, *девичья память, курза память - kurza pamięć* «куриная память».

Об отсутствии мысли о чём-либо, растерянности: *без памяти - bez pamięci*, *не помня себя - bez opamiętania* «безрассудно, опрометчиво», *до беспамятства - do niepamięci*, *zapomnieć jakby w gębę (w ustach)* «язык прилип к гортани».

Об отсутствии в чьих-либо мыслях: *pominąć szczegółów* «опустить подробности», *pominąć okazję* (spodobność) «упустить случай», *pominąć w awansie* «обойти повышением по службе».

Находиться за пределами памяти: *с незапамятных времён - od niepamiętnych czasów*, *руньёж в niepamięć* «быть забытым», *być w zapomnieniu* «пребывать в неизвестности».

Упорядочивать в памяти: *перебирать в памяти.*

Как видим, далеко не все группы фразеологизмов одинаково представлены в русском и польском языках. Это объясняется тем, что фразеологизмы, содержащие сему «память», возникли в разные эпохи под влиянием разных

факторов. Кроме того, для разных народов актуальными могли быть разные аспекты и качества памяти и связанные с ней процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. - Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006.*
2. *Kubiak-Sokół A., Sobol E. Szkolny słownik frazeologiczny PWN. - Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2007.*
3. *Podręczny słownik rosyjsko-polski / Pod red. J.H.Dworeckiego. - Warszawa: Wiedza powszechna, 1975.*
4. *Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - СПб.: Вариант, 1994.*
5. *Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - Т. 1-2. - М.: Русский язык, 1994.*

**Л.П. Юздова,
Челябинск**

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПО ТИПУ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ КВАЛИТАТИВНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ

Существует различная степень закодированности смыслов в сравнительных конструкциях, во фразеологизмах, построенных по типу сравнительных конструкций, и в лексемах качественной семантики. Расшифровка смыслов связана с культурными установками носителя определенного языка, с его менталитетом. Особенности сравнений, наименований качеств действий, признаков напрямую зависят от мышления человека. Объекты сравнения связаны с менталитетом народа. Понятие «менталитет» в последнее время употребляется довольно часто. В словаре С.И.Ожегова слово называется «книжным» и определяется как «мировосприятие, умонастроение» [1, С.358]. Такое определение, хотя и иллюстрируется примером «менталитет русского народа», кажется неполным. Менталитет, скорее, совокупность образов и представлений, которыми руководствуется человек или группа людей. Конец XX века ознаменовался появлением нового подхода к изучению менталитета - лингвистического. Учёные пришли к выводу, что одним из путей познания «сложности и высоты духовных идеалов, тонкости и разнообразия чувств, эмоций русского человека» является изучение семантики языковых единиц [3]. Смыслы - ядро культуры, они реализуются в культурных кодах - словах, символах, стереотипах поведения, ритуалах. Смыслы выявляются в сравнении. Свою культуру мы понимаем только тогда, когда сталкиваемся с чужой. Если менталитет нами осознаётся не всегда, то картина мира (проявление менталитета) осознаваема. Это своеобразная мозаика, состоящая из концептов. «Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2, С.43]. Сравнение - это одновременно и ключ к познанию культурных аспектов развития менталь-

ности, и способ создания языковой картины мира. Познавая мир, человек использует такие акты мышления, как анализ и синтез, которые возможны благодаря выявлению свойств, признаков, качеств и т.д. и их сравнения.

Каждый народ, носитель определенного языка, использует свои семантические модели для создания сравнений. Для иллюстрации мы взяли сравнения, используемые и создаваемые в тексте философского эссе, дидактической проповеди «Мир огненный» Н.К.Рериха, безусловно, являющегося носителем глубинной ментальности русского народа (был членом объединения «Мир искусства», занимал пост его председателя в 1910-1911 гг.; активно занимался археологическим изучением славянских древностей в Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской губерниях; внес большой вклад в развитие русско-индийских отношений, выступая как носитель глубинной культуры славян).

Сравнения и устойчивые обороты в тексте Н.К.Рериха выявляют соотношение более сложных наименований качеств действий и признаков с элементарными, но далеко не простыми, наименованиями. Восприятие качества происходит через сравнение нового с уже существующим в сознании народа, данного субъекта, сходным с новым называемым. В используемых сравнениях Н.К.Рерих запечатлевает приобретенные знания, свое мировоззрение, мировосприятие народа:

- Мыслеформы напрягают каждое жизненное назначение, **как огненный Импульс жизни.**
- Огонь проявляется, **как импульс в сердце, как движение мысли, как великий объединитель Миров.**
- Творчество нужно понять, **как соединение различных энергий, явленных Огнем пространства и духом человека.**
- Каждая Эпоха оставляет свои отпечатки в Вечности. Эти явления остатки времени также жизненны, **как сама жизнь.**
- ...воспитание сердца должно быть понято, **как вожжение всех огней.**
- Применимость всех высших Начал есть основа жизни, ибо каждое высшее Начало утверждается, **как само дыхание и движение жизни.**
- Так понятие духовных посылок должно войти в жизнь, **как высшее проявление.**
- Человечество поглощено следствиями, но корень и начало всего - творчество, но оно забыто. Когда дух будет почитаться, **как священный Огонь**, то подтвердится Великое восхождение.
- При растерянности, конечно, психическая энергия не может сконцентрироваться и начать действовать. Но при дерзании духа она может вспыхнуть, **как мощное пламя**, образуя как бы защиту против надвигающегося зла.
- Так приучитесь обращаться бережно с сознаниями, **как с огнем.**
- Нужно привыкать представлять себе многие слои Тонкого Мира. От алого пламени до самого прекрасного сияния радуги, **как волнующееся пламя**, переливаются эти грани и ткнут всевозможные сочетания.

- Так нужно обратиться к мысли, как к пути творящему.

В целом мировосприятие, запечатленное в сравнениях и фразеологизмах, построенных по модели сравнения, представляет нам фрагмент языковой картины мира и автора текста, и народа-носителя языка. Используемые в сравнениях лексемы-компоненты: сердце, огонь, пламя, энергия, жизнь и др. под. - называют основополагающие понятия бытия, обращают читателя, слушателя к истокам, первопричине всего сущего, к самому важному, делая таким образом значимым и то, что называется, например, во главу угла ставятся такие понятия, как воспитание, психическая энергия (*воспитание сердца должно быть понято, как вожжение всех огней; психическая энергия... может вспыхнуть, как мощное пламя, образуя как бы защиту против надвигающегося зла*). Сравнение не только подчеркивает значимость правильного, с позиции автора текста, понимания воспитания, но и создает образную яркую ассоциацию, которая и служит первой заявленной цели.

В сравнении для выражения понятия привлекается комплекс средств: сравнительные союзы, значение прилагательных, существительных и т.д., падежная конструкция, в целом синтаксическая модель. Показательно, например, сравнение воспитания с «вожжением всех огней». Яркий образ создается Н.К.Перихом благодаря использованию существительного «огонь», а также слова, вносящего книжный, высокий оттенок - вожжение, и не просто «вожжение огней», а «вожжение всех огней». Н.К.Перих затрагивает высшую цель воспитания - помощь человеку в наиболее полной реализации себя как личности.

Фразеология русского языка ярко отражает ментальность народа. Возьмем, например, такие фразеологизмы:

- *как черт знает что* (чрезвычайно; Говорю вам, капризен, *как черт знает что!* - зашептал Коровьев, ну не желает! М.Булгаков, Мастер и Маргарита)
- *как (будто, словно, точно) черт* (очень; Комнату вернули, а бравый Гигиенишвили за самоуправство просидел в тюрьме четыре месяца и вернулся оттуда злой, как черт. И.Ильф, Е.Петров, Золотой теленок)
- *как черт (от) ладана* (пытаясь избавиться всеми силами, всеми средствами; Тут обе собачонки так развопились, что хоть уши затыкай! Но в фургон ни лапой. Наоборот, шарахаются от меня, *как черт от ладана*. В.Кунин, Кыся)
- *как черт ладана* (очень сильно; И самое главное, воспротивится Кустов, *как черт ладана*, боявшийся Чехословакии, где его когда-то пасла наружка. А.Азольский, Монахи)

Слово «черт» общерусское, это имя существа, олицетворяющего нечистую силу. «Русский черт, как пишет Ю. Степанов [2, С.860], - слуга Сатаны, коварный совратитель людей, но вместе с тем и шутник, и веселый пройдоха, с которым русскому человеку можно и потягаться, и побороться...». Если во фразеологизмах *как черт знает что* и *как (будто, словно, точно) черт* не присутствует оттенка иронии, то в единицах *как черт ладана* и *как черт (от) ладана* он присутствует. Этот оттенок, конечно, может уловить только человек с русской ментальностью.

Вне сомнения, язык «пропитан» ментальностью. Только через призму

ментальности можно быть понятым и можно понять наиболее точно смысл и слова, и фразеологизма, и синтаксической конструкции, и в целом текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка [Текст] / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1992. - С.358.
2. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. - М.: Академический проект, 2001. - С.860.
3. Чепасова, А.М. Итоги и задачи челябинской фразеологической лаборатории на ближайшие 40 лет [Текст] / А.М. Чепасова // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Фразеология в аспекте науки, культуры и образования». - Челябинск: ЧГПУ, 2001.

А.А. Юнаковская,
Омск

ОТРАЖЕНИЕ «СИМВОЛИКИ ВЛАСТИ» ПОСРЕДСТВОМ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДЕЛОВОЙ СИБИРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII-XVIII ВВ. И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Рассмотренные документы и научная литература позволяют говорить о

том, что первоначально Сибирь - это трудно проницаемое пространство, внутри которого все учтено, определено и должно принадлежать государю, это государева (сеньориальная) территория. В целом на новых территориях воспроизводилась в основных чертах социальная структура, сложившаяся в европейской России: центральным понятием устройства государства в XVII в. является *царь, великий князь всея Руси - государь*.

В ряде документов нет приговора царя или царицы, а стоит только отметка «*чтено в Верху*». Можно говорить о существовании государственной «вертикали» **верх-низ**. По документам можно увидеть основную оппозицию взаимоотношений царя и остальных людей: *царь - холопы*. Это патриархальный тип власти, основой которого было поклонение государю (харизматичность власти государя).

Анализ документов Сибирского приказа (РГАДА. Ф.214) и местных архивов показал, что те же ключевые понятия являются основными при устройстве государственного управления на новых территориях.

За всем здесь происходящим наблюдало **око царев**. При этом важным являлось понятие **именины государевы (ангелы царские)**. На первом месте у служивых людей всех рангов должен находиться любой **государев интерес**, учитывается **государева прибыль, государевы пошлины, государева казна**. Основой дохода является **государев гостинный двор, государево винокурение и государевы кружечные дворы**, охраняются **государев хлеб, государевы пашни, государева десятина, государевы товары** и т.п. Практиковали отбор мягкой рухляди и конфискацию «заповедной» мягкой рухляди у служивых людей «**на государя**».

На новых территориях в населенных пунктах отмечается различное государственное имущество: существовали «**государевые дощаники**», а также «**государевы кузницы**», «**государевы мельницы**», «**государевы бани**» (государственные, казенные) и т.п. В документах указывается и назначение собранной ценной пушнины: упоминается «Казенная соболиная палата, где лежит **государева мягкая рухлядь**» (Царская мастерская палата).

Первые первопоселенцы были «**государственники**» (Резун), т.е. служба государю и для государства была на первом месте. Например, в 1681 году томскому таможенному голове Андрею Цывозерцу рекомендовалось «**однолично ему..., с целовальники, будучи в таможенѢ, всякие государевы пошлины и десятинные деньги збирать на великого государя и у приѢзжих торговых людей товары их ценить по государеву цареву и великого князя...крестному целованию, вправду. Другу не дружить, врагу не мстить, посулов и поминков не имат ни у ково ничево...и своими никакими товары не торговать...потому ж смотрѢть накрѢпко, чтоб они потому ж великого государя казною ничем не корыстовались и в книги всякие таможенные доходы и десятинной збор писали вправду**» За «нерадение» ему быть «**от великого государя в жестоком наказании**» (Первое столетие освоения Сибири русскими. 1999. С.48).

Можно утверждать, что для этого периода характерна тенденция возвеличивания царя, утверждения идеи великодержавности: отражается определенная социальная ситуация. На экстралингвистическом уровне можно гово-

речь о формировании идеологемы.

Осмысление окружающего мира происходит через восприятие реалий и отражение их определенным образом организованных языковых единиц (чувственное восприятие мира накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем - на языковую репрезентацию). В рассматриваемый период, вероятно, следует говорить об устойчивости словосочетаний, содержащих «усилительный» компонент **государев**. Они уже обладают семантическим единством, смысловой целостностью. Это своеобразный вид речевого единства, хотя еще возможно говорить о его разложимости. С точки зрения деловой письменности, это стереотипное словосочетание, элемент формуляра, возникший на основе «верхней» части текста - т.н. титулования. Получается, что для данного типа устойчивых сочетаний отсутствует такой признак, как эмоционально-экспрессивное содержание (Ш. Балли).

Со временем устойчивые сочетания с компонентом **государев** попадают в разряд устаревших *фразеологических единств* (В.В. Виноградов), обладающих смысловой разложимостью и самостоятельностью компонентов.

В современных условиях в городской речи актуализировались такие единицы, как **государева служба** государственное учреждение, **государевы люди** госслужащие, **государева польза** выгодное для государства действие, **государево око** прокуратура и т.п. Происходит извлечение «нового» имени из «старого» слоя устойчивых словосочетаний, возврат предшествующих исторических периодов в современный культурный контекст. Это связано с изменением стиля мышления, приводящего к поиску адекватных средств отражения окружающей действительности. Наблюдается «проявление» новых свойств у старых наименований: т.н. культурно-историческая «ремотивация» части семантики единиц. В данном случае происходит обособление «нового» от смежных явлений в прошлом. На первый план выдвигается наиболее важный в современных условиях признак, используется культурные коннотации (В.Н. Телия). Существующий в языке знак активизируется благодаря заложенному в нем коллективному представлению о явлении действительности и актуализации наиболее важной для говорящего части понятия.

Итак, ремотивации могут подвергаться не только лексические единицы, но и фразеологизированные устойчивые словосочетания предшествующих исторических периодов.

СОДЕРЖАНИЕ

Абреимова Г.Н.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.М. ПРИШВИНА 4

Авалиани Л.И. Хачапуридзе Л.С.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГРУЗИНСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ 9

Агапова А.Н.

СРЕДСТВА ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВО- И ФРАЗЕООБРАЗОВАНИЯ В ЗАГОЛОВКЕ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ	12
Андропова Е.В.	
ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ УЧАЩИХСЯ 6-11 КЛАССОВ	16
Анохина С.В.	
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.А. БУНИНА	19
Балашова О.А., Елисеева О.В.	
ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ ПО УРОВНЮ И СТЕПЕНИ ПОЛИМОТИВИРОВАННОСТИ ИХ ЗНАЧЕНИЯ	22
Бобылева Т.В.	
СПЕЦИФИКА СВЯЗОК СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ В ПОВЕСТЯХ А.И. КУПРИНА	25
Варлакова Т.В.	
О КРИТЕРИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ В МНОГООЧЛЕННЫХ РЯДАХ СМЕШАННОГО ТИПА	28
Васильев Ш.И.	
КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ФЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	32
Воронина Л.В.	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ФИНИТИВА	36
Георгиева С.И.	
О СЕМИОТИЧЕСКОЙ СВЯЗКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	37
Гончарова Н.В.	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ АРХИТЕКТОРОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА	40
Горева О.Н.	
ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРЕНТАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	43
Григораш А.М.	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА В УКРАИНЕ»)	46
Грачев М.А., Еделева Ю.А.	
ОСОБЕННОСТИ АРГОТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «БРАТЬ/ВЗЯТЬ»	49
Ермолаева М.В.	
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБМАНА (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)	52
Жевлакова Н.Н., Медведева Н.А.	
МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. КУРГАНА	54
Зайнульдинов А.А.	
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ФАКТОР	

СОЗДАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЭМОТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ	57
<i>Иванова Л.А., Самохина Л.А.</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ МИР В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	60
<i>Ильина Л.Н.</i>	
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СУБКТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР»	64
<i>Кабыш В.И.</i>	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРСИВОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ БРАТЬ/ВЗЯТЬ	66
<i>Казачук И.Г.</i>	
НУЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОБЪЕКТНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	69
<i>Коваленко Е.Б.</i>	
СПОРТИВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	71
<i>Кочанова Е.Н.</i>	
СЕМАНТИЗАЦИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЯЗЫКА ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ	74
<i>Ксенофонтова Л.В.</i>	
ПРОБЛЕМА МЕСТА И СТАТУСА СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЯЗЫКЕ	77
<i>Кудрина Н.В.</i>	
ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ ВРЕМЕННЫЕ ОТРЕЗКИ, В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ	81
<i>Куньгина О.В.</i>	
ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ ОМОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЧАСТИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА)	83
<i>Лебединская М.И.</i>	
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СРАВНЕНИЯ В КОМПАРАТИВНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ К. БАЛЬМОНТА	86
<i>Лоскутова Т.Н.</i>	
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ», ВЕРБАЛИЗОВАННОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА	88
<i>Мандрикова Г.М., Наряднова Л.С.</i>	
КТО ТАКОЙ ДЕД ПИХТО? (ОТВЕТНЫЕ ФРАЗЕОРЕПЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ)	92
<i>Муллинова О.А., Муллинова Т.А.</i>	
О ТРУДНОСТЯХ, СВЯЗАННЫХ С ОБУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	95
<i>Навроцкий А.А.</i>	
СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ, МАНИФЕСТИРУЕМЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ПРИЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»)	98

Никонова Е.Б.	
СТРУКТУРНЫЕ ЧАСТИ СИНОНИМО-АНТОНИМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ ...	101
Обвинцева Н.В.	
ГЛАГОЛЫ ВОСПРИЯТИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	104
Осинцева К.А.	
СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ МНОГОСЛОЙНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА: НОМИНАЦИИ ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ» Б. АКУНИНА)	107
Папуша И.С.	
ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО	110
Песина С.А.	
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИСЕМАНТОВ В МЕХАНИЗМАХ РЕЧЕПРОИЗВОДСТВА	113
Петров А.В.	
ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТА ОБЪЕКТНО-СУБЪЕКТНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	115
Помыкалова Т.Е.	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИЗНАКОВАЯ СЕМАНТИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ю. ДРУНИНОЙ)	119
Почиталкина Н.Е.	
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПРИЗНАКА - НОМИНАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РАЗНОГО ЖАНРА)	122
Притеорова М.Г.	
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЭРИХА КЕСТНЕРА «ФАБИАН»)	125
Радченко Е.В.	
ПАРАДИГМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГЛАГОЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ БИТЬ, ЛОМАТЬ, РЕЗАТЬ, ХВАТАТЬ	128
Ратушная Е.Р.	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ	131
Савельева М.В.	
ПЕРФОРМАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ	134
Савёлова Л.А.	
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИСТЕМЕ РУССКОГО НАРЕЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВИДОВОЙ ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА)	139
Сергеева Г.Н.	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ФРАЗЕОЛОГИЗМА С ГАКОМ	141
Соколова А.А.	
МНОГОЗНАЧНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ СОДЕЙСТВИЯ	144
Степаненко О.А.	
КОНЦЕПТ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА	147

Научное издание

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА

Валентины Андреевны ЛЕБЕДИНСКОЙ

Выпуск 4

*Сборник материалов
Международной научной конференции
3-4 марта 2008 года*

Подписано в печать
Формат 60*84 1/16
Заказ

Бумага тип № 1
Усл.-печ. л. 11,75
Тираж 150

Печать трафаретная
Уч.-изд. л. 11,75
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет.